

YAM

publishing

Глеб Васильев

Игрушка белоглазого чу

повесть временных душ

Лёня Пузырьков и Геша Дружилкин — молодые люди, безоговорочно преданные Искусству. Они чувствуют в себе достаточно сил, чтобы бросить вызов Вечности и покорить Вселенную, хоть те о них слыхом не слыхивали. На что способны двое бездельников, если свободного времени полно, в головах тесно от мыслей, а в руках — шариковая ручка? Расставить все по местам и перевернуть вверх тормашками! Написать роман, гремучий коктейль из реальных лиц и выдуманных персонажей в хитросплетении правдивых и фантастических сюжетов, признающих лишь одну власть — Фантазию! Но, увлекшись игрой, неопытные писатели-демиурги изменяют окружающую реальность росчерком пера, границы между обыденной жизнью и писательской выдумкой стираются. Теперь Лёне и Геше придется хорошенько постараться, чтобы не только закончить начатое повествование, но и самим остаться в живых! Они лицом к лицу столкнутся с физическими муками творчества, переселением душ и укрощением кровожадных монстров. Проверят дружбу ревностью, талант голодом, а любовь — жизнью. Лишь пройдя все испытания в бушующем океане вырвавшихся из-под контроля событий, они узнают ответ на главный вопрос — если мир вокруг выдуман, то кто выдумывает выдумщика

*В тишине вдруг на дне
Горе зашумело
И за что это мне,
Я спросил несмело
Свет иссяк, умер день,
Ночь похоронила
В темноте Горя тень
Зычно голосила
Вдруг кошмар мой вспыхнул огнем
Столько лет я не помнил о нем
Я с суровой спорил судьбой
Ради новой жизни одной
Но уже не займется заря
Все надежды — все было зря
Все мечты мои — все было зря
Все напрасно было
Рядом ты, мы вдвоем
Я не жду пощады
В сердце боль, в горле ком
Горечь едкой правды
Кто не жнец, тот мертвец,
Горе говорило,
Успокойся, глупец,
Все напрасно было*

Т.О. Поносин, «Блюз Фаталиста» из художественного кинофильма «Князь Владимир меняет конфессию»

∞. Балаганчик

Признаться, не люблю гениев. От них веет могильным холодком. Вполне закономерно, ведь гений будет жить в веках, большинство из которых проведет в могиле. Такой вот парадокс — сотворил нечто гениально и можешь считать свою смерть свершившейся. Гении спят исключительно лежа на спине — точно в такой позе они будут существовать после смерти, под землей. С посредственностями совсем другое дело. Они искренни, теплы и подкупающе сиюминутны. Живут здесь и сейчас — им, в отличие от гениев, доступ к жизни после смерти закрыт, поэтому в краткий миг своего существования они выкладываются по полной программе. Это гению нужно цедить себя почуть-чуть, чтобы на вечность растянуть. Посредственный созидатель подвижен, смешлив и наивен, не к месту многословен — краткость не его сестра. Его мысли, горе и радости просты и понятны. Интересы посредственности лишены экзотичности, извращенности и всяких изощрений. Его раздражает реклама, мучает похмелье и огорчают близкие. Кто, как не он достоин приза зрительских симпатий? Он неотличим ни от кого, кроме гения, который, как мы выяснили, изначально где-то — ту-ту — там, за горизонтом, на седьмом небе или пятом кругу ада. Так, все, с этого момента оставляем Кесарю его сечение и о гениях больше ни слова — о мертвых либо хорошо, либо никак. Всей душой надеюсь, что в результате у меня выйдет что-нибудь средненькое, не рыба, не мясо.

Вот я и куколок подобрал. Надеюсь, они моих ожиданий не обманут. У вас в детстве были куклы-варежки? Надеваешь куколку на руку — головка налезает на указательный палец, а ручки — на большой и средний. Прижатые к ладони пальцы — мизинец и безымянный — тоже задействованы. Они изображают животик куклы. А ногами вашей ручной марионетки, тут уж ничего не поделаешь, придется быть всему тому, что не влезло в варежку. То есть, вам целиком, за исключением кисти руки (или рук, если вы натянули по куколке на обе руки). Если в детстве у вас были такие игрушки, то вы должны знать — как только наденешь эту волшебную варежку, нужно сразу же начинать представление — разговаривать с ней и за нее. Мои друзья-куколки заняли свои места, балаганчик открывается.

1. Демиурги

Графомания — (от греч. grapho — пишу, черчу, рисую и греч. mania — безумие, исступление), болезненное влечение к усиленному и бесплодному писанию, бесполезному сочинительству.

Большая Советская Энциклопедия.

— У меня тоже когда-то было пальто, — Пучеглазик смялся в мечтательном прищуре.

— Эй! На что это ты намекаешь? — насторожился из-под челки Пачкун. — Хочешь сказать, что я пальто у тебя подрезал, пухлячок?

— Нет-нет, что вы... — Пучеглазик взморгнул. — Я вовсе ничего такого и не думаю.

— Молодец! Правильно делаешь, что не думаешь, — скрипнув добродушной улыбкой,

Пачкун ковырнул в носу. — Это пальто я стащил у одного чумадана.

— У кого, простите? — непонятливый Пучеглазик дурашливо раззявил варежку и поднял бровки.

— Не твое собачачье дело, — кладнул Пачкун. — Но можешь не сомневаться, скомуниздил у персонажа весьма достойного и высокоморального.

— А-а-а, — Пучеглазик разгладился и просветлел ликом»

«А что, классно получилось. Написано так сочно, вкусно, слюнки текут — спасу нет. Представляешь себе пухлячка Пучеглазика — персонажа, наделенного гуттаперчевой мимикой и внешностью целлулоидного пупса, так и хочется его за щечку пожать. Нежненько, но чтоб почувствовал, захопал удивленно блюдцами глазенок и пробормотал смущенное «ну что вы в самом деле». А можно и посильнее, грубовато так стиснуть, чтоб ущип сперва побелел, а уж потом, когда хваточку чуть ослабишь, кровушка к нему прилила и нарумянила, как бочок бархатистого персика. Хочется, ведь правда же? Пучеглазик, глупыш такой, обиды незаслуженной не поймет и проглотить всю не сможет — захлопает курносой конопушкой и в слезы. А ты ему «ну, маленький, ну, тихонько, ну, спокойненько». Он еще посопливится чуточку, да успокоится, хотя казалось с чего бы. Посмотрит только доверчиво так, будто проверяя, не уловка ли. Не хватанешь ли ты его снова за ту же щечку болезненно. А до него уж дела никому нет — ишь чего, щипать красавца такого — заняться больше нечем. Фи! У нас же тут еще один персонажик симпатичный своей очереди дожидается — Пачкун. Тощий, зеленый и колючий, как растение декабрист, мирно засыхающее в треснутом горшке на кухонном подоконнике. Мандрагора, тьфу ее. Кочевряжистый такой, небрежный, но беспонтовый по замыслу. Спрашиваешь его «милок, чёй-то ты такой подузоватый?», а он набычится «а те-то чё?». Ты ему «подузоватый-то чего, ухряпок?», а он то ли совсем в несознанку уйдет, то ли в бычке ошестинится».

Разглядывая, ощупывая и пробуя на зуб своих новых героев, Геша Друзилкин не заметил, как в комнату сквозь неплотно прикрытую дверь проскользнул Лёня Пузырьков.

Пузырьков подкрался к Друзилкину и что есть мочи гаркнул ему на ухо: — Привет!!!

Геша испуганно подпрыгнул вместе со стулом, чем доставил Лёне немалое удовольствие.

— Привет творческой интеллигенции, — уже нормальным голосом сказал Пузырьков. — Опять бумагу мараешь?

— Да ну тебя, — Друзилкин в отместку за пережитый испуг решил не здороваться. — Сам ты бумагу мараешь, а я — творю.

— И что за тварь из тебя на сей раз из тебя вылезла? — Лёня уселся на письменный стол — единственный стул в комнате был занят Гешей.

— Смотри, какие персонажи вылупились, — Друзилкин сунул листок с только что написанным диалогом под нос Пузырькову. — Как живые — тепленькие, трехмерные.

— Пучеглазик и Пачкун, — Пузырьков пробежал ленивым глазом по строчкам и цокнул языком. — Ну, если «спокойной ночи, малыши» тебя с таким сценарием пошлют в дырочку, то придется запереться в сортире и проглотить свинцовую пилюлю, как того требует честь офицера запаса.

— Не надо завидовать. Мусью, ваша шпага коротка и тупа, ранить меня ею, увы, шансов нет, — Друзилкин вырвал исписанный листок из рук Пузырькова.

— Не по адресу, — Лёня цинично испортил воздух. — Пусть тупа, пусть коротка, но ранить вас — увольте. Я не пидорас.

— Ишь ты, какая рифма, — Геша брезгливо повел носом.

В незапамятные времена (лет пять-шесть назад) Друзилкину и Пузырькову случилось оказаться в одном институтском потоке. Во время учебы друзья жили в одной комнате общежития, разбавляя присутствие друг друга и неизбежное отсутствие баб дешевым портвейном. Геша Друзилкин умещал себя целиком (с ручками и ножками) в небольшой коробочке, обернутой цветастой бумагой и повязанной пышным бантом — именно так выглядела его мечта стать культовым писателем. Хотя, нет, не совсем так. Начав сочинительство в школьные годы, к настоящему моменту Друзилкин считал себя писателем состоявшимся. С высказыванием «все мы выросли из гоголевской «Шинели» Геша соглашался. Шинель жала ему в плечах, пуговицы на животе не сходились, а рукава едва спускались до локтевых сгибов. «Эх, коротка шинелька» — шутливо жаловался Друзилкин, тайно тоскуя об отсутствии наряда, который пришелся бы ему впору. Страшно и неуютно вырасти из чего-то старого, доброго и теплого, но так и не дорасти при этом ни до чего соразмерного. Коробочка же, в которой он заключался, была мечтой о ПРИЗНАНИИ его культовым писателем.

Пузырьков оправданий собственному существованию не искал и мечты как таковой не имел. Чувствуя моральное превосходство Гешы (талант и все такое), Лёня охотно читал его писанину и вольготно чувствовал себя в роли критика культового писателя. После получения диплома Друзилкин устроился помощником мастера в автосервисе. Работа, заключающаяся в подаче отверток и походах за пивом, позволяла Геше покупать каждую неделю пачку писчей бумаги, десятков шариковых ручек и оплачивать съемную комнатку незначительного метража. Пузырьков, не смотря на живость воображения, работы для себя не представлял, поэтому поступил в аспирантуру, оставшись жить в общежитии.

— Потерпел бы пару-другую месячишек каракулями пестрить, купил бы на сэкономленные средства компьютер с текстовым редактором, — Лёнино лицо распахнулось в зевке. — Прикинь, сколько ты бабла на бумагу со стерженьками извел. И где это все? Пузырьков пнул корзину, переполненную скомканными, изжеванными и порванными листками бумаги.

— Как только продам душу дьяволу, первым делом компьютер организую, — пообещал Геша. — А пока я творю. Шедевры рождаются в муках переписывания. Слыхал, что рукописи не горят? То-то и оно. А про кучки безмозглых байтов мне и думать тошно. На компьютере можно печатать, но не создавать. Герои должны оживать на бумаге раньше, чем высыхают чернила.

— Настолько ни о чем, что и возразить нечего. Ни руки не горят, ни писи...

— Так чем тебе Пучеглазик с Пачкуном не глянулись? — Геша надорвал упаковку новой пачки бумаги, вытянул белоснежный листок, покрутил его и так и сяк, чем-то расстроился и смял в шуршащий комок. — Я думал про них цикл рассказов набабахать. Такая, знаешь ли, комедия положений — Пучеглазик чего-нибудь ляпнет, а Пачкун его тут же по понятиям разводит. Типа юмор: «Пучеглазик: с облегченьемцем. Пачкун: да какое там — больше руки да жопу перемазал, чем посрал».

— Дык, это... — Лёня смолчал определение. — Не цепляет, короче. Детский сад. Ты бы еще про розовых слоников или говорящих ёжиков сказки писать начал.

— А какой персонаж тебя, как среднестатистического читателя, цепанул бы за ухвостье? — Друзилкин копнул мизинцем уголок глаза и поспешно добавил: — я просто так интересуюсь, в антропологических целях. Настоящих культовых писателей среднестатистическому читателю один хер не осилить — желудок слабоват, заворот кишок сделается.

— Не буду я у тебя сахарную косточку отнимать, Гешечка. Это ты писатель, вот сам персонажей и выдумывай. Ты пиши, сочиняй, а я тебе со всей прямоотой, как другу, расскажу, что гэ, а что не гэ.

— Была у меня как-то задумка про крыс написать, — Геша дернул из-за уха шариковую ручку и задумчиво лизнул колпачок. — Тоже такая смехучка: Мери Крысмас и Крыс Де Бург кидаются друг в дружку колкими фразочками и сыплют шуточками. Еще думал как-нибудь обыграть каламбур «Lady in red» и «Lady and rat».

— Не, не то, — Пузырьков прикрыл веки. Минутку посидел молча. — Нужно что-нибудь жизненное. Выбрать самого обыкновенного героя и швырнуть в гущу событий. Чтобы понятно стало — на его месте мог оказаться каждый.

— Обыкновенного, говоришь? — Друзилкин оторвался от стула. — Лёничка, как ты думаешь, кто может быть самым обыкновенным, будничным, серым, восьмичасовым без учета обеденного перерыва, бесхитростным, сермяжным, односкатным, квадратно-гнездовым и тупорылым персонажем?

— Ты думаешь о том же, о ком и я? — глаза Пузырькова загорелись.

— Пузднецов! — с видом пифии, возвещающей приговор оракула, воскликнул Геша.

— Точно! — Лёня взъерошил волосы на голове Геши. — Лучше персонажа не придумаешь. Геш, главное, про него напиши, как есть.

— Лёнька, не проблема, — счастливый удачной находкой хохотнул Друзилкин, и друзья обнявшись сплясали веселую джигу, задевая коленями мебель и стены крохотной комнатухи.

2. Кто ходит в гости по утрам

Сухие блинные смеси Золотое утро — быстрые в приготовлении, вкусные и питательные, источник кальция и железа. Только добавь воды, и счастливый семейный завтрак — гарантирован!

Реклама сухих блинных смесей

Илья Пузднецов приподнял правое веко, обнажив розовый белок глаза. Открыть левый глаз не получалось никак — щека, прижатая к подушке весом круглой лохматой головы, наполовину затекла в глазницу и не позволяла веку сдвинуться ни на миллиметр. О том, чтобы оторвать голову от подушки, речи быть не могло. Обладая Илья образностью мышления, он впоследствии смог бы описать свое состояние примерно так: череп, как глиняный горшок работы гончара-паралитика, передержанный в печи сверх положенного времени, стал чересчур хрупок и пошел сеткой трещин. Плачевное состояние черепа-сосуда не помешало некоему злоумышленнику наполнить его до краев скисшим кобыльим молоком, заботливо разбить внутрь парочку тухлых яиц, засыпать муки и смешать до

однородной массы. К дну горшка с внешней стороны присох вспухший в процессе разложения трупик озерной пиявки — язык. Поднять голову означало нарушить хрупкое равновесие, что неминуемо приведет к протеканию «теста» сквозь трещинки горшка и попаданию его на трупик языка. Что бы понять, почему этого стоит опасаться, можно представить себе язык в качестве детонатора водородной (в нашем случае — сероводородной) бомбы — желудка. Илья, нужно отметить, живостью ума не отличался, склонностей к анализу не имел и ничего такого описывать не стал бы. Но, так или иначе, не имея сил думать и двигаться, Пузднецов мудро оставался в положении наименьшего риска — горизонтальном. Стоило Илье подспудно ощутить возможность продолжения сна, как отсрочки дальнейших мучений, тот час же адский шум на лестничной клетке сурово и неожиданно превратил ее (возможность) в невозможность полнейшую.

— Где этот окурок человеческий?! Дайте мне эту дрянь — я ему руки из жопы повырываю!!! — немилосердно громкий крик, взорвавший барабанные перепонки Пузднецова, сопровождался громоподобными ударами, сотрясающими, казалось, не только входную дверь, но и всю хлипкую пятиэтажку от подвала до чердака. Недалекость Ильи не помешала ему — а похмелье помогло — прийти к бывшему некогда революционным умозаключению: «вселенная со всей своей многообразной начинкой уместается в человеческой голове».

— Пузднецов, сука, открывай сей час же! Мозги вышибу! — несмотря на кажущуюся конкретность угроз из-за двери, было не ясно, в каком случае они будут применены. Любой здравомыслящий человек, оказись он на месте Ильи, рассуждал бы так: некто хочет вышибить мне мозги. Этот некто находится по ту сторону двери, запертой изнутри. Вывод: пускать буяна внутрь не следует. Возможно, недоброжелатель хотел сказать, что вышибет мозги в том случае, если дверь ему не откроют. Но как же он осуществит задуманное, не попав в квартиру? Никак — еще один довод в пользу решения дверь не открывать. Пузднецов же, ведомый не трезвой логикой, но слепой судьбой, оторвал-таки голову от подушки, всколыхнув при этом наполняющие его нечистоты.

— Я знаю, что ты там! На месте пригажу! В мацу раскатаю! — не унимался визитер. Бездумно страдая, покачиваясь и изгибаясь в удивительных и едва ли опознанных Евклидом плоскостях, Илья отправился в путешествие от кровати до двери. Сопровождаемый громкой хулой из-за двери, путь оказался длительным и тернистым. Под ноги очертя голову бросалась всякая чепуха, вроде пустых бутылок, просящих каши тапочек, связанных узлом брюк и мокрой (хоть отжимай) фуфайки. Два стула и один стол, сговорившись, устроили Пузднецову подлую подножку, в результате которой дойти до прихожей целиком ему не удалось — изрядная часть Ильи выплеснулась на утопанный до плешивости ковер, где и осталась.

— Открывай! Я щас милицию вызову! — если уж кому и стоило вызывать милицию, то уж конечно не человеку, ломающему чужую дверь и нарушающему покой граждан апокалипсическими воплями. Возможно, крикун ухватил краешек этой мысли, и поэтому чуть притих. Или причина была в том, что ему тоже пришлось не сладко: зычный по началу голос охрип, силы и хлесткости в ударах поубавилось. Но, скорее всего, горлопан решил придержать коней, заслышав бряцанье и щелчки, с которыми Илья ковырялся в замке, силясь его вскрыть.

— Ч рш стр, — Пузднецов с порога плюнул комком колючих согласных прямо в лицо пришедшему. Сторонний наблюдатель (случись такому быть), слышавший громогласные

посулы, будучи в своем праве ожидать жесточайшей расправы над Ильей, был бы разочарован тем, что произошло дальше. Руслан Шайморданов (да-да, именно он в столь ранний час штурмовал нору Пузднецова), при виде Ильи, жидко заполняющего дверной проем собой, неожиданно заковырялся в ухе и смягчился лицом.

— Чего не открываешь-то — задумчиво разглядывая бурую соплю, вожжей свисающую из носа Пузднецова и лежащую на его же плечо, проговорил Шайморданов.

— Я спл, а т бл хш рть нх, — выпучив глаза цвета свежего мяса, длинно прокукарекал Илья.

— Да тебя, тварь, кастрировать нужно и усыпить — чтоб не покусал кого-нибудь, — Шайморданов абсолютно отчетливо не понял, что Пузднецов хотел сказать, поэтому выдал домашнюю заготовку из серии «на все случаи жизни» — так, для поддержания разговора. Выслушав пожелание Шайморданова, Илья слегка осел, поджался, уркнул чревом и плеснул желчью на кафель лестничной клетки в том месте, где его закрывали ботинки Руслана, утерся тыльной стороной ладони и прочувствованно возразил: — сэм тэ сссэка.

Оценив ущерб, причиненный обуви и брюкам, а так же распробовав оскорбительное заявление, Руслан ткнул вяло извивающегося Пузднецова кулаком в и без того впалую грудь. Брызнув зловонной слизью, Илья ввалился в тесную прихожую. Шайморданов сокрушенно покачал головой, вытер заблевающие ноги о не менее заблеванный коврик и последовал за Пузднецовым, предусмотрительно прикрыв за собой дверь.

3. Муки совместного творчества ч.1

Синергетика — (греч. sinergeia — совместное действие) — одно из ведущих направлений современной науки, репрезентирующее собой естественно-научный вектор развития теории нелинейных динамик в современной культуре...

Новейший философский словарь

— Знаешь, Геша, вроде бы как ничего, — сдержано одобрил Пузырьков. — Пузднецов как с картинки спрыгнул. Только не понятно, почему он с бодуна. Где даунито нажраться так умудрилось, и главное — с кем? Этого отсоса все сторонятся. И чего к нему Шайморданов вдруг спозаранку приперся? Орал, под дверью буянил, а потом вдруг сентиментально в грудь ткнул и успокоился.

— Не гони гусей, — всем своим видом показывая, что задумал нечто из ряда вон, Друзилкин умолк.

— Я не гоню, только сюжет какой-то бредовый и не логичный получается. Руслан об Пузднецова нипочем бы руки марать не стал — ногами бы отпинал до полусмерти, зубы повыбивал, да в рот нассал. И то не сам, а шестерок своих бы впряг. Если бы Илья действительно ему на боты наблевал, то давно бы уже трупом в морге под лампочкой патологоанатома загорал.

— Это конечно да, — сохраняя надменность вида, кивнул Геша, — но, дорогой мой Лёня, завязка швыряет нас в гущу событий, как...

— Слепых котят в омут, — съязвил Лёня.

— Именно! — Друзилкин радостно хлопнул в ладоши. — Описываемый момент является, так сказать, мгновенным центром тяжести. Он, несмотря на свою подвижность, имеет тенденцию перекачиваться, четко указывает на некую предысторию, что-то

произошедшее за кадром. И, в то же время, намекает на развитие и нетривиальное продолжение — иначе нет никакого смысла затевать повествование.

— Ну и что такого могло произойти с Пузднецовым? — Пузырьков скептически хмыкнул. — Может, он геем на досуге заделался и Шайморданова в жопу отжарил... Не, тогда Руслан бы его на месте замочил.

— А вдруг Шайморданову понравилось? — Геша хихикнул.

— Тогда зачем он Пузднецову из-под двери угрозами угрожал, если ему содомия в кайф уперлась? — резонно заметил Лёня.

— Не ссы, чего-нибудь придумаем, — Геша расширился лукавой чеширской улыбкой.

Типа, у Пузднецова открылся уникальный дар: наводить на человека морок и жарить его в жопу? А на утро Шайморданова морок слегка отпустил — всего он не вспомнил, но боль в заднице с персоной Пузднецова как-то увязал, вот и пришел справки наводить.

— Ой, — Геша поморщился как от зубной боли, — достал ты уже со своими анальными изысками. К тому же, Пузднецов с открывшимся даром — получится кто угодно, только не Пузднецов.

— Геш, тогда в чем фишка? — Пузырьков недоуменно сдвинул уши к затылку.

— Немного терпения, друг мой, — освобождая шариковую ручку от колпачка, Друзилкин прищурился, будто выбирая точку на бумаге, которую следует поразить первой, — немного терпенья. Саспенс в тексте, как яичко пасхальное.

— В смысле, что дорог ко Христову дню? — как-то неуверенно подъяснился Лёня.

— Я, вообще-то, имел в виду, что саспенс можно раскрасить всеми красками и полутонами, наляпать на него все, что под рукой отыщется, — Геша задумчиво куснул кончик ручки. — Но ты чертовски прав, дружище Лёнчик! Так и быть, беру тебя в соавторы. Только не забывай — контрольный пакет акций у меня, так что чур не борзеть сверх меры.

4. Села муха на варенье

Чемпиону мира ФИДЕ украинцу Руслану Пономареву засчитали поражение за то, что во время матча его поздравили с днем рождения.

Из колонки новостей

Оставив Пузднецова копошиться на полу прихожей, Шайморданов, не разуваясь, прошел на кухню, где, чуть потоптавшись, щелкнул кнопкой электрического чайника. Ожидая, пока вскипит вода, Руслан, зажав в зубах цилиндр не содержащей никотина вонючки и подпалив его с одного конца, сдержанным Мамаем прошелся по кухонным шкафчикам и ящичкам. Не устраивая особого погрома, удалось найти початый коробок чая с изображением синюшного слоника, конфетницу с парой крупных комков бурого слежавшегося сахара и замотанный изолентой заварной чайник.

— Тебе как, покрепче заваривать? — Шайморданов высунул из-за кухонной двери длинную шею, заканчивающуюся аккуратной бритой на лысо головкой. Ожидая, что за неведомо кому адресованным вопросом (в том, что не ему, Пузднецов не сомневался) последует увесистый пинок (кому он достанется, было ясно), Илья прекратил копошение и постарался закрыть лицо трясущимися руками.

— Илюха, ты там живой? Тебе чайку дернуть нужно — с похмела самое то, — улыбаясь светско-львиной улыбкой, Шайморданов подошел к скорчившемуся Пузднецову и присел

возле него на корточках.

— Чё? — не веря своим ушам и отсутствию пинков прохрипел Пузднецов.

Давай, поднимайся, тетеря сонная. Належался уже, — излучая дружелюбие, Руслан рывком поставил Илью на ватные ноги и, поддерживая под мышки, втиснул за стол, на котором как раз отшумелся извергающий пар носом чайник.

— Эта, штр чай ссах... — неопределенно пробормотал Илья. Он попытался сфокусировать взгляд на крупном, перечеркнутом синей полосой изоленды васильке, украшающем бочек заварного чайника, чем лишь пробудил новую волну тошноты.

— Да, чай покрепче, сахару чтоб побольше — оттягивает лучше некуда, — Шайморданов разлил дымящуюся жидкость по стаканам, в один плюхнул оба сахарных комка и придвинул к Пузднецову. Илья тупо уставился на стакан. Как бы подавая пример, Руслан принялся шумно прихлебывать чай, периодически подмигивая Пузднецову.

— Ты это, не серчай, что я тебя толкнул слегонца, — выпив в молчании примерно полчаши, сказал Руслан, с искренним любопытством изучая желтовато-коричневые подтеки на потолке. — Просто за шпиглеты облеваннные обидно стало — третьего дня только из Италии прибыли.

— Я шас никак, — выдавил из себя Пузднецов, осторожно протянул руку к стакану, едва коснулся его пальцами и тут же отдернул. — На той неделе мать зарплату получит.

— А? — лицо Руслана вытянулось в мину удивленного суслика, но мгновенно просветлело и разгладилось. — Да какие счета, братан! Отмоются калоши-то. И вообще, прости, что я под дверью концерт устроил — нервы ни к черту.

— У, — не понимая решительно ничего и не имея сил удивляться внезапной внимательности и благодушию Шайморданова, Илья растерялся окончательно. Проснулся сырым и благоухающим, как кошачий туалет? Ничего удивительного — вчера у него был праздник, день рождения. Справлял традиционно в ресторане Макдоналдс (место не менялось с пятого класса школы) с верными товарищами на все времена, Лёшей Огузкиным и Петей Бодыльевым. Подготовились заранее — в ближайшем подвале приобрели три соевых плитки «Альпен Гольд» с толченым арахисом и полдюжины бутылок вкусной дешевой водки «РУСКАР», на голубой этикетке которой помимо указания на 40 процентов, красовалась гениальная по своей лаконичности надпись «зделано в росие», несколько теряющая свое очарование в напечатанном здесь же англоязычном эквиваленте «made in russia». Такая предусмотрительная запасливость обеспечивала минимизацию затрат в самом ресторане — оставалось прикупить лишь горячих закусок (несколько пакетиков картофеля фри) и прохладительных заливок (кока-колы со льдом), да еще может быть рожок сливочного мороженого для Огузкина. Сидели как всегда в излюбленном уголке, скрытом от глаз посетителей и полотеров с одной стороны лестницей, ведущей на второй этаж, с другой — рогатой вешалкой, гнущейся в это время года под тяжестью дубленок и шуб. Здесь не было необходимости прятать водку в рукав и разливать ее, делая вид, что подтягиваешь не к стати ослабший узелок на шнурке своего ботинка. Первые две бутылки разошлись под ободряющие похлопывания именинника по узким плечам и напутствия-пожелания тостов, произнесенных с набитыми картофельной соломкой ртами: «Ну, Илюх, с днюхой тя!», «Баб тебе сисястых, чтоб все давали», «Чтоб хер стоял и деньги были», «За нас и хуй с ними». За дружбу и родителей по вине Пети Бодыльева выпили вперемешку одновременно. Дело в том, что Петя решил отличиться и выйти за рамки привычных двух-трех слов. «Друзья мои, — Бодылев обвел долгим нетрезво-блескучим взглядом все макдоналдсовские столики, вид

которых не загоразживала вешалка, — прекрасен наш союз. Как Аполлон. И здесь, под сенью этих стен, преломив, так сказать, хлеб, я хочу выпить. (Пузднецов, решил, что это конец тоста и уже собрался опрокинуть стопочку, но чуткий Огузкин пихнул его локтем в бок). Бодыльев набрал в легкие побольше воздуха и продолжил: За вас, дражайшие мои, за то, что было между нами, есть и будет. И как бы жизнь нас не р-р-р (Петя оскалился и с рычаньем изобразил жизнь, рвушую их, как Тузик грелку), никогда не забывать. Ведь иначе, кто мы? Куда путь держим? Зачем живем? (Лёша Огузкин от такого философского поворота обмяк и шмыгнув носом капнул в рюмку солоноватой слезкой). Достоин ли человек этого гордого имени, если забудет о главном? (Тут Бодыльев сделал непреднамеренную паузу, так как напрочь забыл, о чем он собственно хотел сказать. Пришлось выкручиваться.) О главном забывать нельзя. Нет, нет и нет! А кто забудет — стыд тому, позор и порицание товарищей. Роднее матери, Илюха, нет ее мудрее. Она тебя выносила и советом, если что всегда. Чти отца своего, сказано в заповеди. Давай, Илюха, дорогой мой человек, выпьем». Растроганный Пузднецов выпил с удовольствием, на чем выпивание под тосты прекратилось, и пошла обычная пьянка. По исходу четвертой бутылки Огузкин отлучился в туалет, откуда вернулся посвежевшим, жадно облизывая белоснежный факел мороженого. Когда от мороженого остался только вафельный рожок, Лёша водрузил его себе на голову (этакий миниатюрный клоунский колпачок), запихнул за ворот шуршащую фольгу из-под соевой плитки и смешным гнусавым с подхрюкиванием голосом спел «хиппи бёздей тую». После пятой бутылки водки кое-как крепившегося Петю Бодыльева прорвало: он стучал кулаком по столу и плакал «почему все бабы такие шлюхи, хоть бы мне одна дала». Пузднецову и Огузкину пришлось прийти на выручку другу, пока охрана ресторана не разрушила всю тонкость материи сложившейся ситуации своим беспардонным вмешательством. Размазывая сопли по отхлестанным щекам, Бодыльев горячо благодарил друзей за своевременную поддержку и утверждал, что секс ненавидит во всех его проявлениях. Тем не менее, во избежание возможных эксцессов, Пузднецов пожертвовал сотню на такси и Бодыльев (клянувшийся вернуть деньги при первой возможности) был отправлен домой отсыпаться. Последняя, выпитая наполоам, бутылка оказалась для стойкого Огузкина и Пузднецова роковой — после нее друзьям захотелось пива. В настоящий момент, сидя на своей кухне и гоняя чай с Шаймордановым, Илья силился вспомнить, действительно ли он с плотоядным рыком «кто твой папочка?!» шлепал по попе девушку, приветливо сказавшую ему «свободная касса», или просто примстилась сценка, много раз смотренная по видику. С одной стороны, отсутствие синяков и переломов говорило в пользу второй версии, с другой — очень уж хотелось, чтобы это хоть раз случилось с ним наяву. Пузднецов решил, что лучше при случае спросить у Лёши Огузкина, вдруг он помнит.

— Чего ты похмельный-то такой? — прикуривая очередную безникотиновую сигаретку участливо спросил Руслан.

— Эмж? — вопрос в паре с пронзительным взглядом татарских глаз Шайморданова не то чтобы совсем вывели Илью из ступора, но хотя бы вернули его блуждающий рассудок в скрючившееся на стуле тело. — Дрень рожжени. Бл. Фчра.

— А, ну поздравляю тебя с прошедшим, — Руслан, сам того не ведая, пасхально улыбнулся. — Всего тебе и так далее, чего сам себе, ну, в общем.

— Спа, — Пузднецов сглотнул кислую отрыжку и продолжил, но на более низкой ноте, — сибо.

— Э-хе-хе, села муха на варенье, вот такой вот день рожденья, — продекламировал Шайморданов и пульнул травяным окурком в открытую форточку. — Давай, Илюшенька, приходи в чувства — мне помощь твоя требуется.

— Помощь? — Илья чуть не захлебнулся глотком чая, который все-таки отважился сделать за секунду то того, как Руслан закончил фразу. Если бы перед Пузднецовым поставили задачу выбрать наиболее невероятный сюжет из пяти предложенных:

1) участковый милиционер Сяпунов, известный своим добрым христианским нравом в лучших традициях Нерона, носит обитающим в подвале бомзам теплую одежду, кое-какую еду и помогает денежками;

2) сияющий лицом Папа Римский перед толпой журналистов объявляет о своей помолвке и скорой свадьбе с популярной исполнительницей, известной как Мадонна (присутствует тут же, игриво обнимая понтифика и улыбаясь в объективы телекамер, рассказывает, как она счастлива);

3) тетя Клава, немолодая шарообразная продавщица из полуподвального магазинчика за углом, примечательная густыми иссиня-черными усами с прилипшей к ним шелухой от подсолнечных семечек, становится востребованной порнозвездой, а потом, перешагнув этот круг ада, выходит на орбиту большого кино и получает Оскара за драматическую роль первого плана;

4) Петя Бодыльев теряет невинность раньше празднования своего пятидесятилетия в Макдоналдсе;

5) Руслан Шайморданов приходит домой к Пузднецову, сам заваривает чай и просит о помощи,

— Илья без раздумий указал бы на пятый номер. Чтобы понять и прочувствовать всю невероятность ситуации, нужно иметь представление, кто такой Руслан Шайморданов (кто такой Пузднецов, кажется, объяснять не нужно). Объективности ради, опустив легенды, городские мифы и дворовой фольклор, расскажу о Шайморданове только несомненные факты, известные к тому же Пузднецову, волею судеб росшему с Русланом в одном дворе и посещавшим с ним одну и ту же общеобразовательную школу.

5. Муки совместного творчества ч.2

Потому что лирический герой Фета и лирический герой Тютчева воспринимают реальность по-разному.

Из школьного сочинения

— Ну, Гешка, и нагнал ты тени на плетень, — став почти что полноправным соавтором Лёня Пузырьков не как не мог сбросить с себя чешуйчатую кожу критика. — Пузднецов у тебя вроде как ничего, планку держит — дебил дебилом. Но Руслан никакой критики не выдерживает. С какого он глузда сорвался, что стал курить... цитирую «не содержащие никотина вонючки»?

— Так твою перетак! Тебе чего, объяснить нужно, что такое художественный образ?! Это де-та-ли! Мелочи всякие, характерные особенности, маленькие острые крючочки, за которые мозг цепляется. Стилистика. Понимаешь?! — неожиданно взорвался Друзилкин.

— Гешенька, маленький, успокойся, — просюсюкал Пузырьков. — Прости меня, скотину неразумную. Каюсь, грешен — не заканчивал я литературного института имени

Горького. На вот тебе сигаретку, успокой нервишки.

— А Шайморданов, между прочим, безникотиновые вонючки курит по тому, что курить бросает, — Геша жадно затянулся и вроде как немного остыл.

— С чего вдруг? — Пузырьков удивленно изогнул бровь.

— Ну, типа девушке его не нравится, что он много дымит. А он девушку свою любит и о здоровье заботится, вот и перешел на вонючки, чтоб желание отбить и ничего больше не курить.

— Постой, не гони, — столбик пепла сорвался с кончика сигареты и упал на штаны Пузырькова, но он этого не заметил. — Ты чего несешь, какую он девушку любит? Драть девушек он любит, как Макар телят — и в рот и в жопу. Попробовала бы хоть одна метелка ему сказать, что ее его курение напрягает — посмотрел бы я в каком виде эту дуреху из больницы через полгода выписали.

— А я говорю, что мой литературный персонаж, Руслан Шайморданов, нашего общего знакомого Руслана Шайморданова из соседнего подъезда на хую вертел, — терпеливо, чуть ли не по слогам произнес Друзилкин. — Мой Шайморданов любит Валю Петухову, нравится тебе это или нет. И сделает ради нее все, что угодно.

— Кого? — тараща правый глаз, а левый наоборот — прищулив, переспросил Пузырьков. — Не было у тебя ничего ни про какую Петухову.

— Не пришла еще пора появиться ей на нашей сцене, — отмахнулся Друзилкин.

— Ладно, хрен бы с твоей, то есть Руслановской Валеи, — устало согласился Лёня. — Расскажи, откуда ты выцепил Огузкина с этим, как его, Бодыльевым? У Пузднецова друзей отродясь не было.

— Еще один вопрос в таком духе и ты со своим гиперреализмом будешь безапелляционно послан, — зловеще пообещал Геша. — С кем, по-твоему, Пузднецов должен был в общепите водки нажариться? В одну харю? Даже при общем перманентом убожестве Пузднецова это в стилистику и сюжетную канву не лезет. Вот я и выдумал пару субъектов под стать нашему дорогому Илюше.

— Да я и не спорю — выдумал, так выдумал, — Пузырьков поднял руки в примирительном жесте. — Только согласись — Шайморданов, пришедший за помощью к Пузднецову, это нонсенс, а не фарс. Ты мне не говорил, что фантастику антинаучную пишешь. Хотя бы намекни, какого лешего Руслану от этого муфлона понадобилось.

— Всему свое время, — довести до блеска свою загадочную улыбку Друзилкин не успел — помешала следующая реплика Лёни.

— Хорош свистеть своим ребятам. Сам, небось, еще не дотумкал, чего Шайморданову надо, вот и кочевряжишься тут. И в обще сомневаюсь, что у тебя получится толково и убедительно сей нонсенс раскатать.

— Ах так?! — Геша взвился вертикальным штопором, чуть не проломив головой потолок (или наоборот). — Ну все, с меня хватит. Если ты, Лёнчик, такой умный, попробуй сам напиши, толково и убедительно. А я посмотрю, что у тебя из этого выйдет.

— Вот и попробую, — Лёня беспечно просвистел два такта из «чижика-пыжика», — а ты, пока суть да дело, иди прогуляйся, остуди головку. Тебе, Гешенька, творчество окаянное вон как нервишки подвымотало — тут без дыхательных упражнений на свежем воздухе никак не обойтись. Через часик-другой возвращайся, думаю, к тому времени я главу осилю.

Скрипнув зубами и хлопнув дверью, Геша покинул комнату, теша себя мыслью, что

через час наступит таки момент истины и дальнейших препирательств не последует. Лёня ухмыльнулся, пожал плечами, пошевелил пальцами, разминая их, продолжая насвистывать себе под нос, разложил на столе несколько листов бумаги и взялся за ручку: — Ну-ка, на чем наш мастер сложнопостановочного слова остановился.

6. По прозвищу Зверь

Если обратиться к истории науки, то в начале была теория сильных черт. Считалось, что, если изучить детство, привычки великих людей, то путем прямого сравнения можно предугадать лидерский потенциал.

М. Адаева-Датская

Руслан Шайморданов появился на свет в ту минуту, когда дух Генерального Секретаря ЦК КПСС, дорогого Леонида Ильича, в результате продолжительной болезни покинул бренное тело. Родители Руслана, Тимур Эльдарович и Гузель Рашидовна, знака в этом не увидели, хоть реинкарнацию и признавали. Среднее специальное образование и постоянная московская прописка обязали их к определенной условности мышления. Миг рождения не так важен, говорила Гузель Рашидовна, как мгновение зачатия. Душа обретает новое тело одновременно с оплодотворением яйцеклетки. Что касается Руслана, то когда именно он был зачат, оставалось тайной для всех, включая родителей. Известно лишь, что это произошло где-то между выпускным вечером в ПТУ №51 и прощальным костром на сборе картошки в колхозе «Малые обеды Ильича» почти месяц спустя.

До трех лет Руслан из общей массы своих сверстников не выделялся практически ничем. Рано начал ходить, в результате чего его мягкие детские ножки изогнулись баварскими сардельками. Кавалерист растет — радовался дед. Говорить Руслан напротив не желал. В том возрасте, когда детишки перестают бессмысленно агукать и переходят на «мама», «папа», «бьяка» и «кака», Руслан упорно хранил молчанье. Настоящий джигит попусту не болтает — продолжал выводить родню из себя оптимистичный дед. Похожим на того человека, которого Пузднецов и многие другие знали и боялись, Руслан стал на пятом году, произнеся четко свое первое слово, звучавшее так: «ЖеТеБеКАСД». Если бы не дедушка, служивший затычкой для любой дырки, никто бы этому набору звуков значения не придал и, быть может, Руслан вырос бы нормальным человеком. Но судьба распорядилась по-своему. Записав сказанное внуком на спичечном коробке, дед, не долго думая, выдал «точную и неоспоримую» расшифровку: «Жизнь Твоя Будет Короткой, А Смерть — Долгой». Услышав слова древнего восточного проклятья, Гузель Рашидовна лишилась чувств, а Тимур Эльдарович самообладания — и засветил-таки улыбающемуся во весь золотозубый рот прозорливому отцу жены кулаком между седых бровей. Чему улыбался мудрый Рашид Нурудинович, осталось загадкой, так как удар осерчавшего отца оказался роковым. Дедушка отправился к праотцам, а Тимур Эльдарович — в тюрьму, где, не найдя с сокамерниками общего языка, был посажен на перо. Овдовевшая и осиротевшая Гузель Рашидовна, суеверно полагая, что не вся сила проклятья могла быть израсходована на гибель двух человек, страхась лютой смерти, сына сторонилась и воспитывать не решалась. Она обеспечивала ребенка всем необходимым, кормила, одевала и обувала, но о материнской любви и нежности речи не шло. Слух о том, что первым же словом мальчик убил родного отца и деда, приукрашенный и извращенный до уровня гротеска, каким-то образом

просочился за пределы семьи. Поговаривали даже, что ребенок, подобно Тамерлану, появился на свет, сжимая в крошечных кулачках по куску кровоточащего мяса. Поэтому, когда настала пора, и маленький Руслан пошел в школу, учителя в большинстве своем решили не рисковать по пустякам и гусей не дразнить. С Руслана не требовали выполнения домашних заданий, к доске не вызывали, а контрольные работы и сочинения, не проверяя, оценивали тремя баллами. Мальчик, предоставленный самому себе, рос в условиях беспрецедентного попустительства и вседозволенности. Не имея возле себя людей, которые могли бы авторитетно объяснить, что такое хорошо, и что такое плохо, Руслан на собственном опыте познавал особенности устройства мира. Подобно многим жестокосердным детям, Шайморданов вскрывал лягушачьи брюшка и птичьи грудки перочинным ножиком и с любопытством изучал их содержимое. Закатывал рыболовные крючки в хлебные катышки и на эту наживку ловил помойных голубей, вытаскивая через клювы их окровавленные внутренности. Таскал из грязного пруда ротанов и тритонов, помещая их в банки, наполненные слитой из аккумуляторов кислотой. Кидал живых пиявок в костер, с восторгом наблюдая, как они раздуваются и взрываются воздушными шариками. Подкармливал доверчивых дворняг, щедро посыпая колбасу крысиным ядом. Завязывал узлом хвосты жалобно пищущих котят. Руслан мучил и убивал животных не ради самоутверждения, не упивался их болью и страданиями. Ему нравился эффект, который его действия производили. Он был маленьким, но чрезвычайно концептуальным режиссером, а живые твари — его актерами. Руслан методично осуществлял все приготовления, а потом, заняв место в первом ряду, заморожено следил за представлением.

Одноклассники и детвора, гуляющая во дворе, вняв наущениям своих родителей, Руслана обходили стороной. Равнодушный к их играм и забавам, Шайморданов одиночеством не тяготился — люди его попросту не интересовали. Возможно, Руслан так и вырос бы тихим нелюдимым живодером, не приключись с ним на девятом году жизни одна история. Как-то раз во дворе появился забавный песик, редкой по тем временам породы шарпей. Похожий на плюшевого медвежонка Мотя принадлежал семье Удальцовых, недавно переехавшей из Ташкента. Обычно Мотю, моментально ставшего главным любимцем и достопримечательностью двора, выгуливал Артем Удальцов, мальчик на пару лет старше Руслана. Но однажды Артем приболел, и мама, Алевтина Ивановна Удальцова, непустила его на улицу, решив, что Мотя способен самостоятельно справиться со своими надобностями. Действительно, погода в тот день стояла отвратительная — с серого осеннего неба сочными ледяными плевками валил размокший снег, а северо-западный ветер пробирал до костей. Случилось так, что именно в тот день Руслану не удалось найти ни одного подходящего актера для своего перформанса (кошки попрятались по теплым чердакам и подвалам, дворняг тоже видно не было). Смирившись со срывом очередной премьеры, промокший и продрогший Шайморданов, подошел к своему подъезду и уже собирался в него зайти, когда заметил желтое пятно, с умным видом обнюхивающее урну. Подождав пока Мотя задерет лапу и пометит приглянувшуюся возвышенность, Руслан стащил с себя куртку, накинул ее на пса, и в этом импровизированном мешке утащил в свой «театр» — грязную строительную бытовку, оставленную бригадой, занимавшейся обустройством детской площадки. Оказавшись в своем тайном убежище, Руслан проволокой примотал вяло сопротивляющегося Мотю к верстаку. Удивленный пес не пытался ни кусаться, ни даже лаять, но Шайморданов добросовестно замотал его морду липкой лентой скотча. В Моте Руслана больше всего поражала избыточность мягкой шкурки, как будто собаку одели в костюм на добрый десяток

размеров больше. Взяв в руку бритвенное лезвие, Шайморданов сделал по круговому разрезу на каждой лапе чуть ниже локтевых и коленных сгибов беспомощно трепыхающегося и хрипящего носом шарпея. Хоть Руслан и ожидал чего-то подобного, его впечатлила та легкость, с которой шкура снялась с лап несчастного животного — как перчатка с руки. Насладившись зрелищем освеженных, судорожно дрыгающихся лап, Руслан поднес окровавленное лезвие к горлу Моти.

Следующим утром, обеспокоенный долгим отсутствием любимца, Артем, наплевав на запрет матери выходить на улицу до полного выздоровления, отправился на поиски. В склизком куске мяса, который младший Удальцов нашел в кустах возле подъезда, опознать Мотю было бы не возможно, если бы не лежащие рядом чулочки, шортики, курточка, перчатки и шапочка — то, что раньше было шкурой собаки. Горе, охватившее Артема, было неизбывным. Он плакал, выл, ревел, катался по раскисшей, покрытой гниющей листвой земле. Выбежавшие на шум родители, кое-как справившись с шоком, вызванным увиденной картиной, с большим трудом смогли увести мальчика домой. Удальцовы боялись, как бы пережитая психологическая травма не свела их сына с ума. Ребенок отказывался от пищи, практически не спал, лишь изредка забываясь в тревожной дремоте, но тут же вскакивая с именем Моти на губах, вращал невидящими глазами и в кровь кусал губы и ладони. Врачи, подчеркивая любовь и привязанность Артема к погибшей собаке, вразумительных прогнозов не давали и от всех вопросов отупевших от горя Удальцовых отмахивались многочисленными рецептами. Тем не менее, к немалому облегчению родителей, несколько месяцев спустя Артем стал понемногу возвращаться к нормальной жизни. Став более замкнутым, он все же вполне вменяемо разговаривал с окружающими, аппетита не проявлял, но от еды больше не отказывался. Еще через полгода, когда за окном вовсю буйствовала летняя зелень, врачи поздравили изнеможенных Удальцовых с выздоровлением сына. Сильно похудевший Артем принимал поздравления, говорил слова благодарности (хором с родителями) и улыбался. Вид улыбающегося лица мальчика со смотрящими исподлобья ввалившимися глазами и бескровными губами мог привести в ужас кого угодно, только не старших Удальцовых, счастливых до беспамятства самим фактом присутствия улыбки на лице любимого сына. В тот миг, когда он нашел останки Моти, в Артеме поселился дьявол, и когда доктора признали ребенка исцеленным, дьявол никуда не исчез — он лишь набрал достаточно сил, чтобы жить и оставаться незамеченным.

Не говоря никому о своих планах, Артем решил найти виновника смерти своего питомца и покарать его так, как все эти месяцы нашептывал ему дьявол. Выяснить, кто стоял за поистине зверским (как ни крути) убийством, труда не составило — о склонностях Руслана Шайморданова во дворе знал каждый. Когда-то давно мальчик видел фильм, из которого ему запомнилась фраза: месть это такое блюдо, которое следует подавать холодным. Действуя неспешно и методично, Артем наблюдал за Русланом, по-прежнему безоглядно увлеченным своими постановками. Артем примечал все: во сколько Руслан приходит из школы, когда отправляется на прогулку и какие места для нее выбирает, как часто посещает свою лабораторию в заброшенной бытовке. Через две недели слежки план расправы с обидчиком был готов.

Потратив все свои карманные сбережения, Артем купил в зоомагазине самого пушистого кролика из тех, что были в наличии. Расчесывая кроличьи бока на множество проборов, младший Удальцов выдавливал на каждый пробор по длинной дорожке клея «Момент». Когда похожий на меховую шапку с ушами кролик был весь обляпан клеем,

Атрем распушил шерсть вокруг проборов так, что не приглядываясь их можно было не заметить. Сунув в карман морковку, опасную складную бритву оставшуюся от дедушки, Артем аккуратно взял приманку за уши, чтобы не приклеится самому, и направился к «тайному» логову зверя. Придя на место, Артем выставил недовольно урчащего кролика перед дверью, сунул ему под нос морковь (чтобы не сбежал раньше времени), а сам пробрался внутрь бытовки, где с бритвой на изготовке затаился под верстаком, на котором принял смерть Мотя.

Руслан вышел на охоту в свое обычное, подмеченное Артемом, время. Расчет Удальцова оказался верным — пройти мимо ушастого зверя, виденного раньше только на картинках и по телевизору, Шайморданов не смог. Взяв кролика под липкие бока, Руслан прошел в бытовку. Как только дверь со скрипом закрылась за его спиной, Артем выскочил из-под верстака, отрезая Руслану путь к отступлению. Шайморданов, поглощенный придумыванием роли для своего нового протеже, появление незваного гостя едва ли заметил. «Сейчас ты мне за все ответишь» — Артем, брызжа слюной и рассекая воздух бритвой, пошел в наступление. Руслан, удивленный, что к нему обращаются, опустил зверька на верстак, отер длинные сопли не досохшего клея на ладонях о штаны и непонимающе уставился на Удальцова. Артем опешил, он-то ожидал, что Руслан приклеится к кролику намертво и будет беспомощен перед свершением его (Артема) справедливого суда. Мысль о том, что фокус, почерпнутый из книжки сказок дядюшки Римуса (там братец Лис хитроумно поймал братца Кролика, используя смоляное чучелко), не сработает, десятилетнего мальчика не посещала. Поборов секундную растерянность, Артем решил действовать. Конечно, теперь о такой изощренной пытке, которую он хотел применить к частично обездвиженному противнику, речи быть не могло, но полоска острейшей стали по прежнему находилась в его руках, а, значит, шанс выпустить кишки Руслану остался. Примериваясь попасть Шайморданову в живот, Артем сделал резкий выпад вперед. Руслан, продолжая не понимать, что собственно происходит, инстинктивно сделал шаг влево (благо, размеры бытовки позволяли совершить такой маневр) и правым коленом ударил Артема в грудь, едва не задев лезвие, тускло светящееся в вытянутой руке. Удар оказался настолько сильным, что результат его походил на одну из боевых сцен фильма про кун-фу. Артем пролетел полтора метра спиной вперед, с жутким треском снес хлипкую дверцу бытовки с петель, и кубарем выкатился на детскую площадку, где стайка мальчишек играла в футбол.

Картина, представшая взору Руслана, когда он возник в дверном проеме своего анатомического театра, изменила его навсегда. Воцарилась тишина, все привычные дворовые звуки стихли. Даже шум автомобилей не дороге, проходящей сразу за домом, исчез. Дети (среди них был и Илья Пузднецов), забыв про мяч, уставились на сабс шевелящегося Артема, задыхающегося, стонущего, кашляющего и харкающего кровью на пыльную землю площадки. Затем, не сговариваясь, мальчишки проследили взглядом путь Артема. Все глаза оказались на Руслане — худеньком восьмилетнем ребенке с длинной трогательной шейкой и несоразмерно маленькой головой. Во всех глазах Руслан читал помимо страха, к которому он давно привык (истории родителей о проклятье делали свое дело), новое выражение. Это было уважение, граничащее с восхищением. Руслан как губка впитывал волны неведомого до того чувства. Он был в центре внимания — на него смотрели с немим восторгом не только ровесники, но и мальчишки из пятых и sixth классов. Все знали, что произошло, хоть никто об этом вслух и не говорил. Артем, старше Руслана на два года, выше на голову и порядком шире в плечах, с острейшей бритвой в руках, потерпел

поражение. Судя по издаваемым им хрипам, большинство ребер младшего Удальцова были сломаны. Растрескавшаяся фанерная дверь, лежащая у ног невозмутимого Шайморданова, придавала картине концептуальную завершенность. Тишина, сопровождавшая триумф Руслана, внезапно разлетелась на миллионы осколков — с сиреноподобным воем во двор выбежала мать Артема. «Убили! Убили!» — вопила обезумевшая Удальцова, тряся сына как тряпичную куклу. Еще через миг приехала бело-красная карета скорой помощи и, суетливо мерцая мигалкой, увезла Артема и бьющуюся в истерике мать в больницу.

Проблем по данному инциденту у Руслана не возникло ни с милицией, ни в школе, ни дома (Гузель Рашидовна только тихонько вздохнула и еле заметно качнула головой). Нашлось множество свидетелей, подтвердивших, что Артем, вооруженный опасной бритвой, первым напал на Шайморданова. Было установлено, что имел место факт самозащиты. Четыре Удальцовых тонко намекнули, что их проявившему ретивость сынку за вооруженное нападение светит как минимум клиника, а то и детская колония не самого мягкого режима. Что они должны радоваться тому, что Артем сам же на свою бритву не напоролся и, по большому счету, легко отделался. Обессилевшие Удальцовы аргументов для возражений не нашли, быстро собрали вещи и переехали в другой город — подальше от всяких проклятий. Что стало с измазанным клеем кроликом — не известно.

7. Первый парень на деревне

...и кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное.

Откровение Иоанна Богослова

Руслану Шайморданову, отведавшему крови человеческой, животные опостылели. Он стал центром всеобщего внимания. Вокруг Руслана собирались все оторвы и хулиганы района — мальчишки из неблагополучных семей, а так же пай-мальчики, мечтающие стать «крутыми». Сперва Руслан не знал, что ему делать и как себя вести, но жадные обожающие взгляды новоявленных сторонников стали для него как наркотик. Не имея мысли стать таким же подонком, как те, кто его окружали, Шайморданов, тем не менее, набрался от них всего, что позволяло стать самым крутым из всех крутых. В мановение ока Руслан из тихого юнната превратился в грубого и беспринципного главаря подростковой шпаны. К десяти годам Шайморданов виртуозно матерился, умел пускать сигаретный дым колечками, мог без закуски выпить стакан водки и являлся бесспорным чемпионом дворовых драк во всех прилегающих кварталах. Но мистическая слава «проклятого ребенка» Руслана, опустившегося до уровня среднего уличного шалопа, не оставила. Та изо(вра)щренность мышления, с которой он расправлялся с животными, из мозга Шайморданова не исчезла, изменились лишь цели и средства. Теперь его марионетками были не щенки и котята, а люди и предметы, составляющие жизнь любого зрелого общества. На смену перочинным ножикам, аккумуляторной кислоте и костеркам невинной детской инквизиции пришла растущая день ото дня армия верных головорезов. Не опускаясь до мелких пакостей, типа подкладывания кнопок на стулья учителей или засыпки сахара в бензобак соседа, Руслан придумывал возмутительные проделки и поручал их исполнение своим прихвостням, оставаясь в тени.

Зная, что учитель физкультуры крутит роман с географичкой, Руслан приказал ее сыну Ване, учащемуся с ним в одном классе, прилюдно называть физкультурника папой.

Ошарашенный физрук чуть не придушил «сынка» на глазах у всего класса. Разразился скандал. Учитель физкультуры и Ваня были приглашены в кабинет директора школы на очную ставку. «Ты зачем старшим грубишь?» — устало поинтересовался директор. «Почему грублю?» — невинно вытаращил глаза Ваня, и выдал фразу, которую Руслан велел ему заучить: «Раз спит с моей мамой, значит он мой папа». Физрука прямо из директорского кабинета увезли в больницу с инсультом. Информация о новом «папе» Вани через детей дошла до родителей, а через родителей — до его биологического отца. Неделю географичка ходила в солнцезащитных очках, скрывая побои. На второй неделе, прихватив с собой Ваню, исчезла в неизвестном направлении.

В день, когда в школу нагрянула проверка из РОНО, Руслан приказал своим подданным мальчишкам рассредоточиться по школьным классам, коридорам и туалетам, и, завидев любого взрослого, целоваться друг с другом всасос. На все вопросы следовало отвечать: «Все великие люди со времен древних греков и римской империи были геями. Мы не хотим вырасти серыми и посредственными». Если у взрослого хватит сил на вопрос, откуда такие мысли, нужно было жеманно хмыкнуть и ответить: «Это нам Валерий Петрович рассказал». Валерия Петровича, директора школы, учителя истории и социологии по совместительству, в тот же день увезли в больницу. Уполномоченная комиссия обнаружила в его рабочем столе множество фотоснимков с обнаженными мальчиками, большая часть которых училась в злополучной школе. Узнав об этом, Валерий Петрович предпочел удавиться ремнем собственных брюк, не выходя из больницы.

Так же от пытливого взора Шайморданова не скрылся факт, что кривенький мужичок дядя Вася, работающий в школе сторожем, всегда слегка навеселе (за исключением дней плановых проверок). С ним расправились просто и цинично. По указанию Руслана, все дети со второго по шестой классы включительно скинулись по пятьдесят копеек. На собранные деньги купили два ящика дешевой водки и выставили их перед дверью однокомнатной квартирки дяди Васи. Запой, в которые уходил сторож, новостью ни для кого не были, поэтому его отсутствию на боевом посту особенно не удивились. Через две недели, выломав дверь, милиция нашла подгнившего дядю Васю в собственной квартире — соседей сильно беспокоил «неприятный» запах. Из двух ящиков, по словам соседей, ставших понятыми, непочатыми осталось всего две бутылки.

Этажом выше Шайморданова жила одинокая старушка Нина Федоровна, известная своей любовью к кошкам. Тридцать квадратных метров жилплощади с ней делили порядка двух десятков мяукающих тварей. По весне весь подъезд наполнялся дикими звуками, и круглый год — не менее дикими запахами. По указке Руслана в течение примерно месяца, мальчишки по всем окрестным подвалам и помойкам отлавливали котов и кошек, потом по одному приходили под дверь сердобольной старушки и терпеливо давили кнопку звонка. «Возьмите котеночка. Он промок, замерз, кушать хочет. Жалко все-таки» — жалобными голосками говорили подосланные мерзавцы и протягивали бабушке грязные комки мяукающей шерсти. К концу месяца в квартире сердобольной Нины Федоровны обитало уже больше полусотни голодных зверей. Еще через месяц дверь этой квартиры вынесла милиция, вызванная соседями, которым надоело слушать бесконечные кошачьи вопли. Из опустевшего дверного проема под ноги очумевших ментов хлынул кошачий поток. Когда он иссяк, на полу прихожей обнаружилось наполовину съеденное тело хозяйки. Если пенсия старушки позволяла ей кое-как прокормить себя и двадцать кошек, то на пятьдесят шесть (с учетом Нины Федоровны) голодных ртов денег решительно не хватало. Киски страдать не должны,

решила старушка, и мужественно отдавала свою долю провианта животным. Когда она умерла с голоду, запертым в квартире кошкам не осталось другого выхода, кроме как обглаживать свою спасительницу.

Время шло, Руслан вырослел. Продолжая «шалить» в своем стиле, он стал кем-то наподобие крестного отца мафии. Чувствуя первые признаки пробуждающегося полового влечения, тринадцатилетний Шайморданов вменил себе в «обязанности» право первого свидания. Теперь любой мальчик района, не желающий очнуться в канаве с переломанными руками и ногами, перед тем как начать гулять с понравившейся девочкой, должен был за свой счет организовать свидание Руслана со своей зазновой — в кино ли, в ресторане или на квартире. Не важно, что мальчику приходилось при этом врать девчонке, как уговаривать и что обещать, но если она на свидание с Русланом не приходила, то приглашать ее впредь не имел право никто. Исключение делалось только для толстых и некрасивых до страшноты девчонок. Таким образом, Шайморданов первым перецеловал почти всех девочек, достигших достаточной зрелости, и прибавил к своим титулам звание школьного секс символа. Гордые и спесивые девицы, презревшие внимание Руслана, репрессиям не подвергались, но были обречены на холодный прием со стороны любого, беспокоящегося о своем благополучии мальчика. Убедившиеся в этом на своем опыте девочки нередко меняли гнев на милость, просили у Руслана прощения и получали его по известной цене. К пятнадцати годам Руслан считал нелепым ограничиваться поцелуями и обжиманиями, что вызвало лишь еле слышный ропот среди подростков обоих полов — возразить в открытую никто не осмелился, даже семнадцатилетние ученики выпускных классов.

Воцарившаяся в школе, дворе и всем районе шаймордановщина продолжала набирать силу. Аппетиты Шайморданова росли и требовали все больше денег для своего удовлетворения. Руслан, с увлечением читавший книги по истории, не стал изобретать велосипед и обложил всех подростков от десяти лет и старше данью. Кара заслушание была прежней — для мальчиков побои, для девочек бойкот. Деньги с детей собирались проверенными подручными. Размер оброка для каждого ребенка был индивидуальным, зависящим от платежеспособности, так что у некоторых язык даже поворачивался назвать его справедливым. К тому же, часть полученных средств Руслан распределял между приближенными к нему лицами, что лишь укрепляло позицию его власти. Жаловались ли дети родителям? Конечно. Но все взрослые знали или догадывались, сколько трупов на совести «проклятого ребенка» и, не желая стать мишенью для следующей «шалости» Шайморданова, добровольно давали своим детям денег на оплату дани.

По окончании школы, Шайморданов, чья классиков жанра, приобрел статус районного наркобарона. Перемещения наркотических средств различной степени тяжести осуществлялись исключительно под его строгим контролем. Не удержавшись от соблазна, Руслан и сам основательно подсел на белый порошок. Количество денег, оседающих в карманах Шайморданова, позволило ему сделать грамотный политический ход — отменить оброк, увеличив таким образом и без того не малую армию своих сподвижников. Задумываясь о будущем, Руслан видел себя сперва в кресле префекта округа, затем мэра, а после, чем черт не шутит, президента всея Руси. Но в настоящий момент прыгнуть выше головы не удавалось — придумать, как в восемнадцать лет иметь еще больше влияния и веса на отдельно взятой территории, было невозможно.

Думаю, после этого краткого и выборочного описания подвигов Руслана Шайморданова, узнав историю его восхождения, абсурдность действия, разворачивающегося

на кухне Пузднецова, становится очевидной.

8. Машина для Вали

Дамский автомобиль — красивый автомобиль.

Е. Рождественская

А впрочем, дамский автомобиль — тот, который просто принадлежит женщине, и не важно, какая это машина.

С. Мазаев

Хотя, пожалуй, стоит упомянуть еще один момент, проясняющий межличностные отношения Ильи Пузднецова и Руслана Шайморданова.

Случилось так, что один из самых близких соратников Руслана, Шамиль Нафиков, польстился на синеглазую Валю Петухову, студентку ПТУ, считающуюся красивейшей девушкой района. Соблюдая закон, Шамиль привел Валю к Шайморданову на «первое свидание». Руслан Валю принял и после бессонной ночи (как для него и Вали, так и для Шамиля, нервно курящего сигарету за сигаретой), дал добро на дальнейшие встречи Петуховой и Нафикова. Все бы ничего — через эту процедуру в течение последних пяти лет прошло немало молодых пар, многие из которых впоследствии поженились и нарожали детей. Но Валя, покинув роскошные, стилизованные под шатер кочевника, апартаменты Шайморданова, на ожидающего ее прокуренного и издегавшегося Шамиля посмотрела совсем не приветливо. И дело тут было отнюдь не в унижении и поруганной девичьей чести. При знакомстве, чтобы произвести впечатление на гордую красавицу, не испытывающую недостатка в ухажерах, Нафиков из кожи вон лез, показывая Вале, какая он важная птица. «Я правая рука самого Шайморданова. Мы с ним как братья, он за меня жизни не пожалеет. Деньги от бизнеса пополам делим», «Чего захочешь, только скажи — все будет», «Из под земли достану», «Десять раз подряд без отдыха» и все в таком духе. Не то что бы Валя купилась на всю эту мишуру, но определенная заинтересованность в ней появилась. Дождавшись, когда потный изможденный, но удовлетворенный Руслан упадет на кровать рядом с ней, Петухова, как бы между прочим, поинтересовалась, что он думает про Нафикова. «Хороший парень. Только тупой, как баран» с отдышкой ответил Шайморданов, «У меня таких шестерок, как грязи... Да хуй бы с ним. Давай теперь попкой».

— Валечка, все в порядке? — по дороге от подъезда Шайморданова до своей битой восьмерки, с дрожью в голосе спросил Нафиков, ежась под ледяным взглядом Петуховой.

— Нормально, только задница болит, — буркнула Петухова. Поняв, что Шамиль ноль без палочки, да к тому же трепло, Валя решила послать его ко всем чертям. Она уже открыла рот, чтобы осуществить задуманное, но тут в ее светловолосую голову пришла идея получше: сначала раскрутить Шамиля на что-нибудь стоящее, а уж потом послать.

— А у тебя это в первый раз? — затянувшееся молчание показалось Нафику неловким, но ничего более достойного для поддержания разговора он не придумал. — В смысле в попу.

— Неприлично девушке на первом свидании такие вопросы задавать, — Валя кокетливо покосилась на Шамиля и хихикнула, подметив про себя, что Руслан был прав, обозвав Нафикова бараном. — А раз у нас с тобой первое свидание, нужно это дело отметить как

следует. Хочу в ресторан.

Два месяца Петухова методично высасывала из Шамиля соки, требуя то золотое колечко с бриллиантом, то выходные в Париже, не говоря уже о дорогих ресторанах, шмотках и прочей ерунде. Шамиль потел, краснел, залезал в долги, даже продал свою восьмерку, но мужественно продолжал исполнять все прихоти Вали. Зная, что долго Нафиков не продержится, и скоро сам задумает порвать с ней, Петухова тщательно обдумала и выдвинула требование: «хочу машину, бэжу или аудио какую-нибудь, только нулевую». Что такую тачку Шамиль не потянет, Валя не сомневалась, зато у нее будет конкретный повод бросить поиздержавшегося бойфренда первой, сохранив при этом лицо и имидж роковой женщины. Расчет смекалистой пэтэушницы был почти безупречен, но гордости Шамиля она недооценила. Нафиков, смысл жизни которого был в ловле завистливых взглядов, сыплющихся со всех сторон, когда он в обнимку с общепризнанной королевой дефилировал по бульвару или сидел в ресторане, решился на неслыханный по своей дерзости и безумству поступок. Выпив сто грамм для храбрости, Шамиль обошел всех драгдилеров района и собрал с них месячную мзду ровно на один день раньше положенного срока. Дилеры Нафикова знали, поэтому деньги отдавали без базара, лишь удивляясь тому, что Шайморданов послал к ним человека, не дождавшись завтрашнего дня, когда они сами бы принесли наличность в аккуратных белых конвертиках. На все вопросы Нафиков отвечал, что это воля Шайморданова, и почему возникла такая спешка он (Шамиль) не в курсе — не его ума собачье дело.

Отчаянная попытка нагреть Шайморданова Шамилю удалась, но в связи с непродуманностью и плохой организацией, правда вскрылась на следующий же день, когда Руслан не дождался ни одного парламентария с денежным конвертом. Руслан был в ярости, раньше его никто не только не предавал, но и подумать об этом страшился. В принципе, сам факт воровства не так коробил Шайморданова, как то, что почуяв слабинку его хватки, другие могут отважиться на бунт. Руслан прекрасно знал, что количество завистников даже среди его шестерок ой как велико — собравшись вместе, они мокрого места от него не оставят. Требовалось в срочном порядке как можно хладнокровнее и жестче покарать Нафикова, чтобы отбить у всех раз и навсегда желание шутить с великим и ужасным Шаймордановым. Собрав всех ближайших сподручных (за исключением Шамиля, который бегал по автосалонам, выбирая бибику для своей крали), Шайморданов без всяких эмоций вынес приговор: «слить гада вчистую» и предложил свой сценарий слива. Нафикова следовало подкараулить, вкатить ему смертельную дозу героина, а в квартире устроить «тайничок» с солидным запасом наркоты. Параллельно пустить слух, что Шамиль сажал на иглу детей младшего школьного возраста и частенько в счет оплаты пользовал их юные тела. При помощи фотошопа подготовить соответствующие фотографии и спрятать в том же «тайничке». Когда «тайничок» найдут, а слух прорастет в массах, Шамиль посмертно будет опозорен как наркоторговец и содомит — на его могилу даже папа с мамой не придут.

Изготовление липовых фотографий поручили компьютерному гению по кличке Крыса — он же в свое время взломал кабинет Валерия Петровича, директора школы, и под завязку набил ящик стола компрометирующими материалами. Обустройство тайника досталось сыну местного участкового Владику Сяпунову, лучшему другу Нафикова, — в его неожиданном приходе родители Шамиля ничего подозрительного увидеть не должны. Всю грязную работу в шайке Шайморданова, как и в любой другой иерархически структурированной организации, выполняли низшие чины — штатные единицы большой

численности и малой себестоимости. Поэтому подкараулить Шамиля в темном переулке и инсценировать передозировку должны были наименее ценные бойцы: Илья Пузднецов, Лёша Огузкин и Петя Бодыльев.

Троице дружанов выдали оружие убийства (шприц, заправленный первосортным героином), инструкции, где и во сколько ловить отступника, а так же что лепить в случае, если их поймают, и отправили в сырую темень октябрьских улиц. Но что-то в осуществлении плана не срослось — то ли у Шамиля был ангел-хранитель, который провел его к дому другой дорогой, то ли друзья попросту проморгали жертву. Когда Крыса и Владик Сяпунов вернулись к Руслану с отчетом об успешном выполнении заданий, о Пузднецове, Огузкине и Бодыльеве не было ни слуха, ни духу. Прождав до полуночи, Шайморданов не выдержал и послал отряд во главе с Сяпуновым на поиски горе-киллеров. Все трое были найдены валяющимися в том самом переулке, где приговор должен был быть приведен в исполнение. Друзья сидели на грязном асфальте, таращили глаза и дико ржали. На вопрос Владика, что происходит, Пузднецов, не прекращая смеяться, сквозь слезы ответил: «Цементовоз! Цементовоз! Ты не догоняешь?! Цементовоз! Понял, цементовоз хохляцкий». Попинав Илью, Лёшу и Петю, Сяпунов убедился, что они обдолбаны вусмерть и толку от них не добиться. Погрузив незадачливых товарищей в машину, Сяпунов отвез их к подъезду дома, в котором жил Шайморданов, и запер в подвале. Когда по утрам друзей немного отпустило, их волоком, как мешки с картошкой, притащили к Руслану. Заикаясь и бледнея то ли от страха, то ли из-за отходняка, Пузднецов поведал, что они ждали Нафикова в условленном месте, не дождались, замерзли, пост покинуть не решились, и, чтоб веселей ждать было, чуточку героя позаимствовали. В действительности, ребята убили на троих всю «смертельную» дозу, предназначавшуюся Шамилю. Шайморданов спокойно осведомился, в чью умную голову пришла идея наложить лапу на чужой герыч. Пузднецов и Огузкин, не сговариваясь, ткнули пальцами в Бодылева. Руслан удовлетворенно кивнул и подал знак увести проштрафившихся дураков. Наказание за нерадивость не заставило себя долго ждать. Всех троих избили до полусмерти и исключили из Шаймордановской партии. Пете Бодылеву в довесок достался еще один бонус: с этого момента всем девушкам района было строжайше запрещено даже смотреть в его сторону.

Что касается Нафикова, от своей судьбы он не ушел — следующим вечером Владик Сяпунов лично вонзил иглу в его вену, пока двое помощников держали Шамиля под руки. Дальнейшие события, как по нотам, разыгрались в соответствии со сценарием Руслана. Провал задания Пузднецовым и компанией привело лишь к одному непредвиденному результату: воспользовавшись отсрочкой исполнения приговора, Шамиль успел-таки спустить все украденные деньги на машину для Вали Петуховой. Он купил Audi A2 персикового цвета. Думая, как поступить в данной ситуации, Шайморданов решил проявить благородство. Вместо того, чтобы повесить долг на компанию, по вине которых Шамиль разбазарил его деньги, или забрать машину себе, Руслан пригласил Валу, преклонил перед ней колени, поцеловал изящные пальчики и вручил ключи от новенькой иномарки. «Это подарок», — улыбнулся Шайморданов, и веско добавил: «От меня». Девушка подарок приняла, с радостью отметив, что цвет авто как нельзя лучше подходит к дубленке и сапожкам, вытребованным у Шамиля две недели назад. Следующий подарок для Вали — водительские права — Руслан оплатил сам. Так Валя Петухова стала первой официальной девушкой Шайморданова. В скором времени она завладела не только телом и разумом Руслана, но и его сердцем, став единственным человеком, от которого Шайморданов зависел.

и кому доверял. Ради Вали (хоть она его об этом и не просила) Руслан даже отказался от права первого свидания, что публикой было расценено не однозначно: одни говорили, что Шайморданов остепенился, другие — что сдал позиции или стал импотентом. Стоит ли говорить, что неожиданное возвышение пэтэушницы (учебу сразу же бросившей) ни ей, ни Руслану доброжелателей не добавило.

9. Бунт на Олимпе

В наказание за участие в борьбе против богов Зевс заставил титанов держать небесный свод на своих плечах.

Древнегреческая мифология

Ровно через два часа сумрачный ликом Геша возник на пороге своей комнатенки, благоухая табачным перегаром и испуская из глаз лучи холодной недоброжелательности.

— А, барин пожаловали, — Лёня поставил точку в конце дописанной главы. — Я уж заждался вашей светлости.

Не говоря ни слова, Друзилкин протопал к столу, сгреб с него исписанные Пузырьковым листы, и погрузился в чтение. Пока водянистые глаза Геша скользили по строчкам, Лёня развлекался, побрасывая шариковую ручку к потолку и ловя ее возле самого пола.

— Что это? — сипло ухнул Геша, закончив чтение.

— Как что? — Пузырьков от неожиданности вопроса забыл поймать ручку, и она, упав на пол, закатилась под батарею. — Продолжение нашего монументального труда.

— Издеваешься, сука, — сквозь зубы процедил Друзилкин. Его лицо стало похоже на восковую маску, покрытую прозрачной корочкой льда. Прочтенное Гешу сильно обеспокоило сразу по нескольким пунктам. Во-первых, в глаза бросалось, что три новые главы написаны гораздо лучше предыдущих. Во-вторых, было не понятно, как можно успеть написать столько за каких-то два часа. В-третьих, в тексте весьма гармонично использовались персонажи, придуманные им — Валя Петухова, Лёша Огузкин и Петя Бодыльев. Более того, сам провести такие взаимосвязи Геша вряд ли бы догадался. Перед Друзилкиным встал вопрос, с чем легче смириться. С тем, что Пузырьков не менее (а то и более) талантливый писатель, чем он? Или с тем, что имел место гнусный подлог? Отринув первую версию, Геша лихорадочно пытался найти хоть какие-нибудь подтверждения второй, но, к своему ужасу, не находил. До сегодняшнего дня никто, включая его самого, понятия не имел, что ему придет в голову мысль написать про Пузднецова, добавив в каталог героев Шайморданова плюс ряд вымышленных лиц. Когда Геша уходил, Лёня собирался продолжить рассказ объяснением, зачем Шайморданов пришел к Пузднецову. Вместо этого он в трех главах литературно изобразил детство, отрочество и юность Руслана, в меру пестря метафорами, не увлекаясь словоблудием, но привнеся в повествование изрядную долю вымысла. Как это может быть творением человека, только что задававшего вопросы, почему один лирический герой курит сигареты без никотина, а второй пьянствует с персонажами, не имеющими реальных прототипов?!

— Сам ты сука, — беззлобно огрызнулся Лёня. — Я тут, понимаешь, стараюсь, пишу до мозолей кровавых, сохраняю эту, как ее... стилистику, персонажей твоих вылизываю, как

корова телка новорожденного. И что получаю взамен? Суку? Обижаешь ты меня, Гешка.

— Вон отсюда! — мигая нервным тиком, рывкнул Друзилкин, указывая на дверь трясущимся пальцем. Его уязвленное честолюбие в неравной борьбе победило чувство здравого смысла. — Никому не позволю надо мной измываться!

— Да пошел ты, — Пузырьков сплюнул на плешивый паркет и, поднырнув под вытянутую руку Геши, которой он указывал на дверь, вышел вон.

«Вот ведь сука какая!» рассудок Друзилкина кипел, «я за порог, а он! Пригрел змею на груди. Ну ничего, мы еще посмотрим, кто кого». Словно в горячке, Геша метался по комнате, комкая и разбрасывая исписанные другом листы. Проведя в таких трудах с полчаса, Друзилкин умаялся и, тяжело дыша, присел на краешек стола. «Порву. И сожгу» решил Геша, обводя разгром в комнате взором боевого генерала, оглядывающего поле минувшего сражения. Последние силы Друзилкин потратил на сбор разбросанных бумажек, после чего, не раздеваясь, завалился на кушетку, оставив разрывание и сжигание на утро

Ночью Гешу мучили кошмары. Друзилкину снилось, что Лёня Пузырьков связал его по рукам и ногам, воткнул в вену иглу с прозрачной трубочкой, ведущей к помпе, и выкачал всю кровь в большую чернильницу. Обескровленный Геша по сюжету сна не умер, и продолжал следить за происходящим. Лёня поставил наполненную кровью чернильницу на письменный стол, достал из-за уха белоснежное гусиное перо и лукаво улыбнулся. Чернила — кровь писательства, пояснил он и обмакнул кончик пера в чернильницу. Рядом с Лёней возник Шайморданов — с козлиной бородкой и рожками. Давай, записывай, я сейчас расскажу, как все было на самом деле, сказал Руслан, не обращая на Гешу внимания. Я появился на свет в ту минуту, когда дух Генерального Секретаря... — продиктовал Шайморданов, и Лёня, высунув язык от усердия, принялся скрипеть пером, записывая его слова кровью Друзилкина на измятом желтом листе вощенной бумаги.

Утром Геша проснулся не выспавшимся, с больной головой и сухостью во рту. Приготовив все необходимое для сожжения рукописей — оцинкованное ведро, бутылочку с керосином и спички, Друзилкин передумал. По зрелом размышлении, он решил, что написанные Пузырьковым главы слишком хороши, чтобы их уничтожать. Все равно ничего лучше он про Шайморданова не вспомнит и не придумает. Продолжу с того момента, на котором остановился Лёня, подумал Геша. Доведу дело до конца, покажу ему, как творит настоящий мастер. Тогда посмотрим, кто тут культовый писатель, а кто дерьмо собачье. С этими мыслями, забыв о своей привычке завтракать по утрам, Друзилкин приступил к работе.

10. Проклятье

...она двинулась к своей норе и, остановившись на пороге, задрала платье, нижнюю юбку и сорочку по самые подмышки и показала зад. Увидевши это, Панург сказал Эпистемону: — Мать честная, курица лесная! Вот она, сивиллина пещера!

Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»

— Какая помощь? — Пузднецову внезапно показалось, что он задал вопрос слишком наглым тоном и без должного почтения — после глотка чая мысли Ильи немного прояснились. Только сейчас до него по-настоящему дошло, кто сидит напротив него, и что

это не сон.

— Илюшенька, будь добр, ебальничек попроще сделай, — от вида перепуганного Пузднецова широкие скулы Руслана свела неприятная судорога. Закурив очередную псевдо сигарету и убедившись в том, что Пузднецов его слышит и понимает, Шайморданов, четко выговаривая каждое слово, произнес: — Спрашиваешь, что меня привело к тебе? Я расскажу. История непростая, так что слушай внимательно и не перебивай. Будут вопросы — потом задашь.

Несколько дней назад я как следует закинулся и поехал с корешками в «Венецию». Это ресторан такой, может знаешь? Неподалеку от плешки. Это по-пацански площадь трех вокзалов. Еще раз перебежешь — извини, я предупреждал. Ничего так ресторанчик на первый взгляд: фрески-хуески там всякие, арки с лопухами, маски карнавальные, официантки в париках и белых чулках — одну за жопу ущипнул, так визжала, будто ей анус нашампурили по перворазью. Водочки заказали, макарон под это дело, пельменей с креветками. Сидим, культурно отдыхаем. Тут Сяпля, ну Владик Сяпунов, ты его знаешь, говорит: «Че-то пельмени больно мятой воняют. Видать, бля, креветки стухли, вот они, суки, амбре и отшибают». Принюхались к пельменям — реально мятой несет, ебановрот. Я так спокойно подзываю козу эту визгливую, говорю, повара сюды. Приходит шеф-повар, Пиздо бля Пальма, макаронник сранный. Сяпля ему миролюбиво так: «Признавайся, мразь, нахуя тухлятину в пельмени захуярил? Кого, падла, наебать хотел?». Пальма zenки выпучил и ну на своем итальянском гнать — «лашате ми кантаре, равиоли муча густа». Сяпля ему намекнул, чтоб он перед пацанами не выебывался и по-русски отвечал. Хуйнаны — Пальма как пиздаболит по-свойски, так и продолжил, только граблями еще сильнее размахался. Тут уж я не выдержал. Руками не маши, клоун ебанный, говорю. Отвечай, когда тебя по-хорошему спрашивают. Ща я его по хрюкоталу приложу, вмиг поймет, говорит Сяпля и уже рукава пиджака закатывает. Ну правильно, за конкретно поставленный базар отвечать нужно. Тут Валя влезла: «Чего до человека доебались? Ему какие продукты дали, из таких и приготовил». Я: «Базара нет. Только я за гавно платить не буду». Сяпля успокоился чуток, рукава назад раскатал и повару лыбится. Иди, говорит, нахуй, макака, мы сегодня добрые. Пальма съебался, мы водочку добили и тоже к выходу потопали. Тут, откуда ни возмись, появился вртебись — четыре мордovorота в костюмах черных и с табличками «администратор» на лацканах. Молодые люди, говорят, не забудьте оплатить счет за посещение нашего чудесного ресторанта. Сяпля им: «С хуя ли? За пельмени ваши падальные? Идите повару своему мозги ебите». Ребята оказались профессиональные, из ментов видать, — Валю за дверь выставили, а меня с Сяплей вверх тормашками как буратин вздернули, вытряхнули и по почкам настучали — мы даже пукнуть не успели. Ладно, думаю, парни, мы с вами еще похихикаем. Слыханное ли дело, чтоб меня в ресторане мусора бэушные отпинали? Можно сказать, я им даже посочувствовал, телкАм неразумным — останутся их детишки без кормильцев. Короче, выкинули нас с черного хода — костюмы грязные, почки болят — аж ссать кровью тянет, бабла нет, даже мобильники потроха сучьи стянули. Доковыляли до парадного входа — Вали и след простыл. Я послал Сяплю чайника ловить — приходит через десять минут: «Эти хуи деньги вперед требуют». Зеленоглазое, блядь, такси. Вобщем, вечер не удался. Усугублять чего-то не захотелось. Поэтому пошарили по карманам, наскребли кое-какой мелочи. Сяпля сказал, что ровно на одну поездку на метрополитене имени Ленина, ебать его лысый череп, выходит. А ля гер ком аля гер, говорю, Сяпля, пойдешь домой на своих двоих, а я, пожалуй, в андеграунде проедусь —

романтика.

Подхожу, значит, к входу на Комсомольскую. Чё там твориться — пиздец во время чумы полный. Картина Страшного Суда: народу толчется до ебениматери, мат-перемат стоит, мужики с огромными тюками туда-сюда снуют, бомжи толпами на солнышке гниют, блевотиной какой-то забродившей воняет, мусора патрулями в этом дерьмище рассекают. Я мимо всего светопреставления бочком протискиваюсь, чтоб до кассы не сильно перемазавшись добраться и обилетиться. Тут меня кто-то за штанину хватя. Я хотел по привычке с ноги не глядя уебать, но что-то меня остановило. Голову поворачиваю — сидит возле окошечка кассы старикашка, газету под жопу подложил, бельмами сверкает и лыбится в три зуба — от вида его меня аж дрожь взяла. Извини, говорю, отец, у самого в кармане вша на аркане. А про себя думаю, с чего я вдруг так всполошился? Мало ли шваль какая привокзальная тут отирается, что ж я себя как первоклассник перед еблей чувствую. Дед молчит, только знай себе меня глазками своими молочными буравит. Я ему: уважаемый, я, с вашего позволения, сейчас билетик куплю и не буду больше вам свет загораживать, штанину только отпустите. А в мозгу крутится «нихуя себе, уважаемый! Чего ж стремно-то так?». Старик вроде как понял, о чем я ему толкую, и штанину из клешней выпустил. Я прямо облегчение испытал, калосральное. Полез в карман за грошиками, чтоб тетке по ту сторону окошка сунуть, тут из-за спины, как гром с ясного неба: «ЖЭТЭБЭКАСД». Поворачиваюсь — сидит дед на том же месте, как ни в чем не бывало, ухмыляется. Простите, вы что-то сказали? спрашиваю я, и сам над собой охуюваю. И тут такая шняга случилась, что я реально чуть не обосрался. Я будто взлетел к потолку, как шарик надувной, завис над турникетами и вниз смотрю. Вижу, народ возле касс толкается, шумит, течет к эскалаторам, а на меня все ноль внимания. Смотрю, возле одного окошка вроде кто-то знакомый маячит. Пригляделся — е-мое, это ж я сам, а возле ног моих старик слепой на газетке сидит. И сквозь шум толпы до меня слова разговора долетают. Не поверишь, я такого ни под коксом, ни под герычем не ловил — разговор этот между мной, тем, что на полу остался, и дедом. А я, тот, что под потолком болтается, все со стороны слышу и вижу.

— Простите, вы что-то сказали? — Руслан выглядел испуганным, что само по себе более чем странно. Любой, знающий Руслана человек, плюнул бы вам в лицо, скажи вы ему, что Шайморданова можно напугать.

— Нет, Русланушка, это ты сказал, — мягким, словно поросшим мхом, голосом ответил старик, не прекращая улыбаться. — Никак забыл свое первое словцо?

— Нет, не забыл, — ошарашенный Шайморданов с точностью до мельчайших подробностей вспомнил, как произнес первое в своей жизни слово. Перед глазами возник дедушка Рашид, хватающийся за карандаш, чтобы записать то, что сказал внук. Мама с беспокойством смотрит на мужа, будто ищет у него поддержки. Отец этого не замечает, он радостно смеется — наконец-то его сын заговорил. Дедушка торжественно водружает на переносицу очки, чтобы прочитать то, что он записал минуту назад...

— Хорошо, что помнишь, — слепец перебил поток воспоминаний Руслана. — О таком забывать не следует.

— ЖЭТЭБЭКАСД... — чувствуя себя как во сне, проговорил Руслан. Его взгляд встретился с незрячим взором старика. — Что это значит?

— А говоришь, что помнишь, — Шайморданову показалось, что старик ему лукаво подмигнул. — Сам себе напроорочил, и сам же не понял. А-я-яй. Дедушка Рашид сразу догадался, как твой детский лепет понимать.

— Жизнь Твоя Будет Короткой, А Смерть Долгой, — еле шевеля губами, прошептал Руслан.

— Вот именно! Молодец! — воскликнул старец. — Это слова древнего восточного проклятья. Мой юный друг, едва открыв рот, ты проклял сам себя и всех, кому не посчастливится оказаться рядом с тобой.

— Проклял сам себя? — впервые в жизни Руслан чувствовал себя потерянным и беспомощным.

— Да, это проклятье постигнет любого наркомана, если он вовремя не одумается. Тебе же одуматься не суждено, — старик посуровел, — по крайней мере, пока в тебе живет Шайтан.

— Я не наркоман, и во мне никто не живет, — голос Руслана был настолько слаб и звучал так неуверенно, что он возненавидел себя.

— Я отправил твоего Шайтана немного полетать, — старик хитро прищурил слепые глаза и усмехнулся. — Чтоб он в наш с тобой разговор не встревал.

— Что... — начал было Руслан, но подняв глаза осекся на полуслове — над его головой, под самым потолком, тупо плясая вниз, парил точно такой же Шайморданов.

— Он почти такой же, как и ты, — ответил старик на незаданный вопрос. — Во всяком случае, не лучше и не хуже, разве что сквернословит без меры. Не в нем сосредоточено все твое зло. Не на его совести все смерти, боль и страдания, пришедшие в мир с твоим появлением. Даже не он толкнул тебя на встречу наркотикам.

— Так почему же тогда он Шайтан? — с трудом понимая смысл сказанного стариком, спросил Руслан и попытался прикинуть, не перебрал ли он с дозой перед поездкой в ресторан.

— Не нравится имя? Пусть будет не Шайтан, а, скажем, Зелибоба — сути это не меняет. Он — чужой дух, обитающий в твоём теле, — старик задрал голову и помахал рукой болтающемуся под потолком двойнику Руслана. — Зелибоба живет в тебе с момента твоего зачатия. Вы сроднились настолько, что даже в разделенном состоянии, то есть сейчас, мыслите примерно одинаково. Я мог бы отправить на прогулку тебя и поболтать с ним, но это было бы не честно по отношению к тебе. Все-таки он чужак, оккупант, хоть и не по своей вине.

— Откуда во мне взялся э... Зелибоба? — количества употребленных субстанций, понял Руслан, на такую качественную галлюцинацию не хватило бы.

— Вот смотри, — старик с ловкостью фокусника одной рукой выхватил из воздуха сдутый воздушный шарик небесно-голубого цвета, а другой — две высушенные горошины. — Иногда случается так, что одну яйцеклетку оплодотворяют одновременно два сперматозоида. Знаешь, что тогда получается? Слепец разлепил посыпанный тальком сосок шарика и засыпал горошины внутрь.

— Близнецы? — неуверенно промямлил Руслан.

— Именно! — старик, демонстрируя мощь своих легких, с одного выдоха надул шарик до внушительных размеров и перекрутил сосок, чтобы воздух не выходил. — Однояйцовые.

— О, — Руслан, как зачарованный, следил за шариком, пляшущим в руках старика.

— Когда сперматозоид оплодотворяет яйцеклетку, появляется новое существо — зигота, — сверкая бельмами, старик тряхнул шариком так, что горошины внутри него, как показалось Шайморданову, зазвенели. — Стоит появиться зародышу, как его в тот же момент оплодотворяет душа. Появляется очередное новое существо — человек. Но с душами

все несколько сложнее. Если в тело человека по стечению обстоятельств попадает две души, близнецов на свет не рождается. Количество душ во вселенной строго ограничено, поэтому, если кому-то досталось две, кому-то не достанется ни одной.

— И?

— И! — старик вскочил на ноги и с глухим звуком стукнул Руслана надутым шариком по голове. — В тебя, как в этот шарик, залетело две горошины, то есть души. Поэтому во всех делах тебе сопутствует двойная удача. Два ангела-хранителя оберегают тебя — простая арифметика. Но закон сохранения или, как я его называю, правило нормо-часов действует безотказно. Если ты можешь выпить бутылку за полчаса, то с приятелем — таким же любителем заложить за воротник, как ты, — бутылка опустеет как минимум в два раза быстрее. Понял?

— Мои ангелы-хранители выпивают на двоих? — предположил Руслан.

— М-да, неудачный пример, — старик на секунду задумался. — Ничего толкового в голову не идет. Ладно, допустим, что ты бежишь в два раза быстрее, чем все остальные. Прямым следствием этому будет то, что и к финишу ты прибудешь в два раза раньше. Теперь усек?

— Нет, — честно признался Шайморданов.

— Склеишься ты четко посередине отмеренной жизни, — наплевав на политкорректность, выдохнул дед, начиная терять терпение. — А если уж быть совсем точным, то сторчишься. Всему, знаешь ли, своя цена. И, коль скоро мы с тобой говорим о душах, то это не тот материал, про который можно сказать «оптом дешевле» или «две штуки по цене одной».

— Что же мне делать? — до Руслана мучительно медленно, спотыкаясь и падая на каждом шагу, начал доходить смысл сказанного стариком. — Ну, чтобы не сторчатся.

— Прекратить употреблять наркотические препараты — для начала в слоновьих дозах, позже — вообще, — дед хлопнул в ладоши и шарик исчез так же внезапно, как появился. — Только у тебя ничего не получится, пока ты не избавишься от Зелибобы. А точнее, не вернешь его тому бездушному неудачнику, которому Зелибоба предназначался.

— Кому? Как? — Руслану показалось, что вместе с отделившимся от него двойником из головы исчезла половина серого вещества — настолько тупым Шайморданов себя еще никогда не чувствовал.

— Кому, могу подсказать, если сам не догадываешься, — дед снова устроился на мятых газетах. — А вот как — это уже тебе самому придется придумывать.

— Дедушка, подскажи, ну пожалуйста, — Руслан чуть не плакал. Беспомощность перед лицом приближающейся безвременной кончины породила дрожь в коленках, сосущее чувство под ложечкой и металлический привкус во рту.

— Не хнычь, — строго прикрикнул на Шайморданова слепец. — Здоровый бугай, а разнюнился хуже девки. Зелибоба должен был очутиться в твоём бывшем поделльнике — Пузднецове. Помнишь, как по твоей указке ему чуть шею не сломали? Вижу, помнишь. Если бы он умер, то разговаривать бы нам с тобой не пришлось — нет человека, нет проблем. Ты бы его не надолго пережил и поделать тут уже ничего было бы нельзя. Так что действуй, если, конечно, жить охота. Удачи тебе не желаю — не зависит она от моих пожеланий. Прощай.

— Дедушка, подожди! — переходя на визг крикнул Руслан, упав на колени и схватив старика за плечи.

— Ну, чего тебе еще? — дед брезгливо поморщился и аккуратными, но уверенными движениями, отделался от объятий Шайморданова.

— Как ты с белыми глазами все видишь?

— А... гхм... — старик на секунду задумался, после чего скороговоркой пробормотал что-то вроде «разговор душевный, да собеседник не кошерный», кашлянул в кулак, щелкнул пальцами и...

...меня как на такси с похмела укачало — то в жар, то в холод кидать стало, голова квадратная, блевать тянет. Глаза поднимаю — нет никого под потолком, опускаю — от старика хоть бы хуй остался. Ага, думаю, Зелибоба, значит, в меня вернулся, а дед сдриснул под шумок. Я так прикинул, покумекал — ебать меня в рот, если такая хуйня может посреди дня без дозы твориться. А сам бочком-бочком, да съехал до дому побыстрее. Про себя решил, что это ресторанные говнюки мне дрянь какую-нибудь вкололи да мусоров по следу послали. Пару дней пройдет, думаю, забуду про эту хрень, как про хуев сон. И чё ты думаешь? Какое там, в пизду, забудешь! Слова козла этого белоглазого так иголками в мозгу и шиперятся. Даже когда на Вальке оттягиваюсь, все про ЖЭТЭБЭКАСД думаю. Не с проста ; тогда под потолком бултыхался, не клина я с дедом словил — все правда, все было. Жопой чую, что старик меня наяву за штанину хватал и пиздеж его не порожняк беспонтовый. Сидит во мне Зелибоба сраный, толкает меня копытом в могилку. Чую и все тут. Вот я к тебе в гости и заглянул, на огонек.

Руслан всем своим видом показывал, что рассказ окончен и теперь он готов попытаться ответить на любой из миллиона вопросов, которые (по мнению Шайморданова) крутились на языке Пузднецова. Когда продолжительность паузы стала подбираться к границам приличия а тишина, повисшая на кухне из звенящей превратилась сперва с свистящую, а потом и в ревущую (как показалось Илье), Пузднецов наконец набрался сил и смелости, облизнул пересохшие губы пересохшим же языком, и просипел: — Да, надо же так... Действительно... Это да...

— Что? — Руслан побагровел, скрипнул зубами и хрустко сжал кулаки. — Ты, что, сука, не слышал, что я сказа?

— Я слышал, слышал! — испуганно пискнул Илья и инстинктивно сжался на стуле, пряча лицо за руками. — У меня сейчас правда нет, честное слово. Вот мать зарплату получит, я тогда сразу...

— Заткнись, — скомандовал Шайморданов. Секунду назад он был готов разmozжить Пузднецову голову, но сейчас выглядел настолько спокойным, хладнокровным и сосредоточенным, что мог бы легко соперничать со статуей сфинкса. — Мне, в принципе, похуй, понял ты или нет, что я тебе рассказал. Главное, чтобы ты понял то, что я скажу сейчас. У меня есть нечто, принадлежащее тебе. Я очень хочу это нечто тебе вернуть. Ты окажешь мне в данном деле активнейшее содействие. За причиненное беспокойство можешь просить все, что пожелаешь.

— Все, что пожелаю, — кивая и по-рыбьи тараща глаза, повторил Пузднецов, искренне и абсолютно беспочвенно надеясь, что выглядит внимательным и понимающим.

— И чего же ты желаешь? — Шайморданов потянулся за очередной безвредной сигареткой, но нащупал лишь пустую пачку.

— Кто? Я? — Илья перестал кивать и немигающим взглядом уставился в невидимую Руслану точку, зависшую чуть выше его плеча.

— Да, братишка, видать хуево тебе без души приходится, — вздохнул Шайморданов,

смял пустую пачку и выбросил ее в распахнутую форточку.

11. Танцующий в темноте

...самое страшное в темноте — возможность наткнуться на мебель.

<http://laobc.narod.ru>

Написанной главой Геша, по большому счету, остался доволен. Стилистика соблюдалась, саспенс вроде как нагнетался. Персонажи вели себя хорошо, то есть жизненно. Ну, почти жизненно. Логика присутствовала, пусть и мистифицированная. Чем все это может закончиться, предугадать не смог бы никто. Включая меня, с горечью подумал Друзилкин, исчиркав с полсотни листов в безуспешной попытке написать достойное продолжение. Вдохновение и запал, с которым Геша на бумаге радостно матерился за Шайморданова и бездушно тупил за Пузднецова, неожиданно иссякли. Чувствуя себя творческим импотентом, раздраженно меряя шагами комнатенку, Геша чуть ли не рвал на себе волосы, ища хоть какую-нибудь сюжетную зацепку, потянув за которую можно дальше распутывать клубок повествования. Друзилкин даже схватился за ножницы, думая отхватить себе ухо на манер Ван Гога, и, таким образом, пробудить задремавшие творческие порывы, но передумал. Ограничился тем, что проткнул подушечку указательного пальца левой руки иголкой, выдавил искрящуюся брусничным светом капельку крови, размазал ее по чистому листу. Кровь высохла, сменив свой цвет с алого на буро-коричневый, и теперь напоминала скорее следы поноса на туалетной бумаге. Дерьмо, сокрушенно подумал Геша, вот тебе и «кровь — чернила писателя». Можно писать жидким говном, а всем говорить, что это кровь — фиг отличишь.

Как же вся эта кухня варится? Из чего же вырастает чудный цветок шедевра, когда вот так, на самом интересном месте случается прискорбный затык? — пытаюсь не позволить себе заикнуться, рассуждал Геша. — Не из личного опыта уж точно. На своих воспоминаниях я бы анекдота про армянское радио не придумал. А бывает, как напишешь строчку, перечитаешь — и сам удивляешься: ай да Геша, ай да сукин сын. Может быть, все мысли и идеи конденсируются где-то под куполом вселенной и периодически, то снегом, то дождем выпадают на головы людей? Росой серебрятся под ногами — нужно лишь знать или чувствовать срок, когда следует выйти с губкой и ведром? Печально, конечно, что настоящий творец всегда мельче своего произведения, ибо им движет снизошедшее откровение, а не стремление изложить себя. Но я и на это согласен, лишь бы продолжать писать. Лишь бы не задохнуться в душном закутке действительности...

Текущее отсутствие опыта и временный (в том, что на свете все временно, Геша не сомневался) дефицит вдохновения Друзилкин решил компенсировать, открыв себе окно в мир. Где можно увидеть такие места, о существовании которых раньше и не догадывался? — спрашивал себя Геша. — Где можно услышать слова интереснейших из современников, людей всевозможных профессий, рас и возрастов? Где почерпнуть завязки для самых невообразимых сюжетов? Как прикоснуться к мудрости веков или узнать, что творится в мире прямо сейчас? Как опуститься в те подводные глубины, куда не доходит ни одного лучика солнца, или вознестись в такие выси, о которых не может мечтать ни одна птица? Очень просто! Включи телевизор. По крайней мере, большинство Гешиных знакомых проводили время, пляясь в цветущие кинескопы. Придя к такому выводу, Друзилкин разбил

свинью-копилку, которую от зарплаты до зарплаты прятал в сливном бачке унитаза, обернув в три полиэтиленовых пакета и туго перемотав изолентой. Взяв достаточную по его разумению сумму, Геша направился в ближайший магазин бытовой техники и электроники. Цены на телевизоры Друзилкина повергли в легкое оцепенение, стряхнув которое он поинтересовался у продавца о возможности приобретения необходимого чуда техники в рассрочку. Лучезарно улыбаясь, продавец направил Гешу к представителю банка, который сидел за аккуратной партой тут же в торговом зале. Узнав размер Гешиной зарплаты и срок, в который он планирует погасить вожделенный кредит, банковский клерк с улыбкой, точь-в-точь повторяющей оскал продавца, посоветовал Друзилкину убираться подобру-поздорову, пока он не вызвал охрану или неотложку — по желанию несостоявшегося клиента. Вняв совету, Геша, угрюмо отметив про себя необходимость как-нибудь ночью разбить пару-другую витрин магазина, покинул электро-бытовой рай. Отчаявшись открыть окно в мир, Геша внезапно вспомнил, что сегодня воскресенье. В этот день возле старого сгоревшего кинотеатра «Зурбаган» полубомжеватые личности традиционно организуют толкучку, на которой он не раз по сходной цене (как правило, кратной стоимости одной бутылки водки «РУССКАР» в подвале неподалеку) приобретал самые фантастические вещи, типа американского граммофона конца 19-го века с коллекцией пластинок Вертинского, лошадиного противогаза времен первой мировой войны, никогда не издававшегося диска «Zoo Loop? A!» группы «The KroT», медной каски пожарного с выгравированной летящей надписью «на работе не горим — сутки жарим, трое спим» или первого издания «Доктора Живаго» в приклеенной к корешку мягкой обложке от Набоковской «Лолиты». К развалу Друзилкин пришел (если быть до конца честным, то прибежал) окрыленным предчувствием близкой удачи. Странно это или нет, но радостное предчувствие Гешу не обмануло. Практически сразу его жадно блуждающий взгляд выхватил из груд барахла, разложенного на складных столиках, газетках или на голой земле, знакомые очертания вожделенного ящика с выступающим округлым брюшком кинескопа. Геша представил себе, как подключает телевизор к сети электропитания, бережно вводит штекер антенны в разъем, стыдливо притаившийся на задней панели, нежно нажимает на заветную истертую кнопку, и — о чудо! — мутно-серый, мертвенно-слепой глаз оживает, обретает осмысленность и уносит его в волшебную страну, где обрести вдохновение сможет не тупой зажавшийся обыватель, но он — великолепный мастер слова Геша, чьему таланту и требуется-то сущая малость, чтобы расцвести буйным цветом — несколько капелек свежей информационно-визуальной крови. Увидев эту картину, Друзилкин поклялся, что без телевизора толкучку не покинет. Пяти минут переговоров с морщинистой бородатой старухой в платке, расшитом алыми маками, и с такими же глазами, хватило, чтобы Геша, лишившись большей части сбережений, но счастливо утяжеленный телевизором, чуть не прыгая от радости, мелкими перебежками отправился восвояси.

Водрузив ящик с надписью «Рубин» на письменный стол, подключив все провода и отколупнув с некогда черного корпуса несколько миллиметров слежавшейся пыли, Геша, затаив дыхание, вдавил кнопку. В центре экрана показалось светлое пятно, неспешно вытянулось в линию, которая, расширившись, заняла весь аквариум кинескопа, являя шокированному Геше картинку. Конечно, Друзилкин в теории знал, что телевизоры бывают черно-белыми, но почему-то думал, что в природе таких экземпляров не осталось. Не желая портить настроение по мелочам, Геша убедил себя в том, что так даже лучше. В конце концов, истинные мастера фотографии всегда предпочитали ч-б, а чем отличается

изображение, показываемое телевизором, от быстрой смены картинок-фотографий? Ничем, с усилием подвел черту Друзилкин, устраиваясь на стуле поудобнее перед распахнувшимся окном в мир.

«С любимыми не расставайтесь» — взгляд сочувственно улыбающегося телеведущего топленным маслом затекал в глаза Геши. Камера с ведущего переползла на тучную тетку, полулежащую на диване. «Лидия Петрова, двадцать три года замужем за Николаем Ивановичем» — задорно прокричал ведущий за кадром, и невидимая публика зашлась в хлопках овации. «Не расставайтесь. Ха!» — тетка по-жабьи надула множественные подбородки — «Я прихожу, а он — сидит. Раз прихожу — сидит, два прихожу — сидит, три...». «Ты мне всю жизнь! Приходит она!» — камера с трудом отрывается от тетки и в кадр попадает щуплый мужичек в пиджаке и тренировочных штанах, с лицом, больше всего похожим на плесневелый нарезной батон. Мужичек, оказывается, сидит на таком же диване, как и тетка, только в другом конце студии — «Двадцать три года! Приходит и приходит, приходит и приходит!». «А сам-то, сам?!» — визжит тетка, на которую стремительно наезжает камера — «Сидишь, скотина безрогая?!». «А х-ПИ-ли ты ходишь?! П-ПИ-а распро-ПИ-я, б-ПИ, свиноматка прокисшая! Только и можешь, что ходить, пи-ПИ-проушина за-ПИ-глазая». «Сам ты бирюк ух-ПИ-ный, е-ПИ-лан му-ПИ-коватый, и сидеть-то толком не можешь!». Камера пинг-понговым шариком прыгает от одного конца студии до другого. Неожиданно в кадре снова оказывается ведущий и, перекрывая своим хорошо поставленным голосом бесконечные «ПИ», проникновенно говорит «Порой судьба оказывается жестока к людям любящим и любимым. Бытовые проблемы, жизненные неурядицы, мелкие ссоры и склоки заставляют забыть о былой теплоте отношений. Как сохранить любовь? Как пронести ее через весь долгий жизненный путь и не растерять нежных чувств к своим любимым в бушующем океане суровой реальности? Чтобы помочь всем нам найти ответы на эти важные вопросы, мы пригласили доктора медицинских, исторических и социальных наук, профессора международного университета урологии, заслуженного член-корреспондента кафедры криминалистической психологии женевского института человека, Сигизмунда Карловича Щербатого». Между Лидией Петровной и Николаем Ивановичем волшебным образом возникает кресло с человеком, чье лицо полностью скрыто клочковатой бородой, густыми мохнатыми бровями и очками со стеклами невообразимой толщины. «Сигизмунд Карлович» — Геша решил, что голос ведущего обращен к появившемуся человеку, в черно-белом изображении больше всего напоминающему сильно запылившийся кактус — «Какой совет вы можете дать Лидии Петровне и Николаю Ивановичу? Что подскажите? Порекомендуете? Э... проконсультируете, проанализировав сложившуюся непростую ситуацию? Какой подход к решению проблемы отыщете? Какой метод подберете? Каким добрым словом, мудростью или наглядным примером из своей обширнейшей практики побалуете? Вдохнете ли вы новую жизнь в этот союз, объединение, альянс, конгломерат, коалицию, так сказать, двух любящих сердец?». Профессор Щербатый раздувается, как рыба-шар, и, сверкая стеклами очков, говорит «Ну, конечно же, само собой разумеется, очевидно и бесспорно, что основополагающим звеном, связующим воедино двух разных по своей природе, мировоззрению, строению, физиологии, характеру протекающих химических реакций и циклов, обладающих различными пристрастиями, вкусами, образами мышления людей. Не вызывает абсолютно никаких сомнений, что в данном случае, который достаточно типичен для современного человеческого архетипа в условиях социального дискурса, ставящего его лицом к лицу с необходимостью поиска собственного отражения не

только в своих скрытых, так сказать, латентных проявлениях, но и в более широких смыслах поведенческих слоев окружающих. С практической же, общечеловеческой, бытовой точки зрения трансцендентного обывателя, в глаза бросается проблема, не заметить которую нельзя даже с открытыми глазами, взгляд которых устремлен в будущее прогрессивного развития горизонтов перспектив. Таким образом, волшебным бальзамом, панацеей, чудодейственным средством, поиском которого человечество увлечено со времен своего самоосознания, и спроецированным во множестве эсхатологических мифов, тем не менее, более чем реален именно сейчас, с появлением новых поколений различных способствующих тому средств и методов, подробно описанных в моей новой книге «Совет вам да любовь». Проплыв мимо Лидии Петровны и Николая Ивановича, сидящих с видом загипнотизированных бандерлогов, камера вливается в лицо ведущего — «А сейчас прислушаемся к мнению зала». Ведущий вытаскивает из-за кадра испуганную женщину в косынке и с усилием втискивает микрофон ей в руку. Женщина, не мигая, смотрит в точку чуть выше объектива камеры и неуверенно излагает свою точку зрения «Я полностью согласна с тем что сказал профессор Небри... Щербатый действительно самым важным в бушующем океане продлен... проблем является постоянное внимание к своему... своему партнеру оказывая которое можно обернуть процесс отпирания... отмирания чувств вспять и прожить во взаимопонимании долгую и счастливую совестную... совместную жизнь». «Спасибо» — ведущий выдирает микрофон из рук женщины из зала, камера снова нацеливается на профессора — «Да, как я уже говорил в упоминаемой ранее книге, которую я совсем недавно написал, и которая уже успела стать бестселлером на трех, нет — четырех континентах. Самое важное это внимание к своему партнеру. Очень важно уметь не только понимать его, но и слушать». «Чего его слушать-то?!» — неожиданно взвизгивает Лидия Петровна — «Я прихожу, а он сиднем сидит». «Наслушался я уже, как она топает, слониха е-ПИ-ная» — ворчит из другого угла Николай Иванович. «Важно слышать, слушать, прислушиваться» — не обращая внимания на перебранку супругов, продолжает профессор Щербатый — «Еще лучше это делать, когда партнер не догадывается о том, что ты слушаешь. Для этого можно спрятаться за дверью, притвориться спящим или замаскироваться под ведерко для зонтов или фикус в кадке. Тогда, не зная, что один партнер весь во внимании, второй позволяет себе естественное, не наигранное опорожнение мочевого пузыря. Слушая звук, с которым происходит процесс мочеиспускания, любящий человек без труда догадается, о чем его партнер хочет поговорить, какой подарок ожидает на годовщину свадьбы, какие мысли его терзают, какие позы он хотел бы попробовать в сексе, какие ощущения испытать. Это самый простой способ лучше узнать и понять своего партнера. Если журчание струи ровное, без амплитудных колебаний, то с партнером все в порядке — за ужином он проявит хороший аппетит, будет нежен в постели. Если возникают звуки турбулентного бурления или кавитации, значит, человек чем-то раздосадован и нуждается в поддержке. Когда струя либо прерывается, либо то усиливается, то уменьшается до разрозненных капель...» Геша, чувствуя, что тут он скорее сдохнет от крово— или мочеизлияния в мозг, чем вдохновится на продолжение начатого произведения, не выдержал и переключил канал.

«Ты что же, сука, рамсы попутал?» — светловолосый актер с широким глуповатым лицом, одетый в короткую кожаную куртку по моде начала девяностых, целился из пистолета в бритую голову представителя одной из малых народностей бывшего СССР. Детектив, подумал Геша, и уже хотел переключить канал, когда его посетила мысль, что это,

скорее всего, не детектив, а боевик. Просмотр отечественного боевика может оказаться полезным, так как криминальная жилка, специфический сленг и крутые парни в недописанном шедевре, как-никак, имеются, заключил Друзилкин, и руку от кнопки убрал. «Нэт, брат, нэт! Всо как надо сдэлаю, только нэ убывай» — утирая с лица серый (по причине ограниченности цветовоспроизведения телевизора) клюквенный морс, сочащийся из большого разбитого носа, умолял бритоголовый. «Последний раз спрашиваю — где товар?» — светловолосый выстрелил, побитый оппонент заорал, схватившись за простреленную коленку — «Будэт тэбэ товар, клянусь, нэ стрэляй». Не говоря ни слова, светловолосый прострелил подранку вторую коленку, на что получил сдвоенное предупреждение — «Убьешь меня, тэбэ нэ жить — Джавад тэбя нэ отпустит». «Ты за свой базар отвечай, а с Джавадом я сам геморрой улажу» — светловолосый приставил пистолет ко лбу бритоголового и решительно нажал на курок — «русские смерти не боятся». Убив незадачливого «товароведа», снятый крупным планом персонаж улыбнулся в камеру шикарной белозубой улыбкой, достал из внутреннего кармана бутылку, на этикетке которой отчетливо читалось «Горилка медова з перцим», сделал несколько больших продолжительных глотков из горла, после чего, как бы между прочим, произнес — «Хороша, чертовка. Пробирает». Не спеша делать выводы, Геша продолжил просмотр. После рекламной паузы, Друзилкин узнал, что светловолосого зовут Костя Спутник. Что он с друзьями работал на некого Джавада, доставая для него пресловутый товар. Завалив Махмуда (того бритоголового, которого Геша увидел в начале) и не получив от него товара, Спутник накликал на свою голову проблемы с Джавадом. Интрига строилась на образовавшемся недопонимании: Джавад, решив, что Спутник замочил Махмуда и слинял с товаром, послал своих мордovorотов порешить отступника. Спутник, в свою очередь посчитал, что отсутствие товара у Махмуда — провокация со стороны Джавада и собрал горстку друзей, чтобы поквитаться за подставу. В ходе многочисленных перестрелок, взрывов и драк, все действующие лица, кроме Спутника и Джавада погибают. В финальной сцене на крыше небоскреба Джавад, после продолительно мордобоя, внезапно понимает, что «попутал рамсы» он, а не Спутник. Просит у Спутника прощения за погубленных друзей и «геморрой». Спутник с суровым лицом бьет Джавада ногой в промежность, сплевывает, цедит сквозь зубы «живи, собака» и обнимает неизвестно откуда появившуюся миловидную блондинку. Девушка радостно улыбается и сообщает — «Россия — щедрая душа». После этого Спутник в обнимку с девушкой уходят в сторону заката, презрев закон гравитации и не свалившись вниз с крыши небоскреба. После просмотра фильма, Друзилкин с горечью отметил, что голова его не только не наполнилась свежими идеями, но и как будто опустела еще больше — кроме загадочных «рамсов» и «товара» не осталось вообще ничего. Пока сознание не превратилось в марсианский пейзаж, Геша поспешил переключить канал.

«Холестериновые бляшки закупоривают внутренние слои эпидермиса бедер, создавая эффект апельсиновой корки» — сообщил задорный женский голос, в то время, пока на экране мелькали компьютерные шарики, стрелочки и странного вида анимация — «новая кей-протект формула на основе вытяжки из молекул дизооксирибонуклеиновых кислот беспозвоночных, обитающих на дне красного моря, в совокупности с лэйр-антистресс-вьюжн — уникальной разработкой нашей лаборатории и природными компонентами микрофлоры кишечника бычьего цепня позволяют вам, после прохождения полугодового курса оздоровительной аэробики на нашей североатлантической базе, в единственной точке мира, климат которой идеальным образом соответствует гармоничному протеканию цикла

обновления клеток, стать здоровее и выглядеть моложе. Вы можете себе это позволить — спешите, до конца месяца действует уникальное предложение. Побалуйте себя и свои бедра. Вы этого достойны». Увидев высветившуюся на экране цену уникального предложения, Геша присвистнул и ткнул кнопку следующего канала.

«Жизнь кумиов поой оказывается полна гоестей, стаданий и лишений. Они, как самые обычные люди, могут погужаться в пучину отчаянья и глубочайшей депэссии. Только наркотики, алкоголь и безудежный сэкс позволяют им не сломаться и подолжать веить. Веить в лучшее, в то что все еще обазуется и они снова будут сиять» — мурлыкал солидного вида дядечка, развалившись в кресле. — «Так и она, геония множества бодвейских постановок, являясь по существу еще совсем ебенком, нахальной самоувеенной девчонкой, к соока годам успела сменить столько любовников, седи которых был и известный сецеед...» Геша почувствовал, что тягучий голос и неспешная речь мужчины действуют на него гипнотически. Не желая уснуть или, что гораздо хуже, стать зомби, Друзилкин решительно сменил канал.

«Ткачики — удивительные создания» — на экране мельтешила кучка птичек, мало чем отличающихся от воробьев, по крайней мере, в черно-белом изображении — «До того, как самка ткачика снесет первое яйцо, самец должен успеть сшить из листьев и стеблей травы гнездо. Если же самец не успеет сшить гнездо, яйцо упадет на землю, где оно станет легкой добычей для хищной болотной крысы». Болотные воробьи Гешу не впечатлили, поэтому он отправился в дальнейшее странствие по телевизионным частотам.

Пролистав почти не глядя прямой репортаж с мирового чемпионата по кёрлингу и балет «Лебединое озеро», которое он почему-то недолго любил, но почему именно — не мог вспомнить, Друзилкин вляпался в выпуск новостей. «Вестник России — то, чем запомнилась минувшая неделя» — объявила костлявая дикторша. Потратив час времени, Геша узнал, что неделя миллионам россиян запомнилась рядом событий сомнительной чрезвычайности. Президент Российской Федерации посетил саммит большой восьмерки в Давосе, где отметил особенную белизну и пушистость снега. В Краснодарском крае отмечен беспрецедентно высокий прирост поголовья южноамериканских капибар — пара грызунов, размером с поросенка, уже три года проживающая на территории резиденции помидорного магната Дарницкого, дала приплод в количестве трех капибарят. Селу Большие Обеды присвоен статус города, в честь данного события новоявленные горожане Больших Обедов быстренько устроили празднование дня города, выпили, передрались, местному участковому пришлось вызывать милицейскую подмогу из райцентра. Милиционеры из райцентра влезли в драку, были жестоко избиты горожанами, что не помешало им ближе к утру напиться вместе с теми же горожанами и попасть в больницу с симптомами отравления этанолом. Репортаж из питерской тюрьмы Кресты — мотающие срок граждане осваивают навыки новых для себя профессий. В камерах сидят без пяти минут плотники, столяры, гончары, пекари и сапожники. Корреспондент рассказывает про семидесятилетнего Христофора Молотовича Волобуйнюка, который за пару недель освоился в роли пасечника. Старик рассказывает, какое это счастье — быть нужным и приносить пользу обществу. Говорит, что пчелы людей добрее и умнее. Корреспондент интересуется, какими судьбами Христофор Молотович попал за решетку. Волобуйнюк опускает глаза, отвечает, что с женой по глупости повздорил. Ну что, жена-то вас ждет? спрашивает корреспондент. Ага, ждет, старик криво и невесело улыбается. Убил я ее. Столичный пенсионер Докукин, двигаясь по окружной дороге на автомобиле марки «Таврия» умудрился в одной яме потерять сразу два колеса — правое переднее и левое задние. Докукин сообщил репортерам, что, с одной стороны,

радуется, что остался жив, а с другой — очень хочет узнать, кто возместит ему ущерб. Следом показали безымянного юриста, который объяснил всем, включая старика Докукина, что с купленным талоном, ложно свидетельствующим прохождение планового технического осмотра, можно катиться на оставшихся колесах куда подальше. Еще был сюжет про восьмиклассницу, которой не хотелось учить уроки и надоело получать выговоры от родителей за двойки. Сметливая девчушка пожаловалась родителям, что двойки ей, урожденной Хурмангалиевой Зульфие Анаровне, ставят не за плохие знания, а на почве межнациональной ненависти. Родители Хурмангалиевой, поверив словам дочери и не обратив внимания на тот факт, что в городе Миасе, где они и проживают, татар ничуть не меньше русских, подали на директора школы, Шамиля Ризасовича Хабибуллина, в суд.

Не дождавшись прогноза погоды на неделю, Друзилкин издал вопль оборотня, которому прищемили хвост, схватил телевизор и вышвырнул его в закрытое окно. Когда звон разбитого стекла и хлопок взрыва, которым кинескоп поприветствовал асфальтовую дорожку, стихли в ушах Геши, а ярость немного улеглась, он мрачно подумал: «М-да, видать не у меня одного творческий кризис. Окно в сортир...».

Спустя два дня бесплодных усилий, Друзилкин в своих страданиях опустился до самого дна. Мысленно он признал себя не только некудышным писателем, но и неудачником, пустяком и ничтожеством в целом. Геша по уши погрузился в летаргический студень жалости к самому себе, изредка озаряемый вспышками злости из серии «как я мог возомнить, что писательство мое призвание?! Ничему не научился, а теперь время упущено безвозвратно».

На четвертый день Друзилкин решил пойти на сделку с дьяволом, встречу с которым долгие годы отвергал. Сняв во вспотевшей ладони несколько банкнот — остаток своих скудных сбережений, Геша вышел на лестничную клетку, спустился на первый этаж и позвонил в раскрашенную во все цвета радуги дверь. Ровно через четыре минуты и двадцать шесть секунд Геша снова находился в своей комнатенке с той лишь разницей, что в его кулаке теперь вместо денег находилась желтовато-сероватая папиросная гильза, туго набитая чем-то, похожим на зеленые чайники. Обратить свой взор в сторону наркотиков, пусть даже таких, как банальная травка, Гешу заставило отчаянье, густое, черное и горькое, как деготь. Совсем недавно Друзилкин считал, что истинное творчество рождается лишь в трезвом рассудке и не может иметь ничего общего с приемом каких-либо субстанций, и с азартом перегрыз бы горло любому, кто имел бы наглость не согласиться с ним, «культовым писателем». Музыкантов, поэтов и художников, творящих под кайфом, Геша не признавал и ставил ниже умалишенных. Это происходило, скорее всего, по той причине, что, наслаждаясь творчеством, Друзилкин не обременял себя изучением биографий творцов. Шедевальность того или иного произведения в голове Друзилкина автоматически отождествлялась с высокой нравственностью, чуть ли не аскетизмом автора. Так или иначе, параллельно с выносом себя из пантеона культовых писателей, Геша наступил на горло собственному максимализму, малодушно решив, что для достижения поставленной цели все средства хороши. Так в руках Геши оказался первый в его жизни косячок, купленный у соседа по подъезду, Олега Бобасина. Бобасин, как и всякий, промышляющий кайфом в этом районе, ходил под Шаймордановым, а, следовательно, часть денег, которые Геша отдал за косяк, неминуемо осядет в кармане Руслана. Тот факт, что он решился дунуть из-за ступора в повести с участием Шайморданова, и ему же за это приплачивает, Гешу не позабавил. Он об этом попросту не подумал.

Молясь всем богам, чтобы результат не оказался обосран затраченными материальными и духовными ресурсами, Друзилкин сунул сигаретку в рот и дрожащей рукой потянулся за спичечным коробком. Прикурить удалось только с двенадцатой спички — пальцы отказывались слушаться и вели себя, словно дождевые черви, оказавшиеся в стакане лимонада. Едкий, раздражающий легкие дым наполнил Гешу одновременно с паникой: «что же я делаю!!!». Чтобы не дать себе возможность передумать, а панике — победить, Друзилкин, отчаянно всосал следующую тягу. Затем еще, еще и еще, прерываясь лишь на приступы болезненного кашля. Когда косяк закончился, от каруселью кружащейся в густом сизом дымке комнаты Гешу затошнило, но он, наплевав на позыв, пододвинул к себе поближе новую пачку бумаги и мертвой хваткой вцепился в шариковую ручку.

11. На коленях Богов

Варкалось. Хливкие шорьки

Пырялись по наве,

И хрюкотали зелюки,

Как мюмзики в мове

Льюис Кэрролл «Алиса в Зазеркалье» (пер. С.Я. Маршака)

О, Звезднолобый Презирэф, чей третий глаз, состоящий сплошь из картонных коробок — вместилищ существ, веками наблюдающих процесс мочеиспускания избранных, отважившихся взобраться на снежную шапку Великой Говорящей Скалы, расстегнуть ширинку и заглянуть в пропасть, светится музыкой Солнца, не уступи души моей Тысячепарной Хурмангале. О да, Илюшенька, страшно мне, страшно, жутко, ужасно страшноватенько таращится. Она лишь мыслью прорастет изнутри до самого мозга и сгниет в секунду, заняв вымышленным телом своим дупло коренного зуба. Бутоном расширится, вижу, сорвет с меня обе шкуры побеленных. Я сыплюсь с края всего сущего, вижу, пластиковая карточка отсекает от меня дорожки. Уже ли провалиться в ужасный вой трубы-купюры? Вселенское яйцо уже наводнено гигантскими крысами. И меня в ту же брюшную слизь сумчатой суки?! В тот день исчисление начинается в другую сторону — ты, появившись мертвым сгустком праха, отсырел в гниение, засох костью, дряблой кожей старика. Потом помолодеешь до безобразия, зарастешь волосами и вновь облысеешь перед смертью — исчезновением в лоне костлявой старухи с обсидиановой косой Тескатилопки и его же дымчатым зеркалом в анальном проходе, где отражается каждая проглоченная ею душа. Изрусланиться мне в тебя, Илюшенька, надобно. За покрытые расстояния подковал я себя золотом и плотью окрылил. Но смотрят все на меня, смотрят, а глаза с зубами вместо ресниц и глоткой вместо зрачка — каждый взгляд по кусочку отщипывает. Попроси, Илюшенька, Боженек за меня. Они, я знаю, добрые до слизи. Попроси, чтобы душеньку израстили в печах доменных, выкристаллизовали изшайморданнено и в конец. Сверни ее свежую трубочкой в тот же день и прикури. А я изменюсь, Илюшенька, я уже не тот, но в половину обещаю. Сделай, голубчик, молю тебя за Презирэфа, за Хурмангалу, что стоит со своей Книгой Жизненных Пар за твоей сухопарой спиной. Чувствуешь ее южно-американское дыхание соуса табаско, воробьями оседающее на твоих яичках? А я буду хорош как тогда, до того как стал плох, издав первый крик начавшего биться сердца. Облегчившись душой, своей нитью свяжу живых и мертвых моею волей. Зажгу алтари про тебя и сам же на

них изжарюсь в срок. Но не раскрутить мне шарик вспять, чтобы ухватить тебя за хвост отбрасываемой тени и затолкать самому твое же в глотку. Помоги мне! Спеши! Нет! Не! Так! Быстро! Крышка картонной коробки закрывается, я слышу это, очень быстро!!! Я сижу в коробке, которая находится внутри коробки, которая находится внутри коробки, которая находится внутри коробки, которая находится внутри коробки, которая находится внутри коробки, которая находится внутри коробки, которая находится в хищной пасти Звездного Глаза Презирэфа.

Ты не изменишь сути изрусланившись и обезшайморгданившись, как товар внутри вещественной натуры вселенского товара глаголю тебе я. Коль в роли Фауста мне не преуспеть, я объегорю тебя, дав обещание протянутся за линию зазубренного пилою горизонта. Я обману тебя, не предав. Мои ангелы трубят уж больно утробно — слышишь шелест? Это их крылья сметают за край земли твой белоснежный прах. Мои рамсы спутаны в узел с парами Хурмангалы. Лишь ей судить, почему ты уже мертв, а я так и не родился. Я Презирэф, царствующий в свое отсутствие. Я только там, где меня нет. Как ты не понял, что Великая Говорящая Гора и есть то мое, от чего ты не в силах оторваться? Я пуст и извилист, как раковина моллюска, во мне шумит время — твое время — но, ты слишком поздно приложился слуховым отростком. Спрячь его! Глупец. Мои глаза смотрят внутрь черепа — там начинается бездна, тебе не удержаться на краю, не любоваться струйкой своей мочи, распадающейся на бесполезные янтарные капельки, парящие в вакууме моей бездушности. Тебе не усидеть на коленях Богов, ласкающих острыми коготками твой кадык. Своим существованием я ставлю Богов на колени. Падая ниц передо мною, они забудут о тебе, раздавят в кусачую слякоть и принесут мне Красный Дар, который скормлю сумчатым крысам. Имя мне — ИБЧ. Илья Бездушное Чучело, Источник Бесперебойной Чуши, Игрушк Белоглазого Чу. Я — стена той коробки, за стеной которой стена той коробки, за стеной которой стена той коробки, за стеной которой стена той коробки, за стеной которой стена той коробки, за стеной которой стена той коробки, за стеной которой стена той коробки, за стеной которой стена той коробки, за стеной которой стена той коробки, за стеной которой стена той коробки, которая и есть моя хищная пасть, ожидающая Большого Обеда, ибо я бельмо на всевидящем Звездном Глазу отсутствующего Презирэфа.

12. Перемирие

...я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим. А отец сказал рабам своим: ... станем есть и веселиться! ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся. И начали веселиться

Притча о блудном сыне [Лк. 15: 11–32]

Проснувшись, Друзилкин обнаружил, что уснул прямо за письменным столом, не выпустив ручки из пальцев. Голова во время сна лежала на рукописи, и теперь в некоторых местах чернила поплыли от подтеков Гешиной слюны. Не помня, ни о чем он писал, ни во сколько отрубился, Друзилкин с внутренним трепетом принялся за чтение. Чтобы осилить несколько страничек собственноручного почерка, Геше понадобилось больше получаса. Строки налезали друг на друга, буквы скакали, сплющивались, извивались и распадались на составные палочки, черточки и закорючки. Сам текст оказался не слаще редьки, и выудить в

нем хоть какое-то рациональное зерно не удавалось. Продолжение истории про Пузынцева таковым не являлось вовсе. Получилось что-то до такой степени пафосно-мистически-эпечиско-бредовое, что Друзилкин чуть сам не выпрыгнул из окна, вслед за «Рубином», выброшенным несколько дней назад. Последняя надежда не оправдалась, предавшись мрачному спокойствию, признал Геша, и крепко задумался. Попранное убеждение, что в состоянии наркотического опьянения шедевров не пишут, восстановилось. Проклятый телевизор и дурацкая трава сожрали весь бюджет. Про работу из-за творческих переживаний Геша забыл и прогулял целую неделю, что равноценно увольнению по собственному желанию, без выходного пособия. В разбитое окно задувает не такой уж теплый и совсем не ласковый ветерок. Вот уже пять дней не получается написать ни одной толковой строчки. Друзилкин пожалел, что не воспользовался состоянием аффекта и не убил себя каким-нибудь быстрым и надежным способом. Что же делать? Для суицида момент упущен, да кишка тонка. Ограбить банк? Да уж, напугав инкассаторов до обморочного состояния шариковой ручкой. Пойти на улицу побираться? Нет уж, лучше с голоду сдохнуть...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Лёня Пузырьков, свесив ноги, сидел на верхнем ярусе двухэтажной койки в общежитии, пил вкусное дешевое пиво из горлышка и читал свежий выпуск мужского журнала «За уём». За дверью послышался какой-то шорох, деликатное покашливание и поскребывание, которое с определенной натяжкой можно было принять за постукивание. Лёня насторожился, в общежитии стучать в дверь принято не было, все желающие заходили запросто и без приглашения, пинком открывая любую дверь. После небольшой паузы постукивание возобновилось. Отвлекаясь от своего занятия, Лёня не заметил, как пивная пена в теплой бутылке поднялась. Пузырящаяся шампунем плюха сочно шмякнулась на разворот журнала.

— Черт! — ругнулся Пузырьков, ладонью смахивая мокроту с потерявшего приятную глянцево-обнаженного бюста девушки номера. — Да кто там скребется, мать вашу так?

— Привет, — дверь со скрипом приотворилась, впуская сморщенную в мученической улыбке физиономию Друзилкина.

— А, какие люди, — проворчал Пузырьков. — Нас удостоил своим вниманием гений эпохи экзистенциализма духовного величия России.

— Не издевайся, пожалуйста, — смиренно проговорил Геша и, почему-то на цыпочках, прокрался к Лёне и положил поверх раскрытого журнала две рукописные главы. — Вот.

— Что вот? — Лёня повнимательнее присмотрелся к Геше — розовые ввалившиеся глаза, затравленный взгляд, левое веко нервно подергивается, грязные взъерошенные волосы, ногти на руках сгрызены чуть не под корень, искусанные в кровь губы, плечи безвольно опущены, рубашка надета изнанкой наружу, шнурки на пыльных ботинках развязаны. Да, подумал про себя Пузырьков, над ним действительно лучше не издеваться, а то, неровен час, дуба врежет.

— Лёнь, ну, это, ты знаешь... — Геша замялся, не решаясь посмотреть в глаза друга.

— Что, не спится без батьки? — добродушно усмехнулся Пузырьков. Друзилкин наконец смог оторвать взгляд от носков своих ботинок. Он заглянул в искрящиеся озорными солнечными зайчиками глаза Лёни и увидел там то, на что и надеяться не мог. Дружище, говорила радужка цвета маринованного огурца с темными листиками лаврушки, повалил дурака, да и ладно. Сколько раз ты напивался в хлам, а я тащил тебя, блюющего и сопротивляющегося, до койки. Сколько раз бывало наоборот. Сколько девок не дали нам обоим. Сколько драни ты написал, а я раскритиковал. У меня же, чертов ты сукин сын,

никого дороже тебя нет. Так что, кто плохое вспомнит, тому глаз долой.

— Не спится, Лёничка, не спится, — не веря своему счастью, Геша порывисто стащил Пузырькова с верхней койки, беспощадно разбрызгивая пиво налево и направо, и сжал в крепких объятьях.

— Но-но, нечего мне тут голубятню устраивать, — шутливо заворчал Лёня, дружески похлопывая Гешу по плечам. — Давай посмотрим, что за спам ты притащил. Нужно же дальше нетленку давить!

13. Муки совместного творчества ч.3

Поет соловей —

Заливается, разевая

Маленький клювик.

Зато пиписка большая.

Бусон + В. Белобров и О. Попов «Палка с резиновой нахлобучкой»

— Я пару глав без тебя написал. Одна скорее экспериментальная... Ну, тема такая пошла, настроение, что ли. В таком виде, конечно, она не пойдет, но кое-что, большую часть, можно будет использовать, — Геша оживал на глазах, заново покрываясь налетом собственной самодовольной культовости.

— Фига себе экспериментальная! — Лёня, дочитав принесенные Гешей главы, присвистнул. — Где ты, Гешенька, травы такой забористой достал? Нет, я тебе определенно завидую.

— Проехали, — Друзилкин зарделся стыдливым румянцем. — Что про первую, не экспериментальную главу скажешь?

— Неплохо, только... — Пузырьков задумался, как бы неосторожной формулировкой не ранить чуткую натуру друга. — Тебе не кажется, что ты уж больно злоупотребляешь штампами? Душа не по адресу, слепой старик-прорицатель — как-то клишеватно выходит. От мата Шаймордановского так аж глаза щиплет.

— Комментарии по поводу ругани Руслана не принимаются. Таков он есть и таким его образ, максимально приближенный к реальности, останется. Клише и штампы, говоришь? — Геша хитро ухмыльнулся. — Обоснуй. Приведи хоть один пример книги или фильма, где один человек рождается с двумя душами и семимильными шагами несется на встречу своей Фата Моргане, а другой, оставшись без души, тихо и незаметно гниет живым бревном.

— Точно такого же не припоминаю, — с минуту поразмышляв, признался Лёня. — Но страшного вида старик или старуха, предупреждающая героя о проклятии и пророчащая Бог весть что — это было миллион раз, начиная с древних греков. Геша, ты только не обижайся, но какой-то попсятиной сюжетец с душами отдает.

— Хорошо, Лёня, спорить с тобой не буду, — хоть чему-то за прошедшую неделю Друзилкин научился, — предложи свой вариант. Если он будет лучше и оригинальней, примем его — не вопрос.

— Начало с рестораном, смывшейся Валец Петуховой и побитыми Сяплец и Шаймордановым можно оставить. А дальше... К примеру... — Пузырьков задумчиво прикусил губу и нашарил под кроватью две бутылки пива — одну открыл сам, вторую

протянул Геше. — К примеру, Руслан обижается на Петухову, что та его не дождалась, решает отомстить. Но не путем физической расправы, а по мелкому, так как ее любит. Шайморданов снимает на вокзале шалаву с апартаментами. Идет к ней, стаскивает штаны, чтоб шлюшка его орально приласкала. Шлюха от вида обнаженного достоинства Шайморданова дико орет, бьется в истерике, пытается убежать. Шайморданов, видя такой гнилой разгул событий, бьет проститутку в бубен. Бабец с копыт, теряет сознание. Руслан в панике подсаживается на измену, думает, что замочил человека — впервые своими собственными руками. Чтобы избежать зоны, он решает бежать, но боится, что кто-нибудь его заметит и потом опознает. Сам Руслан небольшого роста, плечи довольно узкие для мужика, ну ты помнишь, как он выглядит, вот и приходит к нему счастливая мысль — устроить маскарад, претвориться той самой шлюхой, которую он «убил». Шайморданов идет в ванную комнату, находит бритвенный станок, выламывает из него лезвие. Этим лезвием Руслан аккуратно обводит лицо шлюхи по контуру и снимает, как маску. Потом, таким же образом, снимает скальп. Сняв, обнаруживает, что на проститутке был парик. Это типа юмор такой черный. Руслан надевает на себя срезанное лицо, парик, женское белье, в которое подкладывает всякое тряпье и гигиенические прокладки — для соответствия форм груди и жопы. Вдруг шалава приходит в себя, из-за шока не чувствует боли. Вместо лица — кусок кровоточащего мяса с пронзительными голубыми глазами. Шалава видит перед собой саму себя — Руслана с ее лицом, в ее парике и одежде. Девка от этого карнавала, полученных травм и нервного стресса, с которым связана ее каждодневная работа, сходит с ума. Она пускает слюни и орет «Два члена! У дьявола два члена! Берегись! У дьявола два члена! Одним он насилует тело, вторым — душу!». Руслан, думавший, что освежевал мертвое тело, в шоке, но, тем не менее, быстро сваливает. Проститутка умирает от потери крови, не приходя в сознание. Придя домой, Руслан срывает с себя чужую кожу и шмотье, опрометью бросается в ванную. Намыливая и растирая себя мочалкой, Руслан вдруг с ужасом замечает, что у него в промежности болтаются два члена — один старый знакомый, а второй новенький, невесть откуда взявшийся. Шайморданов вспоминает предсмертный бред шлюхи и в полном ауте сползает по кафельной стенке в ванну. Он пытается представить, как такое раздвоение личности воспримет Валя. Потом, немного придя в себя, проверяет вручную дееспособность новоявленного органа. Член работает превосходно. Шайморданов отбрасывает сомнения и приглашает Петухову на романтическое свидание. После бурной ночи Валя светится от счастья. Анальный и вагинальный оргазмы, полученные одновременно, говорит она, это то, ради чего стоит жить и не жалко умереть. Сам Шайморданов молчит, потому что на этом свете нет слов, которыми можно было бы описать то невероятное блаженство, которое он испытал. Дальше все идет хорошо, лучше не бывает. Империя Шайморданова крепнет, так как ею управляет мужчина уже не с одной, а с двумя парами крепких яичек. Это продолжается до тех пор, пока во время празднования своего дня рождения в Макдоналдсе ужратый в ноль Пузнецов не обнажается в попытке изнасиловать кассиршу. Изумленным посетителям и рабочему персоналу открываются во всем своем великолепии целая гроздь аж из трех Пузнецовских членов. Охрана в шоке, поэтому Огузкин успевает увести Илью раньше, чем его порвут на куски. Новость о трех членах Пузнецова воздушно-капельным путем распространяется по району и достигает ушей Шайморданова. Первая реакция Руслана — убить гада, который с такой мощной мужской базой может составить ему конкуренцию. Вторая — выяснить, каким образом дебил смог утроить свое достоинство, а уж потом убить. Сам Пузнецов о своей трехчленности ничего с

похмелья не помнит, и поэтому очень туго въезжает в смысл слов Шайморданова. Как тебе такой сюжетный зигзаг?

— За динамичность и изобретательность пять баллов, — искренне похвалил Друзилкин. — Но есть целый ряд различных но. Во-первых, в целом вся эта, прости за каламбур, хуевая история, смахивает на чернушный бред шестнадцатилетнего подростка, страдающего спермотоксикозом и перечитавшего книжек дяди Вовы Сорокина. Во-вторых, фокус со срезанием лица уже не нов. Вспомни хотя бы «Молчание ягнят». В-третьих, на какие шиши Шайморданов снял шляху, если начало с рестораном, где его отпинали и обобрали осталось? В-четвертых, каким образом все это связано с придуманным тобою же ЖЭТЭБЭКАСДом? В-пятых, готов поспорить, ты и сам понятия не имеешь, чем это уравнение с квадратными троечленами может разрешиться. Согласно твоей фабуле, одним членом дьявол обрабатывает тело, вторым — душу, а третьим что? Если по какому-либо пункту я не прав, можешь оспорить.

— Мозги он третьим членом трахает! Да ну тебя в жопу. Всю малину обосрал, — Пузырьков притворился обиженным. — Это ты у нас культовый писатель, сам и сочиняй, раз тебе мои предложения не в жилу.

— У меня два предложения: оставить мой вариант с душами и прочей мутотой — в качестве рабочего, если появятся мысли, потом подкорректируем, — не показывая вида, что рад маленькой одержанной победе, сказал Геша, — и продолжить совместное творчество. Это не я культовый писатель, а мы с тобой, дружище, культовые соавторы. Мое мастерство, стиль и талант, плюс твоя неумная нерастраченная сексуальная энергия и юношеский максимализм — вот залог настоящего убойного хита.

— Принимается по всем пунктам! Сбрызнем это дело и по Росинантам! — Пузырьков вытянул из-под кровати непочатый ящик вкусного теплого пива и друзья, радостно рассмеявшись, ударили по рукам.

14. Исполнитель желаний

Эта улица называется Бульваром Исполнения Желаний. Почему он так решил? Потому что снег здесь слаще, чем на площади. В рождественскую ночь он каждый год выходит из дому и пробует снег.

Т. Калининкова «Бульвар Исполнения Желаний»

— Я сейчас за сигаретозаменителем сгоняю и вернусь, — поднимаясь из-за стола, сказал Шайморданов, — а ты пока прикинь, чего бы твоей душеньке угодно было, случись она у тебя.

Руслан ушел, а Илья остался размышлять. Желаний у него и впрямь было не много, но даже та горсть, которую он все же наскреб по сусекам своего бездушного сознания, показалась сомнительной. Желания ли это? Стоит ли менять волшебный билет Шаймордановского обещания исполнить любой каприз на бутылку холодного пива и гамбургер? Конечно, можно попросить денег, но на что их тратить? На пиво и хавчик? Даже похмельный Пузднецов понимал нерациональность такого использования шанса, выпадающего раз в жизни, а то и реже. Неумение Илья обдумывать за раз более одной мысли помогало ему хотя бы тем, что он не задумывался, чем придется отплатить за щедрость Шайморданова. Но даже в таких, приближенных к идеалу, условиях, в голову Пузднецова

ничего путного не лезло. Мучительные попытки вырваться за рамки блуждания в двух соснах (пиво и гамбургер), вызвали лишь мигрень и раздражение. Илья даже подумал послать Руслана куда подальше с его чертовым предложением, но тут же едва не обделался от собственной храбрости. Прошло около получаса, вернулся Руслан с дымящейся вонючкой в зубах.

— Ну что, надумал? — спросил Руслан, выставляя на стол запотевшую бутылку пива и бумажный пакет с большой желтой буквой «М». — Это тебе позавтракать и голову поправить. После чая должно мягко лечь.

— Бля! — с отчаяньем разглядывая принесенные Шаймордановым дары цивилизации, Илья понял, что его загнали в тупик. Но на вопросительно изогнувшуюся бровь Руслана торопливо поправился: — Большое это... спасибо.

— Не за что, — суровое крохотное лицо Руслана излучало внимательное благодушие. — Давай, жри, и перейдем к делу.

Илья покорно зашуршал бумагой, задвигал челюстями и забулькал пивом. Но удовольствия от этого занятия, ранее считающегося любимым, не испытал никакого. Ему казалось, будто во рту не свежий, еще теплый, гамбургер, таящий на языке, а изрядный комок ваты. Пиво так же показалось абсолютно безвкусным, жидким и плохо впитывающимся в ватную закуску. Тем не менее, чудом не подавившись и не вернув завтрак в бумажный пакетик, Пузднецов под внимательным наблюдением Шайморданова, послушно утрамбовал все принесенное в свою измученную утробу. И даже умело симитировал благодарную сытую отрыжку.

— Думаю, что времени на припоминание своей заветной мечты у тебя было достаточно, — Руслан, не показывая отвращения, смахнул пустую бутылку и оберточные бумажки на пол. — Я весь внимание. Только смотри у меня, сученок, вздумаешь борзеть, я тебе душу твою сраную в жопу штангенциркулем затолкаю и свинцом расплавленным запечатаю, чтоб назад не вылезла. Так что не вздумай со мной играть. После этих слов, на лицо Руслана вернулось спокойное выражение умеренного любопытства, более приличествующее тетечке, доставшей блокнотик и готовящейся выслушать и записать тысяча первый рецепт «особого воздушного омлета», выдуманный старшей подругой.

— О, да... я и сам... конечно, — пока губы Ильи шевелились, перед выпученными глазами в течение трех с половиной секунд промелькнула подборка видеосюжетов, собранных под заглавным титром «Это была твоя жизнь» с припиской мелким шрифтом «Деньги за приобретенные билеты возвращаются только в случае отмены сеанса. Приятного просмотра». Не смотря на небольшую продолжительность, видеоряд утомлял своей пустотой и отсутствием содержания. Единственным ярким (как бурый инвентарный номер на сером бетонном столбе) пятном оказался коротенький момент: Пузднецов, ученик восьмого класса, при помощи канцелярской скрепки взломал секретер своих родителей, где обнаружили клад — видеокассету с чрезвычайно редкой (в отличие от немецкой) французской порно записью. Такого Ильи не видел ни до, ни после: худенькие девушки с изящно узкими бедрами и почти отсутствующими грудями — никакого силикона, пристального взглядывание в камеру и в помине нет, мужчины в презервативах — ни намек на стальные мускулы, члены не длиннее его собственного. Чарующие звуки французской речи, никаких «Я-я! Дас ист фантастиш», одна лишь сладость невероятная. Все, начиная от минета и кончая групповым сексом, готовящимся по рецепту 5 девушек + 2 мужчины + козочка + шампанское, имитаторы и смазки без счета, выглядело настолько красиво и

естественно, что Илья засомневался, постановочный ли фильм он смотрит. Больше всего зрелище походило на группу людей, знающих толк в удовольствии и отрывающихся на всю катушку, которых заняли на пленку бесцеремонные вуайеристы. Илья представил себя на месте папарацци, которого от рая отделяет лишь дверь, замочную скважину которой он заткнул беспристрастным глазком видеокамеры. Такого яростного, агрессивного и обессиливающего оргазма Пузднецов не испытывал никогда. В паху Ильи огненным комом слиплись гениталии, белье и брюки. Сладострастный момент был испорчен непредвиденным возвращением отца. Не зная, куда броситься — менять штаны или прятать кассету, Пузднецов младший предстал перед удивленным взглядом отца в очень странном виде. Голый по пояс (снизу), брюки перекинута через плечо, из кармана торчит краешек трусов с набрякшей крупной жемчужной каплей. Правая рука держит черный корпус видеокассеты, левая пытается затолкать в него шоколадную бороду зажеванной пленки, тянущееся от новенькой видеодвойки, чья передняя панель выломана и валяется на полу.

— Бабу хочу, французскую, — едва ли понимая, что говорит вслух, прохрипел Пузднецов под действием нахлынувших воспоминаний.

— Молодец, хороший выбор, — одобрил Шайморданов. — И пообещайся и кругозор расширишь.

Илья, вот уже в который раз за это утро, не поверил своим ушам. И это вполне естественно — просто он не знал и не мог знать одного факта из личной жизни Руслана. Дело в том, что обзаведясь таким чудом техники, как персональный компьютер, и подключив его ко Всемирной Паутине, Шайморданов, наряду с богатством сетевых порно ресурсов, обнаружил возможность общения с людьми, находящимися в самых отдаленных уголках земного шара. Одной из первых заграничных подруг Шайморданова по переписке стала молодая парижанка Женевьева Беструссо. В графе ее интересов значились: творчество классиков русской литературы, бисексуальность и секс, холодное и огнестрельное оружие, вторая мировая война, фильмы про мафию, биатлон. Разумеется, общение таких незаурядных людей, как Женевьева и Руслан, стало приятным и увлекательным для обеих сторон. Руслан обучал девушку обратной стороне языка великих российских классиков, делился собственным опытом в установлении диктатуры в замкнутых и не очень слоях общества и бахвалился своими победами на сексуальном фронте. Женевьева искренне восхищалась отчаянным русским, в свою очередь, развлекая историями своего парижского существования. Запретных тем для молодых людей не было, скучать друг другу они не давали, поэтому вполне закономерно, что в один прекрасный день возникла мысль встретиться и пообщаться в живую. На вопрос, кто к кому в гости поедет, Руслан, не задумываясь, ответил «лучше уж вы к нам», так как знал простую истину — короля делает свита. Чем он будет хлестаться и блистать на чужбине? А в своем болоте, где и жабы помогают, Шайморданов даже Алена Делона в лучшие для актера времена за пояс заткнул бы. Женевьева спорить не стала, лишь по чопорной европейской привычке спросила, когда Руслану будет удобнее всего ее принять. Шайморданов хотел ответить, что готов ее встретить и разместить в своих стилизованных под шатер апартаментах хоть завтра, но не успел. В его жизнь ураганом ворвалась Валя Петухова, вытеснив из головы все мысли не только о знойной (судя по письмам на ломанном и местами матерном русском языке) француженке, но и обо всех женщинах в принципе. Сейчас же, услышав желание Пузднецова, Шайморданов сразу вспомнил о Женевьеве и о том, что она рассказала ему, описывая французские нравы: «Друг моего друга — мой друг. Съекс с другом —

проявление вежливости и доброжелательности».

— Ладно, организация твоей свиданки пару дней у меня займет, так что пойду, не буду терять времени, — Руслан похлопал Илью по плечу. — А ты пока морально готовься, залупу полируй, чтоб перед Европой в грязь ебальничком не унавозиться.

Спустя час после ухода Шайморданова Пузднецов все так же сидел за кухонным столом и бессмысленно моргал. Привидится же такое, сказал он сам себе, пошатываясь добрел до кровати и завалился спать до конца дня. На следующее утро визит Шайморданова казался Илье не более реальным, чем «воспоминания» о шлепанье кассирши в Макдоналдсе. Что ж на месте Пузднецова всякий скорее признал бы себя великим сновидцем, чем сумасшедшим. Еще через день Илья напрочь забыл и о кассирше, и о Руслане, грезя холодным пивом и гамбургерами. Поэтому появление на пороге улыбающегося в тридцать два зуба Шайморданова, держащего под ручку молодую особу экзотической внешности, буквально свалило Илью с ног. Мне хана, зачем-то подумал Пузднецов, и потерял сознание.

15. Увидеть Париж и умереть

Месье, же не манж па сис жур

И.Ильф, Е.Петров «Двенадцать стульев»

— Мать на днях зарплату получит, а сейчас у меня... — машинально забубнил Илья — первым, что он увидел, придя в себя, была раскосая улыбающийся физиономия Шайморданова.

— Это — мой друг, И-лю-ша Пи-здне-цов, — громко и отчетливо сказал Руслан и украдкой пнул Пузднецова, заставляя заткнуться про мать и ее зарплату. Илья скосил глаза, чтобы увидеть, с кем общается Шайморданов. Оказалось, что девушка, появившаяся вместе с Русланом, Пузднецову не примерещилась.

— Ви-дишь, мон шер ами И-лю-ша сра-жен тво-ей кра-со-той на по-вал, — произнес по слогам Шайморданов. Смуглая особа с оливковой кожей, внушительных размеров носом, иссиня-черными волосами и такими же глазами, внимательно вслушалась в слова Руслана, секунду поразмышляла, очевидно, переводя предложение на другой язык, расцвела улыбкой, обнажив сахарный оскал в проволочной сетке корректирующих прикус скоб, и заговорила: — Ильюша! Жо ма пель Жене Беструссо. Девушка протянула Илье руку — в знак приветствия и чтобы помочь встать на ноги.

Как — без трусов?! Чьей жене? — мысленно всполошился Пузднецов — хоть он и лежал на полу, салатового цвета брючки, в которые была облачена девушка, не позволяли убедиться в правдивости высказывания. Не зная, что делать, Илья ухватился за протянутую руку и тут же с беспощадной четкостью вспомнил о своем желании, исполнить которое обещался Шайморданов. У-у-у! — бешеной сукой взвыл Илья (опять же про себя) — Все перепутал! Я трахнуть француженку хотел, а не жениться на ней. А теперь что? Теперь все — Руслан притащил эту Жомапель. Она мне с порога — руку и типа сердце, я, говорит, твоя жена и уже без трусов, то есть готова. Может, я ее как-нибудь это... Нет, Шайморданов меня убьет. Придется на ней жениться. Или гомиком притвориться? А что? Но Руслан же...

— Здравствуйте, Жомапель, — не успев додумать план побега, бледнея и покачиваясь под пристальным наблюдением Руслана, пробормотал Илья, — очень это... красивое имя. Очень приятно и... все такое.

— Жене, оставляю тебя с Илюшей, а сам пойду, ужин и культурную программу на вечер организую — как-никак человек первый раз в России, — Шайморданов чмокнул девушку в щечку, пожал Пузднецову мягкую едва теплую, как десятиминутный чебурек, руку и исчез за хлипкой дверью. Признаться, он и сам был удивлен экзотической внешностью Женеьевы. Заметив это, девушка спокойно пояснила, что ее родители приехали во Францию из Марокко. А Женеьевой ее назвали в честь святой покровительницы Парижа — столицы новой родины. Как бы то ни было, рассудил Руслан, Пузднецов хотел оттрахать француженку. Жене, по ее словам, родилась и всю жизнь прожила в Париже, значит, она француженка. После того как Руслан, никогда не позволяющий себе ходить вокруг да около, заикнулся о том, что у него есть друг, чья единственная мечта в жизни — заняться любовью с француженкой — а после этого хоть в гроб, Женеьева пришла в неопиcуемый восторг. Она и не думала, что в мире есть такие трогательно романтические натуры. Следовательно, желание Пузднецова (почти) выполнено (почти) безукоризненно, и теперь (совсем скоро) можно требовать от него забрать своего Зелибобу.

— Жомапель, ты, типа, славная это... девушка и... все такое, — Илья недоверчиво высунулся за дверь — проверить, не спрятался ли там Шайморданов. За дверью ни одного Шайморданова не оказалось. Илья, собираясь продолжить свою речь, обернулся к Жене. Девушки рядом видно не было — посмотрев туда, где она только что была, Пузднецов уперся в зеркало, демонстрирующее во всей красе его собственное отражение. Илья от неожиданности чуть снова не лишился чувств, но обошелся лишь коротким сдавленным криком — небритый, в мятой серой майке с желтыми подмышками и растянутых в коленках семейных трусах он напоминал призрака из мультика про Кентервильское приведение. Для полного сходства не доставало только гремящих при каждом шаге оков и цепей. Чувствуя смутную досаду от того, что девушка исчезла, так и не занявшись с ним сексом, Илья все же нашел в себе капельку разума порадоваться, что, значит, и женитьба ему уже не грозит. Если бы ему дали на размышления еще минут десять, Пузднецов бы успел убедить себя, что ни Шайморданова, ни девушки в его квартире не было. Но десяти минут Илье не дали.

— Ильюшенька, иди сюда! — послышалось из спальни. Эта простая фраза включила реверс в сознании Пузднецове: теперь он смутно досадовал на предстоящую женитьбу и чуточку радовался, что сможет рассказать Бодыльеву и Огузкину, как он драл француженку. Но ведь не поверят же, как пить дать, тут же расстроил сам себя Илья, и уныло поплелся в спальню.

— Ильюша! — девушка лежала на кровати, стащив обтягивающие брючки до колен. Трусов на ней действительно не было. При виде смуглого лобка, волосы на котором были пострижены замысловатым изогнутым крестиком-иксиком и выбелены до платинового цвета, Илья нервно сглотнул. Голова пошла кругом так, что аж затошнило. Илья мешком картошки плюхнулся на край кровати — ноги не держали. Женеьева залилась колокольчиковым смехом: — Ты такой смешной!

Пузднецов попытался что-то сказать, но мозг, прикипевший взглядом к иксику, отказывался формулировать даже простейшие звуки. До этого момента Женеьева не до конца верила, что секс с ней может быть для кого-то мечтой всей жизни, но, глядя на обмершего Пузднецова, пустившего густую слюну, она утвердилась в правдивости слов Руслана. Если я помогу свершиться самой главной мечте хоть одного человека в мире — жизнь прожита не зря, думала девушка, разглядывая низкий, заросший волосами до самых бровей, лоб Ильи. Двигая бедрами и коленками, Жене выбралась из брюк окончательно —

так змея сбрасывает старую кожу.

— Помогги мне, — девушка подняла ногу и протянула Илье узкую ступню, обтянутую коротким, едва достигающим до щиколотки, носочком с веселеньким узором из мультяшных котят и щеночков. Остекленевшему Пузднецову потребовалось время, чтобы понять, чего от него хотят — вид, открывающийся из-под протянутой темной ножки, отправил его в нокдаун. Взмокшими деревянными пальцами Илья потянул за носок, снова чуть опустил глаза и подавился набежавшей слюной. Солдатика Пузднецова обычно нельзя было назвать ни стойким, ни, тем более, оловянным, но сейчас служивый налился таким количеством соков, что казался просто огромным, поднимая свою скрытую под семейными трусами каску чуть ли не до подбородка Ильи. Сам Пузднецов, в отличие от своего редкоземельного корня, выглядел сморщенным и уменьшившимся в размерах.

— О! — увидев рвущийся из-под трусов колышек, Женестьева застонала. — Ильеуша! Не мучай меня!

Эти слова, произнесенные с очаровательным французским проносом, произвели в горошинке головного мозга Пузднецова короткое замыкание, приведшее, вопреки всяческим ожиданиям, к удивительному результату. Внутри щуплой сущности Ильи проснулся (или родился?) некий новый, ранее незнакомый Пузднецов. Этот Пузднецов хотел рвать клыками плоть, пить свежую кровь и иметь своих жертв в разверстые раны.

— Говорррри! — прорычал новый Илья, и ухватился зубами за носок, не желающий слезать с пятки. — По фрррранцузски говорррри!!!

Женестьева, чувствуя плотные, почти видимые невооруженным глазом волны животной энергии, исходящей от Пузднецова, периодически вскрикивая и заходясь стоном, что-то приговаривала на своем родном языке. Ее бедра сжимались в такт пульсации этих волн. Илья наконец справился с носком. Каждый длинный оливкового цвета пальчик обнажившейся ступни-лодочки украшал ноготок с изысканным педикюром — зеркальная гладь перламутрового лака с витиеватыми изгибами тонких черных листиков и цветочков. Увидев свое отражение в ноготке — огнеглазого зверя, сорвавшегося с цепи, и решившего подкрепиться носком (он все еще оставался в зубах) — Илья обезумел окончательно. Издав громкий утробный рык сродни львиному, Пузднецов приплюсовал к стонам и бормотанью Женестьева треск разрываемой ткани — одним рывком он умудрился избавиться себя от майки и трусов, превратив их в лохмотья. Девушка, чувствуя, что в пожаре страсти и сама теряет разум, рванула на себе дорожный топик, купленный на рождественской распродаже в одном из бутиков на Елисейских Полях, испортив его безвозвратно. Зверь увидел высвободившиеся упругие кулачки грудок с раскосыми сосками — каждый не меньше шоколадной медальки — пронизанными один золотым колечком с крохотным бубенчиком, второй — серебряной гантелькой. Почувствовал аромат молочного шоколада, смешанный с легким запахом корицы, исходящий от разгоряченного молодого тела. Каким-то непостижимым образом увидел на щиколотке той ноги девушки, носка с которой он снять не успел, вытатуированную цветастую бабочку и... не выдержал. Густое ядреное семя безудержно, как кровь из рассеченной артерии, хлынуло на плоский живот Женестьева, обжигая кожу и скапливаясь в ложбинке пупка. Девушка изогнулась дугой, выдала протяжный стон, и, часто дыша, как загнанная лошадь, закатила свои обсидиановые очи.

— Это все бабочка... — потерянно озираясь, бормотал Илья, закрывая срам руками. Зверь, не надолго поселившийся в нем, выплеснулся вместе с липкой струей, и теперь казалось, что Пузднецов не вполне понимает, кто он такой и где находится.

— Бьедный мальиш, — отдышавшись, улыбнулась Жене и ласково потрепала одинокую жировую складку на животе Пузднецова. — Мы тебя поставим на ноги.

Поборов вялое сопротивление, девушка скинула руки Ильи с его паха. Почувствовав, как черный шелк волос щекочет впалую грудь и дряблый живот Пузднецова, а горячее дыхание росой оседает на тестикулах, зверь снова встал в стойку. Даже не встал, а, скорее, вскочил — так резко и неожиданно, что Женева сперва чуть не подавилась, а спустя тридцать секунд — чуть не захлебнулась. Ее вынырнувшее между коленей Ильи лицо со спутанными волосами и перемазанными семенной жидкостью щеками выглядело абсолютно счастливым.

— Ты любишь козочек? — не давая Илье опомниться и снова остекленеть, сверкая озорными угольками черных глаз, Женева встала на четвереньки и повернулась к нему попкой. Расстояние от носа Пузднецова до уютных депилированных складочек, притаившихся между гладких упругих ягодиц, составляло сантиметров десять, не больше. Женюся, успел подумать Илья, прежде чем зверь снова полностью затмил его сознание.

16. Муки совместного творчества ч.4

Jedem das eine (нем. Каждому свое)

Надпись над воротами Бухенвальда

— Стоп! Стоп! Стоп! — Геша яростно и неуклюже замахал руками, сбив на пол пивную бутылку (к счастью, пустую). — Я протестую. С какой такой радости ты под Пузднецова сексапильную француженку подложил?!

— Чего это я? — Лёня устало рыгнул и потянулся за следующей бутылочкой пивка. — Ты сам придумал, что Шайморданов, ик, выполнит любое это... желание нашего много-ик-уважаемого опёздола.

— Да! — Друзилкин с неудовольствием отметил, что от ящика не осталось почти ничего, а Пузырьков пьянее, чем он сам. — Но что он пожелает отжарить француженку — это ты придумал. Я помню, как ты на первом курсе рассказывал мне историю про зажеванную пленку с французской порнушкой. Чей там папа помешал тебе до конца насладиться зрелищем, а?

— Римский, — почти не отрываясь от бутылочного горлышка пробулькал Пузырьков. — И ваще, хорош уже гнать. Я, ик, предложил, ты согласился. Сам, между прочим, имя ей придумал — Жене Беструссо, тьфу тебя, Лука Мудищев.

— Сам ты Мудищев, Баян Ширянов, — огрызнулся Друзилкин, вырывая пиво из рук друга. — Нормальное имя придумал, ты бы сам ни в жисть не допер. Но ты мне не говорил, что эта Жене такая секси будет — с пирсингом, педикюром и без трусиков. За каким хреном она Пуздятине кочерыжку мусолить начала?

— Ой, знаешь что? — Лёня, поморщившись, подавил отрыжку. — Если у тебя самого на Жене кочерыжка вздыбилась, это твои, ик, проблемы.

— Ну конечно, — Геша злобно тряхнул бутылкой и еле успел поймать ртом вытекающую пену. — Это все твой спермотоксикоз сраный! Это ты у нас маркиз Де Сад недоношенный. Нехуя из шедевра порнокомиксы лепить!

— Ни, серость, — Пузырьков пьяно улыбнулся и погрозил Друзилкину пальчиком, — это не порнография, а эротика. Там же нет всяких «он вытащил свой громадный, опутанный вздувшимися венами Х и вонзил в ее истекающую терпким нектаром П».

— Даже удивительно, что ты этого не вставил, — Геша поймал себя на мысли, что очень сложно вести разговор на повышенных тонах и при этом не забывать приложиться к бутылочке — вот почему Лёня уже нарезался, а он ни то ни се.

— Гешенька, зайч-ик-ик, — Лёня потряс бутылкой, проверяя, осталось ли в ней что-нибудь, — да не завидуй ты Пуздытине. Ему ж все равно не в кайф было.

— То есть как, не в кайф? — у Геси чуть пиво носом не пошло. — Ему и то, и это, и попкой, понимаешь — скончался весь, и не в кайф? Ты чего несешь?!

— Конечно, не в кайф, — невозмутимо подтвердил Лёня. — Чтобы от секса кайф получать, нужна эта... как ее? Ду-ша! А так просто инстинкт подзалупный выковырнулся и все. Илье все похер, души-то ты его лишил. Вот он на голом энтузиазме... тьфу, инстинкте зверском и откочевряжился. Ни тебе радости от соития, ни фило-ик-софских переживаний по поводу маленькой смерти — оргазма — ничего.

— Правда? — Геша немного успокоился, уровень адреналина понизился, алкоголь благополучно всосался в кровь и теперь шаловливо надувал сосуды. — Ну, я, это, так сразу и подумал. Я, между прочим, на самом деле, поэтому и придумал, что он без пиз... без души родился. Только давай из окончательной версии уберем это... ну, что у него член такой... уф, ну прям в подбородок шляпкой тыкается. А?

— Валяй, — добродушно согласился Пузырьков. — Напиши, что его эрегированный член проворным мизинчиком натягивал полотно трусов. А Жене представила, как этот мизинчик пощекочет ее...

— Нет! — Друзилкин попытался демонстративно заткнуть уши, но, забыв, что в руке до сих пор сжимает бутылку, пребольно стукнул себя по скуле. — Потом разберемся. Когда, ик, это... редак-ик-тировать будем.

— Ты мне знаешь что скажи? — с нетрезвой серьезностью вдруг заговорил Пузырьков. — Ты мне скажи, что дальше с этой пиздабратией делать будем. Как Хуйморданова, Пизднецова и Женю Безтрусов теперь, после «исполнения» же-желания, разрулить?

— Бабу — назад в Алжир отправим, — не задумываясь, ответил Друзилкин, — а с остальными чего-ик-нибудь запузирим.

— Какой, в жопу, Алжир! — возмутился Пузырьков. — У тебя в школе сколько было за у-устный счет? Читай по слогам — Илья на ней жениться собрался.

— Ё-мое, — Геша помрачнел. — А на фиг ему на ней жопи... жениться? Без души-то. Ты ж сам говоришь — ему даже от жарки не полегчало.

— Есть мыслишка, — Лёня попытался подмигнуть Геше, но забыл, каким именно глазом. Поэтому моргнул сразу двумя и друг подмигивания не заметил. — Только я, пожалуй, это... Сли-и-ишкам трезв, чтобы продолжать, ну, в том же духе.

— Нема базара, — кивнул Геша, чуть не свалившись на пол. — Тогда идем за, ик, пивом и прадджаем концерт по заявкам дорогих ра-а-адиослушателей.

— Са-а-агласен! — Пузырьков, пошатываясь и покачиваясь, словно стоял не на твердом полу, а в углой лодчонке или гамаке, направился к двери. — Бери мани-мани и, ик, вперед, на встречу прключениям.

— А у тебя денег что, совсем не осталось? — Друзилкин побледнел.

— Ящички с пивом на деревьях не растут. Почему то, — назидательно изрек Лёня. — Я последние гроши на предыдущий ис-ик-тратил.

— Блядь, — голова Геси безвольно упала на колени. — У меня тоже, ик, в крмане вша

на аркане.

— Действительно, блядь, — согласился ошарашенный Пузырьков.

— Но ведь талант-то в пр-проголодь држать нужно, — Геша попытался убедить в первую очередь самого себя. — Гений сытым-пьяным быть не может.

— Это ты у нас талант и гений, вот и ходи трезвым и голодным, — проворчал Лёня. — А я пойду у этого... вьетконговца недобитого с первого, ик, этажа займу до сти-ик-пендии. Он со мной и так за подшивку «Невской клубнички» не рассчи-ик-тался. Сучок лимонный. Главное удержаться, и за селедку жареную ему харю не крошить.

— Я с тобой! — пискнул Геша. — Помогу ящи-ик-чек нести и вьетнамца, если что, крош-ик-ить. А потом прдолжим, это... творить.

17. Страх и ненависть вдали от Лас-Вегаса

Я употреблял мусор во многих формах: морфий, героин, делаудид, эвкодал, пантопон, диокодид, диосан, опий, демерол, долофин, пальфиум... Все галлюциногенные наркотики почитаются священными теми кто ими пользуется — существуют Пейотовые Культы и Культы Баннистерии, Гашииные Культы и Грибные — «Священные Грибы Мексики позволяют человеку увидеть Господа» — но никто никогда не предлагал считать священным мусор.

Уильям С. Берроуз «Нагой обед»

Когда ближе к вечеру Руслан Шайморданов позвонил в дверь Пузднецовской квартиры, ему открыла благоухающая хозяйственным мылом Жене. Из одежды на ней были только рубашка Ильи, еле прикрывающая светловолосый иксик на лобке, и вафельное полотенце, закрученное тюрбаном вокруг головы.

— Как отдыхает молодежь? — нарочито бодрым тоном поинтересовался Руслан, искренне желая скрыть свое обдолбанное состояние. После встречи со слепым стариком он мучительно пытался противиться наркотикам, но обойти без них не получалось ни дня. Всякий раз, оставшись наедине с самим собой, Шайморданов с удивлением замечал то воткнутую возле локтевого сгиба иглу шприца, то марку под языком, то характерное жжение в носоглотке. Вспомнить, как в его руки попадали наркотики, и сам процесс употребления у Руслана не получалось. Соответственно, контролировать дозу он не мог никак. Прав был старик, тряся в измененном состоянии Шайморданов, так я действительно долго не протяну, время поджигает.

— Сьюпер, — Женевьева поднялась на цыпочки и чмокнула Руслана в щеку. Шайморданов слышал негромкий мелодичный звон, исходящий от груди девушки, но отнес это на счет причудливого действия белого порошка, следы которого полчаса назад смахивал со своей верхней губы.

— А где наш друг Илюша? — Руслан еле удержался от того, чтобы не броситься наутек — ему показалось, что нос Женевьевы во время поцелуя превратился в длинный слоновий хобот, оканчивающийся острым зазубренным жалом, и норовит ткнуть его в глаз. Это глюки, это глюки, это глюки — твердил про себя Шайморданов. Спасительная мантра подействовала, и хобот втянулся обратно, став довольно большим для девушки, но все же человеческим, носом.

— Он в душе, — вполне прилично владеющая русским языком, парижанка допустила

небольшую ошибку, сделав в последнем слове ударение на последний же слог. Шайморданов, для которого душа Пузднецова была больным местом, физически ощутил, как мозг в голове начинает плавиться.

— Моется, — небольшим пояснением спасла Шайморданова от разрушения мозга Жене. — Он такой... необычный.

— Ага, — только и смог сказать Руслан, снимая ботинки с осторожностью сапера, силящегося обезвредить незнакомый тип бомбы. Справившись с ботинками, Шайморданов по стеночке прополз в ванную комнату — стены вокруг него то закручивались спиралью, то оборачивались бесконечным зеркальным коридором, то просто исчезали. Дурь, какая же все-таки дурь! — мучался Руслан, ощущая, как каждая минута промедления атомным топливом сгорает в топке локомотива, на котором к нему несется смерть.

— Ну как, мечты сбываются? — учтиво поинтересовался Шайморданов, поняв, что сидящий в ванне мутант, сплошь покрытый зеленой слизью и сочащимися ядом клыками, во все стороны торчащими из головы, шеи и плеч, и есть Пузднецов.

— Не знаю. Вроде, что-то было. Точно не помню. То есть, помню, но не про себя. Как будто с кем-то другим было, и этот другой мне рассказал. А я себе представил, как это могло быть, — Пузднецов горько заплакал, с подвыванием, даже не заметив посетившего его приступа редкого красноречия и образности. Шайморданов, выслушав отчет Ильи и увернувшись от десятка выпущенных в его сторону ядовитых клыков-стрел, почувствовал себя между молотом и наковальней. С одной стороны ему невыносимо хотелось смеяться, заливаясь хохотом, гиеной ржать до слез и кишечных колик, с другой стороны было очевидно, что смеяться не над чем, и это ничто иное, как действие белой пылицы. Сев на унитазное очко, Руслан обхватил голову и заревел в голос, извергая из глаз потоки горючих слез.

— Мальтчики, вы поссорились? — на шум рыдания прибежала Женевьева. Она успела одеть свои брючки, снять с головы полотенце и собрать волосы в хвостик, чего ни Пузднецов, ни Шайморданов не заметили.

— Кто-то умьер? — продолжала допытываться девушка, чья гипертрофированная отзывчивость и чувствительность к людским горестям не позволяла ей оставаться в стороне.

— Нет, все нормально, — между всхлипываниями и воем выдавил Руслан.

— Загадочный русский душа, — пожалала плечами француженка, собираясь оставить плачущих мужчин наедине. Но, заметив, что после ее слов рыдания обоих усилились втрое, Жене решила пойти на принцип и выяснить в чем дело.

— Я ведь сначала не хотел на тебе жениться, Жомапелюшка, — рыдал Илья. — А потом захотел, а потом понял, что это не я. И тогда снова расхотел. А потом...

— Заткнись, бревно бездушное! И хватит в меня иглами своими ядовитыми стрелять! — бешено вращая глазами и выдувая носом пузыри, взревел Шайморданов. Разреветься, устроить истерику перед девчонкой (французской подданной) и самым ничтожным из ничтожеств (Пузднецовым) — такого унижения Руслан простить себе не мог. А куда деваться? Обещанная короткая жизнь закончилась, началась долгая и мучительная смерть, с ужасом осознал Шайморданов. Только надежда, что смерть не есть конец (хотя бы до наступления физического омертвения), не дала ему покорно подставить яремную вену под ядовитый клык Ильи и умереть окончательно и бесповоротно. — Это все Зелибоба ебучий виноват, погибели моей, сука, хочет! У, пиздоглоти́на хуерожа́я!

— Зельебоба? — очаровательно удивилась Жене, и Шайморданов, шмыгая носом,

поведал ей свою историю. Пожаловался, что если Зелибоба в ближайшее время не переберется в Пузднецова, то часы сочтены — и его, Руслана, и Ильи, потому что он его с собой на тот свет прихватит. А Валя Петухова, его любимая Валюша, сладким мускусным цветком чьих гениталий он не налюбовался всласть, овдовеет. Руслан и Валя, конечно, женаты не были, но Шайморданов уверенно полагал себя единственным, кому Петухова будет принадлежать всегда. А если он умрет, и какая-нибудь скотина посмеет положить на Валечку глаз или какой-нибудь другой свой поганый орган, он (Руслан) из-под земли вылезет и мерзавца мигом урезонит. О том, что Жене играет роль оплаты за добровольную помощь Ильи, Шайморданов умолчал. Не потому что хотел избежать скандала, а попросту забыл.

— Ильюшенька, бедняжка! — всплеснула руками Жене и сочувственно погладила Пузднецова по голове. Руслан мельком удивился, что десяток шипастых рогов, венчавших лоб Ильи, не причинили девушке никакого вреда. — Не пьереживай, мы обязательно вьернем тьебе Зельебобу.

— Он и не переживает, нечем ему, кроме рогов, переживать. А вот я в два микрофона переживаю, — Шайморданов задумался, действительно ли девушка поверила всему бреду, что он сказал. И это при очевидной-то его наркотической невменяемости!

— Руслан, мы обязательно что-нибудь придумаем, — Жене нежно коснулась щеки Шайморданова длинным, испещренным бурыми присосками, щупальцем, выросшем прямо из ее рта. — Вера и наука — вот что спасает чьеловечьскую душу.

— Я купил вам билеты на «Евгения Онегина» и заказал столик в «Пекине», — подпрыгивая на закрытой унитазной крышке (кто-то, обитающий в канализации, сильными толчками пытался сбросить Руслана с очка и выбраться на свежий воздух), Шайморданов достал из кармана кредитную карточку и протянул Женевьеве. — расплатитесь этим.

— А ты с нами нье пойдешь? — Жене с беспокойством выпустила из ушей по пучку склизких шевелящихся отростков, похожих на черно-зеленые водоросли.

— Внизу вас уже ждет Сяпля. Черная бэха, номер три шестерки ШАЙ — не пропустите. Встретимся сегодня в двенадцать у меня, Сяпля отвезет. Идите же, черт вас побери! Я прикрою! — с каждой секундой Руслану становилось все сложнее удерживать неведомую тварь, рвущуюся из унитаза. — Уебывайте нахуй блядь в пиздотищу!!!

Что-то в тоне Шайморданова заставило Женевьеву без дальнейших препирательств вытащить Илью за чешуйчатый хвост из ванной и поспешно покинуть санузел. Когда за парочкой захлопнулась дверь, Шайморданов медленно сосчитал до ста и рывком убрал свой зад с крышки унитаза, одновременно выхватив из-за пояса пистолет, блеснувший вороненой сталью в мандариновом свете тусклой лампочки. Ничего не произошло. Неужели показалось, давась вязкой тишиной, недоумевал Руслна. Нет уж, я ловушки жопой чую. Руслан, оставаясь на месте с пистолетом на изготовке, сделал несколько нарочито громких шагов, потом парочку потише, еще три-четыре еле слышных и замер. В ту же секунду пластиковая крышка очка откинулась, как люк на башне танка. Шесть пуль ментовского ПэЭма раскаленными пчелами впились в огромную шестипалую когтистую лапу, разнесшую унитаз в кучу фарфоровых осколков. Канализационный зверь взревел от боли и ярости, но оглушенный выстрелами Руслан этого почти не заметил. Когда пороховой дым и пыль от расколотого унитаза рассеялись, Шайморданов с мрачным удовлетворением пнул ногой отстреленную волосатую фалангу пальца, все еще сокращающуюся в лужице грязно-коричневой густой крови.

— Иди, уползай, тварь! — Руслан плюнул в развороченную трубу, пистолет бросил туда же. — И скажи спасибо. Шесть пальцев — это уродство. Зато теперь все как у людей.

Умывшись водой, вытекающей из пробитого сливного бачка, Шайморданов почувствовал, что его лоб, нос и щеки покрывает густая и жесткая, как проволока, шерсть. Это глюки, это глюки, это глюки — бормоча под нос магическую формулу и стараясь не смотреть в сторону зеркал (благо, в квартире Пузднецова их было не много), Шайморданов выскользнул на лестничную клетку. Там он превратился в каучуковый мячик диаметром восемьдесят сантиметров, упруго проскакал по ступенькам и, развив сверхзвуковую скорость, покатился в направлении собственного дома. Деревья и ограды на пути Руслана ломались как спички, люди кеглями сыпались в разные стороны, визжа и дрыгая ногами в воздухе, протараненный автобус-гармошка распался на две половинки, растерянно крутя колесами — Шайморданов не замечал ничего. В его ушах оглушительно завывал ветер, а в глазах мелькал такой калейдоскоп, что выделить из него хоть какую-то деталь было совершенно невозможно. Промчавшись сквозь весь квартал за несколько секунд, Руслан остановился возле своего подъезда, оставив на асфальте жирную черную полосу тормозного пути и едкий запах паленой резины в воздухе. Поборов головокружение, Шайморданов выпустил шесть пар членистых ножек и скорпионье жало (так, на всякий случай), прозондировал обстановку усиками-локаторами. Опасности не учуял, удовлетворенно щелкнул жвалами. Петляя зигзагами, черной молнией взлетел по отвесной стене и исчез в распахнутой форточке своей квартиры.

— Боже мой! На кого ты похож! — ахнула Валя. Она битый час дожидалась Руслана в его «юрте» и уже была готова оторвать ему голову за такое беспардонное поведение — записки не оставил, к мобильнику не подходит, где шляется — не известно. Валя уже и ванну приняла, и лобок фигурно выбрила, и кремом ароматным с ног до головы намазалась, и халатик, едва достигающий до попки, надела, а его, гада такого, все нет и нет! Но вид, в котором Руслан ввалился в квартиру, заставил Валию мигом позабыть обо всех претензиях. Куртка порвана, брюки в пыли и грязи, ботинок нет, глаза вылезают из орбит, частое дыхание с жарким свистом вырывается из рззявленного рта. — За тобой как будто черти гнались.

— Пустяки, — переведя дух и минут на десять присосавшись к водопроводному крану, словно решившись выпить из него всю воду, отмахнулся Шайморданов. После приключений, пережитых в квартире Пузднецова, он остро ощущал потребность в физической и эмоциональной разрядке. Руслан стащил с себя всю одежду, бросив ее кучей в прихожей, и не дав ошарашенной Вале сказать ни слова более (пока он хлебал воду, Петухова беспрестанно охала и ахала), достойным гепарда прыжком повалил ее на распластанную по полу медвежью шкуру. Обнаженные стройные ноги Валии обвили бедра Шайморданова, заставив Руслана издать сладострастный стон, когда его восставший посох Приапа вонзился в мягкую плоть. Легкий халатик разошелся на пышной Валиной груди. Не переставая ускорять возвратно-поступательные движения, Руслан заметил, что каждый розовый сосок смотрит на него крошечным пронзительно-голубым глазком, обрамленным золотистыми ресничками. Руслан зажмурился и тут же достиг вершины наслаждения, совершив такой мощный финальный толчок, что орущая дикой кошкой Валя отлетала в угол комнаты, больно ударившись головой о стену.

— Что-то случилось, котик? — потирая свежую шишку, спросила Валя — озабоченность снова вернулась к ней. Руслану очень хотелось сказать, что случилось до хуя

чего, и как это все расхлебывать, опять же, хуй знает, но вместо этого кротко попросил Петухову запахнуть халат.

— Тебе что, грудь моя разонравилась?! — выражение озабоченности и волнения в мановение ока испарились с лица Вали, сменившись ледяной маской, скрывающей за собой огненный шторм.

— Да. То есть, нет. Устал я что-то. Отдохнуть надо бы, — Шайморданов, стараясь не смотреть на скрипящую зубами Валу, прошел в спальню, пол которой скрывал полутораметровый слой подушек и подушечек — заменитель кровати. Спать Руслан не хотел совершенно, дурная химическая энергия переполняла его крепкие вяленые мышцы, но в голове царил полный хаос. Поэтому, до появления Женеьевы и Пузднецова, Шайморданов решил зарыться в подушки поглубже и, что называется, подумать о душе, надеясь, что до двенадцати рассудок хоть немного прояснится. Как там сказала Жене? Кажется, наука и вера спасают душу. Когда стоишь одной (одной ли?) ногой в могиле, поверить во что угодно — не проблема. Да и науку любую усвоишь в лучшем виде.

18. Муки совместного творчества ч.5

...если азиат скажет вам, что давно ждет вас к себе в гости, что он будет вам рад, мол, заходите — ни в коем случае не приходите, если вам для визита на самом деле не назначено точное время...

Ю. Звездова, статья «Секреты азиатского менталитета»

— Тебе обязательно в каждую главу втыкать секс извращенный? — Геша раздраженно дотронулся до заплывшего пухлым кровоподтеком глаза, но тут же, болезненно поморщившись, одернул пальцы. — Я вот пошел на встречу твоим замечаниям, по максимуму исключил матершину из Шаймордановских реплик.

— У тебя что, уже и на выдуманную тобою же Валу Петухову стояк с посвистом образуется? — из-за разбитого носа голос у Пузырькова стал комично гнусавым.

— Ничего у меня не образуется, — чересчур яростно соврал Друзилкин. Избавляясь в туалете от переработанного организмом пива, он не далее как час назад позволил себе весьма смело пофантазировать на тему «Жене, Валя и длинный парниковый огурец». — Просто это становится э... навязчивым. Чуть что, сразу трах-трах-трах. Если у тебя в гильфике телепередача «Играй, гормон», загляни в кабинку и сбрось лишний вес.

— По тому же рецепту, что и ты около часа назад? — Лёня невозмутимо смотрел на стремительно краснеющего Гешу своими налитыми кровью от полученного удара в нос глазами.

— Знаешь что? — зрачки Друзилкина сузились до черных точек, размером не больше макового зернышка, а руки то сжимались в кулаки, то снова разжимались. — Нравится тебе писать про всякие извращения — пиши. Только мне мозги не засирай!

— Договорились, — согласился Лёня, не до конца поняв, каким образом он засирает Гешины мозги. Новой ссоры не хотелось. Особенно после неудачной попытки «покрошить» вьетнамских студентов с первого этажа. Студентами эти экзотические люди могли считаться лишь с большой натяжкой — многим было уже хорошо за тридцать. Годами они продолжали жить в студенческом общежитии, числясь за подношения на первом или втором курсе, занимаясь де-факто торговлей на вещевых рынках и жаря по вечерам селедку. Когда Геша с

Лёней, зажимая носы в попытке спастись от мерзостной вони, постучались в дверцу, им навстречу вышел почтенный Ву Ань Туан, которого аборигены для простоты называли просто Вань. «Слышь, Вадь», — пошатываясь и сжимая нос до посинения, сказал Пузырьков, — «ты бде за «Девскую клубничку» еще полторы сотди де отдал». «Засем клубниська?» — вроде бы удивился вьетнамец, снизу вверх глядя на друзей сквозь узкие щелочки своих глазок. «Дедыги давай», — Лёня пошел в наступление. «Засем деньги?» — продолжал любопытствовать Ву Ань. «Де твое свидячье дело», — Геша подпер дверной косяк плечом. «Засем так гавались?» — Ву Ань укоризненно цокнул языком и покачал головой. «Од что, издевается?» — Геша покосился на Лёню. «Ага», — подтвердил Пузырьков, — «дуракоб прикидывается». «Божет, по тыкве его узкоглазой стукдуть, чтоб пабять вердулась?», — предложил Геша. «Божно и стукдуть, до я по природе своей дипломат», — замялся Лёня. «Засем присла?» — напомнил о себе Ву Ань — Гешино плечо мешало ему закрыть дверь и вернуться к прерванному ужину. «Ты чё, бакака, рабсы попутал?!» — нашелся Друзилкин и поднес свободную от зажимания носа руку к самому носу вьетнамца, предварительно сжав ее кулак. Вся следующая секунда выдалась настолько богатой событиями, что даже удивительно, как она не лопнула по швам. Имеющий пятнадцатилетний стаж общения с борзыми одиночками, втирающими за крышу, Ву Ань короткой подсечкой уронил обоих друзей на пол, заставив отпустить затекшие носы. Приподнял за волосы их головы и столкнул удивленными лицами. Лёнин нос с неприятным хрустом врезался под левый Гешин глаз. Затем Ву Ань кротко кивнул, пропищал «досьвиданя» и исчез в своей комнате, захлопнув дверь перед поверженными агрессорами. На этом секунда закончилась, а Друзилкин с Пузырьков остались валяться под дверью, жалобно скуля, держась за ушибленные места, с отвращением вдыхая тошнотворный запах. «Убью суку! Дверь вышибу и убью!» — Геша с трудом встал на ноги. «Не надо», — слабо простонал Лёня, — «я вспомнил — «Невскую клубничку» у меня не Вань взял, а Бань» «Драть тебя в сраку, склеротик долбаный», — справедливо возмутился Геша. — «Пошли твоего Баня тискать». «А хрен их тут не перепутаешь, когда все будто из одного яйца вылупились», — ворчливо защищался Лёня по дороге к комнатухе, которую занимал Чан Нгок Бинь, он же Бань. В отличии от Ваня, Бань и вовсе дверь не открыл, попискивая «нет, дёма» в ответ на все угрозы друзей. В результате Геша и Лёня вернулись восвояси побитыми, злыми, без денег и пива. «Ничего», — успокаивал Лёня сам себя и Гешу в придачу, — «я знаю точку на рынке, где эта тварь джинсами торгует. Мы с ним еще потолкуем, у кого есть кто дома, а у кого нет». «Если совсем в плинтус упрется, хоть джинсов у него возьми», — посоветовал Геша, вспоминая, сколько раз он латал брюки, надетые на нем сейчас.

— Ладно, — повторил Лёня, — может быть ты и прав, насчет секса. Чтобы не получилось однообразно, придумаю какую-нибудь фишечку.

— Да-да, придумай, — Геша обрадовался, что тема с облегчением в кабинке замялась, но вида не подал.

— Только и ты со своими наркотическими заворотами поосторожней. Очень уж я сомневаюсь, что от порошка именно такой эффект. Не хочется откровенную халтуру толкать.

— Ну почему, халтуру? — краснея, делано возмутился Геша. — Я книжки читал, фильмы смотрел...

— Тогда поехали дальше. Служенье муз не терпит... сам знаешь, ни хрена-то оно не терпит.

19. Черт с тобой

— Ну, я... Дьявол замялся. — Ну, я просто сделал это — и все. Я сказал, чтобы это произошло, — и оно произошло. Я многое делаю так. Видите ли, таким вы меня представляли, и вы сами вложили в меня эти способности.

К. Сймак «Вы сотворили нас»

«Желание, жгучее и страстное, такое, что усидеть от зуда нетерпеливого во всем существе своем никак не возможно, а промедление подобно не смерти, а само по себе именно смертью и является — разве может тут помочь вера или наука? Не есть ли это желание заветным змеем-искусителем, прогрызшим нежный родничок на голове новорожденного предка человека, забравшимся в позвоночный столб, да так и поселившимся в нем, умело прикинувшись спинным мозгом? Не оно ли заставляет человека, Божью копию, в миг проклясть и себя и космос, даже не имея смутного понимая истинных глубин ни того, ни другого? Не под действием ли страсти человек человеком быть перестает? Есть ли в человеке, лишенном желаний, хоть что-то человеческое? А что вера, что наука? И в том и в другом случае напицают тебя транквилизатором под завязочку, и лежи себе, балдей, счастливо пялясь в низкий потолок кельи или больничной палаты. Разумом можно победить соблазн, растоптать помысел греховный, ибо вина его и суть греховности ложится на тебя. Чушь! Формулой, физикой ли, химией или математикой приправить разум и утешиться бездне, бездушному вакууму, в который ведет эта дорожка, мощенная кирпичом, желтым от излияний ослабших мочевых пузырей многочисленных путешественников, выбравших этот путь и ужаснувшихся. Нет уж, снятием симптомов подменять исцеление подло и бесчестно. Куда честнее завопить во всю глотку, полоща рот рвущимися с языка словами, «Я ХОЧУ!», пообещать не убояться платы, какой бы она ни оказалась. За все приходится платить, и жадничать тут не гоже. У малодушного и мечты не парят, а ползают слепыми серыми мышатами. А крикнешь во всю мощь, чуть не извергая легкие, кто явится на зов? Уж, наверное, не архангел, не серафим в сияющей броне поверх пуха и пера многочисленных крыл. Легче представить себе, как, отбивая чечетку точеным копытцем и подчеркивая сильные доли взмахом бычьего хвоста, проступит из облака желтого дыма вечный рогоносец. Он будет вежлив и улыбчив, изыскан и учтив, всем своим видом опровергая гадкие высказывания в свой адрес. Правда, что вам до того, чем кишит народная молва? При себе непременно отыщет два экземпляра договора, каждый пункт которого отшлифован тысячами людских судеб и требованиями деловой этики. Опуская гарантийные обязательства и порядок действий в случае форс-мажора, из договора каждый с легкостью необыкновенной сумеет почерпнуть знание, что надежда его не пуста. Вот оно, протяни руку, расчеркни завитушку подписи на высококачественной бумаге, и твое желание сбудется — обязательства сторон указывают на этот факт отнюдь не двусмысленно. Все будет в лучшем виде, если цена тебе не покажется уж больно кусачей. А коли слабость приключится, дрожь в коленках, да черная дыра в желудке подсасывать начнет, то торопить никто не будет. Контрагент понимающе улыбнется, протянет свою визитную карточку, сообщит, что в любой момент готов возобновить переговоры. Многим ли цена мечты кажется завышенной? Бог весть. Но мне то чего бояться? Я и порисоваться могу, небрежно моргнув «шеф, два счетчика — гулять, так гулять». Нет, это я конечно, лишнего хватил.

Типа, у меня рак одного яичка, вот я с дурной лихостью и заявляю «хули, режьте оба!». Но сто процентов оплаты осилю играючи. Вальжно протяну, не заглядывая в предложенный контракт, «так, по чем, вы говорите? Одна душа? Хм... Беру!». Но пойдет ли черт на сделку, догадавшись, что слить лишнюю душу и есть мое главное желание? Не поймает ли меня в ловушку, отняв мою собственную душу и оставив Зелибобу? Вздор. Закон о защите прав потребителя еще действует, значит, какой душой захочу, той и расплачусь. Ведь души человечьи для беса, должно быть, все равно, что купюры — одного номинала, но с разными серийными номерами. Не уж то в аду только меня для коллекции и не хватает? Глупости. До меня и дела-то никому нет, ни в небесах, ни под землей» — Шайморданову показалось возмутительным, что кто-то рассуждает в его голове по-хозяйски от первого лица. Более того, именно эти чужие думы Руслана и разбудили, вернув из счастливого забвения в тело, погребенное под десятками подушек легчайшего пуха. Но с логикой постороннего мыслителя не согласиться Шайморданов не мог. Действительно, что может быть проще и логичнее — продать ненужное, да еще и с выгодой, когда заинтересованный покупатель имеется. «И как же мне выйти на этого покупателя?» — подал мысленный голос Руслан. Вопрос эхом прокатился по пустотам внутричерепного пространства и затих, давая понять, что ответа не последует. «Ладно, хрен с тобой, золотая рыбка, сам найду» — обозлился Руслан. Не мудрствуя лукаво, он нацарапал на пачке сигаретозаменителя проект лаконичного объявления «продам душу». Затем Руслан позвонил своему верному сподвижнику Сяпле.

— Чтоб в пять минут был у меня, — скомандовал Шайморданов, — и хакера нашего прихвати.

— А как же отморозок с бабой? — удивился Сяпля. — Ты ж велел их сразу после театра к тебе везти, а опера ихняя еще полчаса надрываться будет...

— В жопу, — коротко распорядился Руслан, и с такой силой вдавил кнопку отбоя, что по корпусу мобильного телефона, блестящему лаковым штиблетом, пошла некрасивая паутинка трещин.

— Котик, что-то случилось? — из гущи тех же подушек показалось припухшее со сна лицо Вали.

— Ничего, ребят пригласил на пару пива, — Шайморданов даже не сделал попытки придать голосу беспечный тон и изобразить уместную в таком случае улыбку. Слова не произносились, а выщепивались по буковке сквозь плотно сжатые зубы. Девушка, кое-как разлепив удлиненные стойкой тушью ресницы, сфокусировала взгляд на огромных настенных часах. Часовая стрелка, сделанная из целого слоновьего бивня, отполированного и украшенного искусной резьбой, указывала на череп сайгака с гравировкой «XI» на лбу. Минутная стрелка — витой рог нарвала с перламутровой инкрустацией — находился рядом с таким же черепом, но помеченным знаком «XII».

— Поздно уже, я спать хочу, — Валя капризно зевнула, прикрывая ротик ладошкой. Из всех знакомых Руслану девушек она одна знала секрет капризного зевка. — Давай завтра, а?

— Оденся. Через три минуты Сяпля с Крысой придут, — отрезал Шайморданов.

— Но у нас же еще целых три минуты, — Валя игриво улыбнулась затылку Руслана и ослабила узелок на поясе халатика. За месяцы, проведенные в сожительстве с Шаймордановым, Петухова хорошо усвоила, что означают полночные посиделки с ребятами на кухне. Догадывалась, почему Руслан перед этим немногословен, груб, заторможен и холоден. Кто-то опять перешел ему дорожку, решила Валя, значит, в скором времени на

совести Руслана будет одним трупом больше. Не то чтобы Валя ужасалась тому, с каким монстром она делит ложе (кроватью кучу подушек, как ни крути, назвать нельзя). Смерть посторонних людей ее никак не трогала, а мораль... да какая, к черту, мораль у семнадцатилетней пэтэушицы! По началу Петухова восторгалась той легкостью и изяществу, с которой Шайморданов абсолютно безнаказанно избавляется от тех, кто ему не по нраву. Ей нравился страх в глазах Шаймордановских шестерок, лучше всяких слов говорящий, какой властью над ними Руслан обладает. Было, с ее точки зрения, что-то безумно-романтическое, киногогероическое и страшно крутое, как в самом образе расчетливого удачливого преступника Руслана, так и в ней, как его постоянной девушке. «Я — девушка Анти-Бонда» — крутась перед зеркалом и стреляя в незримого противника из воображаемого пистолета, с упоением думала Валя. В своем девичьем дневничке Петухова выделила специальную страничку, на которой красивым почерком разноцветными чернилами выписывала имена и клички жертв своего непобедимого бойфренда. Но, как-то раз, Руслану случилось заглянуть в этот самый дневник — не из подозрительности, а чтобы почерпнуть идею, что бы такого подарить возлюбленной на день рождения. Увидев веселенький список мертвых душ, Шайморданов позеленел. «Ты что, сука?! Запалишь на хуй! ЭТО увидят — пиздец!» — в первый и единственный раз Руслан ударил Валю. Сильный своей природной искренностью, размашистый удар непобежденного дворового чемпиона по кулачным боям отшвырнул девушку. Пролетев через всю комнату, Валя тряпичной куклой упала на устланный шкурами диких зверей пол. Видя, что Петухова не шевелится, Руслан испугался, что ушиб любимую насмерть. Упав на колени возле распростертого тела Вали, Шайморданов, не видя ничего за пеленой горьких слез, бормоча извинения вперемишку с ласковыми глупостями, покрыл неподвижное бледное лицо тысячей поцелуев. Нет сомнений, что покрыл бы и второй, но не успел — крохотный девичий кулачок торпедой вспорол пространство и врезался в промежность стоящего на коленях Руслана. Тихо хрипя, тараща глаза и хватая ртом воздух, Шайморданов запоздало прикрыл гениталии лодочкой сложенных ладоней и повалился на пол рядом с Валею. «Никогда... не пиши... про меня», — в три захода выдохнул Шайморданов, когда мир боли, раскрашенный всеми цветами и оттенками красного, желтого и оранжевого, начал его понемногу отпускать. «А ты некогда больше не суй свой нос в мой дневник», — улыбнулась разбитым ртом Валя. Руслан улыбнулся в ответ. Потом они долго и страстно целовались, наслаждаясь ее сладкой кровью, по капельке текущей из ранок, которым неугомонный язык Руслана никак не давал затянуться. Не смотря на то, что конфликт в тот раз сам собой урегулировался мирным путем, в сердце Валентины завелись два голодных червячка — страх и ревность. Она вспоминала перекошенное лицо Руслана, когда он увидел страничку ее дневника. Испугался до усрачки, поняла Валя. А раз неустрашимый Руслан все же испытывает страх, значит, действительно есть чего бояться. «Запалишь» — сказал он, перед тем, как ударить Валю по лицу. Это значит, что его у меня могут отнять?! — внутренне ужасалась Петухова, подразумевая под «ним» на уровне подсознания не только Шайморданова, но и всю свою только что налаженную сладкую жизнь с исполнением каждой (почти) прихоти. Ревновала Руслана к «делу» Валя тоже не на пустом месте. Именно из-за дела он поднял не нее руку, из-за него впадал в ступор, иногда днями не обращая на Валю внимания — обдумывал очередную комбинацию. Жизнь с двумя червячками, вгрызающимися в мякоть юного сердечка, пришлась Петуховой не по душе. И решила она бороться за свое женское счастье единственно пришедшим в голову средством — своим телом, нежным как цветок, сладким

как мед. Валя надеялась ласками вытеснить из головы Руслана мысли о смертоубийствах. Вот и сейчас, развязывая поясок халатика, Петухова думала отвлечь Шайморданова от посиделок с ребятами, вывести из мерзлого состояния сосредоточенного обдумывания участи следующего недруга. Впервые она ошиблась на счет причин немногословности, грубости и отрешенности любовника, ибо задумался он вовсе не о том, как прервать чужую жизнь.

— Котик, ты знаешь, что я за три минуты успею сделать с твоим... — промурлыкала Валя, страстно дыша в ухо безучастному Руслану, продолжающему изучать пустые сайгаچی глазницы часов.

— Сейчас же не оденешься — в сортире запру, — перебил Шайморданов. Петухова, готовясь устроить скандал, уже сузила глаза до источающих ненависть щелочек и открыла рот, чтобы брякнуть неуместное «кобель!», когда в дверь позвонили условленным образом — два коротких звонка, один длинный и еще один короткий. Закрыв рот и запахнув халат, Валя молча скрылась в ванной комнате.

— Пацаны, дело на стакан конфет, — с порога начал Шайморданов.

— Каждому? — оживился Владик Сяпунов, за чьей широкой спиной компьютерный гений Виталик Калина по прозвищу Крыса скрывался полностью.

— Сторчитесь, если каждому, — Руслан вернулся в комнату и уселся на пол, сложив ноги по-турецки. Сяпля и Крыса, войдя следом, застыли над Шаймордановым соляными столпами. Руслан коротко кивнул, разрешая гостям сесть. Повисла пауза, во время которой Сяпля и Крыса успели увериться в справедливости своих дурных предчувствий — какие поручения даются на таких вечеринках они знали гораздо лучше, чем Валя. Точно так же знали, чем грозит невыполнение или неточное исполнение хоть одного из полученных заданий, поэтому сидели в напряжении, готовясь губкой впитать любое слово Шайморданова.

— Крыса, это объявление должно сегодня же быть на баннерах каждой поисковой системы, — Руслан положил перед Калиной пачку с двумя написанными карандашом словами. — Сяпля, перепишешь слова и озаботишься попаданием их в максимально возможное количество газет, радио — и телеэфиров. Тебе на все про все времени до полудня. Вопросы есть?

— А проблем с производителем сигарет не будет, если мы весь текст пачки нашару опубликуем? — осторожно поинтересовался Калина.

— Дурак ты, Крыса, хоть и гений. Два слова, которые я написал, толкать нужно, — Руслан вспомнил мудрое высказывание — если хочешь, чтобы все было сделано как надо, сделай сам — и почувствовал себя бесконечно одиноким и уставшим.

— Если это объявление, то нужно бы еще телефончик туда пиздануть, укзалку, типа звонить с семи до восьми, звать Сашу, — подсказал Сяпля, стараясь выслужить персональный «стакан конфет» — стограммовую емкость с коктейлем всевозможных запрещенных для продажи без рецепта или просто запрещенных таблеток. Руслан мысленно выругался. Как же он сам не вспомнил, что любое объявление должно содержать хоть какую-то информацию об обратном адресе. Действительно, если хочешь получить ответ, укажи хоть обезличенный номер абонентского ящика или придуманное имя с пометкой «до востребования». Захочет ли дьявол оставить ему на почте экземпляр контракта до этого самого востребования? А если указать свой настоящий адрес? Лучше уж сразу застрелиться — мало того, что психов всяких, фанатиков религиозных и извращенцев сраных притащится

туева хуча, так и знакомые засмеют — хана репутации. Может быть, дьяволу не надо сообщать адрес? Он, наверное, и сам узнает, кто его зовет. Тогда зачем такое объявление вообще нужно?

— Ладно, ребята, отбой, — кроя себя отборными словцами, проговорил Шайморданов. — Тест на лояльность вы прошли. стакан конфет завтра у Олежки Бобасина получите.

Попрощавшись с Русланом, удивленные исходом беседы Сяпля и Крыса спустились в подъезд.

— Во, бля, психолог, — Владик с уважением присвистнул.

— Ага, не хер собачий, — согласился Калина, тихо радуясь, что не придется всю ночь сидеть в фотошопе, приклеивая некрофилам и педофилам лица тех, для кого Шайморданов приготовил черную метку, или взламывать сервер ИТАРТАСа, чтобы разместить какую-нибудь провокацию, или... Да, в конце концов, полстакана конфет на халяву — поди плохо.

Как только Руслан закрыл дверь за подручными, свет в квартире коротко мигнул и погас совсем.

— Ты зачем мне свет выключил? — пропищала из ванной комнаты Валя. Она не ожидала, что Сяпля с Крысой уйдут так быстро, поэтому затеяла принятие горячей ванны с тонирующей пеной и ароматическими солями.

— Скачок напряжения. Наверное, пробки выбило, — спокойно ответил Шайморданов, уголком глаза заметив какое-то движение в комнате. Резко обернувшись, Шайморданов увидел, как к нему, покачиваясь и виляя в воздухе, приближается маленький светящийся шарик — не больше вишенки. Почти машинально Руслан провел указательным пальцем по верхней губе — посмотреть, остались ли на пальце следы белого порошка, он не успел. Не долетев до человека метра полтора, с еле слышным хлопком шарик лопнул, и серый мрак вокруг Руслана утонул в клубах желтоватого, пахнущего серой, дыма. Кашляя и тря кулаками слезящиеся глаза, Шайморданов понял, что все сделал правильно.

— При-кхе-ветствую те-кхе-кхе-бя, кхе-князь тьмы-кхе-кхе-кхе, — поздоровался Руслан. Он прекрасно знал, что вежливость в общении с теми, кто тебя наверняка сильнее, лишней не бывает.

— Привет, — на том месте, где взорвался шарик, дым сгустился, образуя человеческий силуэт. Резь в глазах немного прошла, и Руслан смог рассмотреть очертания фигуры: небольшой рост, узкие плечи, круглая как футбольный мяч голова — все это, за исключением горящих раскаленными угольками глаз гостя, казалось Шайморданову определенно знакомым.

— Я бы хотел... — неуверенно произнес Руслан и остановился, ожидая, что бес продолжит фразу за него.

— Понятное дело, еще бы ты не хотел, — без всяких эмоций в голосе сказал бес. — Все вы такие — чужой задницей свою прикрыть норовите.

Из сказанного Руслан не понял, значит ли это, что сделка не состоится, поэтому осторожно поинтересовался: — а договор у вас с собой?

— Где ж ему быть? Я без договора даже в сортир не отлучаюсь, — бес сделал несколько шагов, оказавшись лицом к лицу с Шаймордановым, протянул ему стопку листов, от которых исходило бледное голубоватое сияние. Руслан потянулся к договору, да так и застыл с протянутой рукой — в слабом свете волшебной бумаги он наконец рассмотрел бесовскую рожу.

— Ты?! — только и смог икнуть Шайморданов. Сомнений быть не могло — перед ним, держа двумя пальцами договор купли-продажи души, и сверкая огненными очами, стоял Илья Пузднецов.

— Я, — устало согласился Пузднецов. — Ненавижу приходить к старым знакомым — обязательно какие-нибудь нештатные ситуации случаются.

— Ты... — Руслан почувствовал себя точь-в-точь как в ту минуту, когда Валя заехала кулаком в его промежность, воздуха перестало хватать, в голове вспыхнуло северное сияние, даже яички заломило. — Но как?

— А ты что думал? — Пузднецов равнодушно хмыкнул. — Дьявол — это такая же работа, как любая другая. Кто-то продавцом в палатке работает, кто-то — наемным убийцей, а я — дьяволом. Обыкновенная профессия.

— Но ты...

— Да что я? Я-я, цепочка от буя! — Пузднецов начал раздражаться. — К претенденту на дьявольскую вакансию не так уж и много требований: быть тихим, незаметным, бездетным, холостым, ранее ни где не работать, иметь минимум друзей и родственников. Короче говоря, нужно быть таким, чтобы в жизни никто не подумал, что дьявол — это ты. Умственная недалекость и серость приветствуются. У меня были хорошие шансы — по всем требованиям абсолютное соответствие. А когда в отделе кадров узнали, что у меня еще и души отродясь не было, обрадовались очень, сказали, что лучшего кандидата у них с Мефистофеля не приключалось, сразу в штат взяли.

— И давно ты э... дьявол? — Руслан лихорадочно пытался сообразить, чем ему и благополучному достижению его цели грозит такой неожиданный поворот событий.

— Года два уже тружусь, — сообщил дьявол-Илья, — без нареканий. Начальство довольно.

— А... — сформулировать главный вопрос Руслану никак не удавалось.

— Забрать у тебя Зелибобу? — немного напрягшись, Пузднецов прочитал мысли Шайморданова. — Подписывай договор, и нет проблем. Как только умрешь, Зелибоба прямиком в ад направится. Стороны, таким образом, выполнят свои обязательства и договор будет закрыт.

— То есть как, когда умру? — даже в темноте можно было заметить, как щеки Руслана бледнеют до ландышевой белизны.

— Таковы условия контракта. Все по честному — если исполнить желание человека и сразу забрать у него душу, то удовольствия от исполнения человек не получит никакого — без души это невозможно. Раньше мы работали по схеме «желание-душа-смерть», но очень уж много жалоб и претензий поступало. Так что теперь только «желание-смерть-душа».

— Но ведь мое желание как раз в том и заключается, чтобы вы у меня одну из душ забрали! — Руслан запаниковал, чувствуя, что круг замыкается. — Забираете душу, пока я жив, держите где-нибудь до моей смерти, а потом хоть в жопу суете.

— Договор типовой, рассчитан на среднестатистического обывателя. А практика показывает, что у среднестатистического обывателя только одна душа. Повторяю, схема «желание-смерть-душа» непреложна.

— Черт, — ругнулся Руслан.

— Хотя, если подумать, выход есть, — солгал Пузднецов, думами себя не утруждающий никогда. — Мы исполняем твоё желание, то есть забираем Зелибобу, ты живешь себе, радуешься, умираешь, и мы забираем ТВОЮ душу в счет оплаты за выполненное желание.

Согласен?

Ответ комом застрял в глотке Шайморданова. Следуя дьявольской логике, он посылал в ад не только душу Пузднецова (на что ему было плевать), но и свою собственную.

— А если я не подпишу договор, разве не в ад моя душа направится после смерти? При моих-то лихих делах... — Руслан каждой клеточкой своей третьей шкуры чувствовал, что его пытаются обмануть самым наглым образом.

— Ад, веришь ли, тоже не резиновый. Вас таких душепродавцев знаешь сколько? Одних только желающих стать звездами кино и эстрады... Тем более, однажды попав в ад, назад не вернешься — нет у нас ни сроков, ни амнистий. Короче говоря, последние сто лет врата ада открыты только для подписавших контракт — остальные либо в рай, либо в забвение.

— Забвение?

— Ну да, забвение, небытие. Тут ты есть, был, и еще некоторое время будешь, а в небытии тебя не было, нет и не будет никогда, или всегда — в данном случае это одно и то же. В забвении вообще ничего нет. Кроме тех, что оказались вне ада и рая. Только там их тоже нет, потому что в небытии нет ничего. Кто попал в забвение становится ничем, точнее, большой кучей ничего, окруженной бесконечным ничем. Сложно объяснить, понять еще сложнее, так что просто поверь мне на слово.

Узнав за минуту, не только то, что рай и ад действительно существуют, но и получив конкретное понятие, что, не пойдя на сделку, можно избежать вечных мук и отделаться легким забвением, и по фигу, как ты жил, Шайморданов крепко задумался. Что лучше: не дать жизни оборваться на середине, а потом вечность гореть в геенне огненной, или сойти с дистанции на пол пути, отправившись кннуть в небытии? Неглупому Руслану не хотелось выбирать ни одного из двух зол — он знал, что англичане бы его в этом поддержали. Но, чтобы не выбирать один из двух вариантов, нужно придумать третий! Иначе выберут за тебя.

— А Бог сейчас кто? — оттягивая момент принятия решения, спросил Шайморданов, лихорадочно перебирая в голове всевозможные комбинации.

— Да ты его знаешь. Хотя, конечно, это секрет, но тебе я скажу на ушко, — Пузднецов навис подбородком над Шаймордановским плечом и зашептал. — Последние полгода Богом работает...

— Сколько времени требуется, чтобы затолкать вылетевшие пробки назад?! — дверь ванной комнаты взорвалась фонтаном щепок и на пороге возникла окруженная небесным сиянием Валя Петухова. Из рукавов ее халата до пола свисали белые пернатые крылья, а над головой парило золотистое кольцо нимба.

— Ва-ва-валя? — сердце Шайморданова трижды екнуло.

— Ну, мне пора, — пробормотал Пузднецов и поспешно распался на молекулы какого-то зловонного газа.

— К тебе две души пришли, а ты их обе в ад?!!! — Валя выпростала из-под крыла длинную изящную руку. Ее пальцы, оканчивающиеся не модным маникюром, а острыми как у коршуна когтями, впились в плечо Руслана.

— К тебе! Две! Души! Пришли! — отрывисто выкрикивала Валя, отчаянно тряса Шайморданова. — К тебе! Две! Души! Пришли! — Руслан ужаснулся, увидев, как нос Петуховой удлиняется, застывая желтой костью, глазные яблоки становятся сплошным зрачком, сжимаются до размеров вишневой косточки, щеки и лоб обрастают белы пухом. Она превращается в чайку-лесбиянку! — мысль пулей прошла сквозь голову Шайморданова, вынеся мозги на ближайшую стену, и он, не в силах больше сдерживаться, заорал, вкладывая

в крик силу обеих своих душ: — АААААААААААА!!!

— Просыпайся! К тебе твои друзья пришли! С ними еще какая-то сучка черножопая! — Шайморданов открыл глаза и увидел над собой лицо Вали — взволнованное, чуть бледное, но абсолютно человеческое, без всяких намеков на птичьи черты. Она тормозила его за плечо, пытаясь разбудить — на лестничной клетке топтались Пузднецов, Женестьева и сопровождающий их Сяпля.

— Приснится же такое, — пробормотал хриплым спросонок голосом Руслан, с трудом вылез из-под подушек и поплелся искать одежду, чтобы встретить гостей.

20. Научный метод

Американские ученые научным путем подтвердили гипотезу, согласно которой секс, а вернее, основной инстинкт и функция репродукции ведут к избавлению от опасных мутаций и, соответственно, вечному процветанию.

Из колонки новостей

— Ты мне скажешь, что это за сучка? — дикой кошкой шипела Валя, пока Руслан натягивал джинсы и застегивал пуговицы рубашки из китайского шелка.

— Валя, иди, прими ванну, с тонирующей пеной и ароматизированными солями, — Шайморданов грустно вздохнул и отправился встречать заждавшихся визитеров. Петухова выкрикнула сакраментальное «кобель!» и громко захлопнула за собой дверь ванной комнаты.

Шайморданов кивнул Сяпунову, давая понять, что тот на сегодня свободен, и проводил заторможенного Илью и возбужденно сверкающую черными очами Жене в глубь своих апартаментов.

— Хорошо провели время? — пытаюсь изображать радушного хозяина, Руслан пододвинул гостям по мягкому пуфику, сам же уселся на медвежью шкуру, прикрывая белесое пятно — засохший след их с Валей недавней любовной игры.

— Сьюпер, — француженка просияла улыбкой порочного ангела, Пузднецов же поморщился, как от зубной боли.

— Приятно. Очень рад, — Руслан всеми силами пытался не выказать своего нетерпенья. Ни Илья, ни Жене больше не походили на кислотных монстров, испещренных иглами и кишащих щупальцами, значит, вероятность плодотворности в поиске решения его ма-а-аленькой проблемки, существует. — Чрезвычайно польщен вашим присутствием в моем скромном жилище.

— Шыкарный бьерлога! — оглядевшись, восторженно присвистнула Женестьева. Пузднецов, которому квартира-шатер Шайморданова запомнилась только тем, что после первого и единственного ее посещения, он был избит до полусмерти, промолчал. Он бы предпочел оказаться скорее где-нибудь в сыром подземном склепе, заживо замурованным в одну из могил.

— Можете выбрать себе любую вещь — сувенир на память, — широко улыбаясь, предложил Руслан. — Все мое — ваше.

— О! Ти душка! — француженка, сразу приметившая висящий на стене раритет — двуручный прямой меч с рукоятью из кости моржового пениса, захлопала в ладоши. Но поскромничала, да еще представила себе, как повезет полутораметровый меч через границу,

и остановила свой выбор на изысканном длинном мундштуке, по странному совпадению, выточенном из той же косточки, что рукоять меча. Пузднецов же, исключительно из страха обидеть гостеприимного хозяина, подобрал первое, что попало под руку — невзрачную деревянную пепельницу.

Хороший выбор, — одобрил Шайморданов. — Из этого мундштука в двадцатых годах Сталин отравленными дротиками плевался в своих недругов, а когда недругов не осталось, перешел на трубку. А пепельница сделана из обломка крестового креста, на котором был распят святой апостол Андрей Первозванный.

Вытаращив глаза на пепельницу, будто держал в руках ядовитую змею, Илья быстро убрал артефакт в карман, даже не вытряхнув из него окурков.

— У меня для тебя тоже есть особый подарок, — налюбовавшись мундштуком и вдохнув горечь смолы истории, осевшей на его поверхности, Женевьева шустрой цапелькой пробежала в прихожую, где оставила свою сумочку, больше похожую на кошелек с длинным ремешком для ношения через плечо. Пошуршав минутку неведомым содержимым сумочки, девушка вернулась, неся в вытянутых руках желтую тряпицу. — Это жёлтый майка лидера! Надпись я сама сочинила! — пояснила Жене, протягивая Руслану хлопчатобумажный дар. Руслан благодарно улыбнулся, хоть улыбка вышла кисловатой, обнажился по пояс и тут же облачился в подарок. На груди и животе майки красовалась размашистая трехстрочная надпись:

«DON'T BE SHY
DON'T EVEN TRY
I'M THE ONLY SHY».

Дословно надпись переводилась «НЕ СТЕСНЯЙСЯ, ДАЖЕ НЕ ПЫТАЙСЯ, Я ЕДИНСТВЕННЫЙ РОБКИЙ». Что уж говорить, довольно странная надпись, особенно для майки лидера, и уж тем более для Шайморданова. Но Шайморданов юмор парижанки оценил. Дело в том, что школьной кличкой Руслана было трехбуквенное сокращение от его фамилии — Шай. Теперь его так никто не называл, но для общения в сети Руслан выбрал себе никнейм Shy — транслитерированный в латиницу аналог Шая. Именно под этим ником Руслан и познакомилась с Женевьевой. Поэтому каламбур на майке правильное было бы читать так «ДАЖЕ НЕ ПЫТАЙСЯ БЫТЬ ШАЙМОРДАНОВЫМ, ПОТОМУЧТО Я ЕДИНСТВЕННЫЙ ШАЙМОРДАНОВ».

— Спасибо, Женечка, — поблагодарил Руслан, на сей раз искренне, и влажно чмокнул девушку в смуглую щеку. На этом ритуал обмена любезностями успешно завершился, и Шайморданов, тщательно подбирая слова, перешел к делу: — Жене, ты знаешь, в какой затруднительной ситуации мы с Илюшей оказались по причине сбоя в небесной канцелярии. Не близость моей смерти меня угнетает, нет. Меня угнетает свершившаяся несправедливость. Пусть я умру во цвете лет, пусть меня запомнят молодым и здоровым, не беда. Но что будет с Илюшей? Сколько будут тянутся его серые безрадостные дни, пусть остальным они и покажутся преисполненными солнечного света? Зачем ему существовать без души? В этом нет никакого смысла. И наша обязанность, наш святой долг — вернуть ему положенное природой и Богом, вдохнуть душу в его брэнное тело. Моей решимости хватит, чтобы свернуть горы, но без твоей помощи, без содействия Ильи, я обречен на неудачу. По сути, вопрос один — что делать будем?

Для Пузднецова день выдался отнюдь не таким серым, как об этом обмолвился Руслан, но очень уж утомительным. Изнуренного сексом, утяжеленного сверхплотным ужином в

«Пекине», измученного бесконечным «Евгением Онегиным», Пузднецова прочувствованная речь Руслана добила окончательно. Чудом не свалившись с мягкого пуфика, Илья уснул, оповестив об этом мир богатырским храпом.

— Ах ты сука! — Шайморданов побагровел. — Я вокруг тебя на хромой козе фуэте кручу, а ты дрыхнешь?!

— Не надо, Шай. Ильюша устал, пусть поспит, а мы с тобой подумаем, — легким, как дуновение ветерка, жестом, Жене перехватила кулак Руслана, когда тот был всего в нескольких сантиметрах от подрагивающего в такт храпу носа Пузднецова. Шайморданов коротко рыкнул откашливающимся медведем, но с девушкой согласился — бережно взял спящего Илью на руки и перенес в спальню.

— На тебя вся надежда, Женечка, — Шайморданов подивился тому, насколько свежей и отдохнувшей выглядит молодая парижанка. И тут же с грустью подумал, что через несколько часов обнаружит себя обдолбанным в хлам. — Что ты говорила про науку и веру?

— Начнем с науки. Наука отрицает существование души, хоть и не все ученые с этим согласны. Методом отрицанья наука как бы гворьит — воньючий лапи прочь от тонких материй. Не позволяет грубым вмешательством творить духовный инженерий! — бойко тараторила Женевьева. — Околонаучный брет о взвешивании душ и плотности астрального тела — маскировка. Плохой теория, который может раскритиковать каждый турак. Мимикрия души есть абсолют, хранимый секрет мудрых! Мистики говорьят: «сделай фото души! сделай пересадку души! браль души в руки!» Ну да кто им повьерит?! Вот тут и возникает вопрос вьеры! Вьеришь ты, нет — не важно. Важно, чтобы вьера была в твоей душе.

Руслану стало очень плохо. Невыносимо захотелось обозвать Женевьеву дурой и выставить за дверь, а еще лучше — выкинуть из окна. Какого черта она лечит его теориями?! Забыла, что не в чате своем сраном сидит! В рот ей, что ли, запердолить, чтоб заткнулась? Жене мыслей читать не умела, поэтому продолжала с энтузиазмом: — Лычно я вьерю в любовь. В этом и есть моя душа. Когда я займись льбовью, не важно с кьем, в момент оргазма моя душа собирается в комок. Она становится такой, что ее можно щюпать.

— Минутку, — хоть Шайморданов и не особо вникал в суть болтовни похотливой девицы, ему показалось, что некое рациональное зерно — по крайней мере, намек на его присутствие — он уловил. — Ты говоришь, что в момент оргазма душа собирается в комок. А до этого она где находится?

— О, она растворьена во всем тьеле, — для наглядности Женевьева провела пальчиком от мочки уха до весьма соблазнительного бедра. — Но основной ее масса в голове и груди.

Шайморданов припомнил, что как-то слышал такой парадокс. Только речь шла не о душе человека, а о его эго, то есть «Я». Если человеку отрезать руку/ногу, положить рядом с телом и сфотографировать, то рассматривая фотографию, ампутант без раздумий скажет — это я, а это моя рука/нога. Если же отсечь голову, и произвести те же дальнейшие манипуляции, то человек затруднится с ответом. Как будет правильнее: это я и моя голова, или это я и мое тело/туловище? Конечно, чушь собачья. Если человеку отрезать хоть руку, хоть ногу, он не будет рассматривать никаких фотографий — он будет орать от боли и страха, как резаный — в этом Руслан не сомневался. А обезглавленный человек задумываться над правильностью формулировки уж точно не станет. Но если заменить «Я» на душу, а отсечения проводить чисто умозрительно, то некий смысл во всем этом бреде появляется.

— И где же у тебя, Женечка, душа после вздрючки концентрируется? — в ответ девушка невинным жестом указала на низ собственного плоского животика. Ничего другого Руслан и не ожидал.

— Что ж мне, Илью теперь в рот отыметь, чтоб он душу свою заглотил? — надежды в Шайморданове не осталось ни капли.

Ага, очень научно. Значит, как я сосу, тебя уже не устраивает?! — увлеченные беседой, Руслан и Женева не заметили Валиного появления. Благоухающая тонирующей пеной и ароматизированными солями, Петухова уперла кулаки в крутые бока и старательно испепеляла Шайморданова взглядом.

— Валечка, думаю, пора тебе все ... — договорить Руслан не успел. Как по волшебству, в руках Вали оказалась массивная статуэтка индийского слонабога Ганеши. Вся дурная масса сына Шивы, бога мудрости, отлитого в бронзе, обрушилась на голову Шайморданова. Прежде, чем погрузиться в непроглядную темень, угасающий разум Руслана успел запечатлеть обрывки информации: «Ты его убийца! — серое лицо Жене — Получай, сучка! — ярость и безумие в глазах Вали, занесшей Ганеша над головой для нового удара — Кия!!! — пятка Жене утопает в роскошной груди Петуховой — Хр-р-р — бум! — статуэтка падает на пол, утыкается металлом слоновьего хобота в...».

21. Именины сердца

Итак, Вы готовы начать ПРЯМО СЕЙЧАС пока кто-нибудь не опередил ВАС и не начал ЗАРАБАТЫВАТЬ Ваши деньги?

Из рекламы книги «Как заработать в Интернете ЛЕНТЯЮ»

— Молодец, хорошо сработал — два раунда без описания сцен сношения — это почти рекорд, — Геша еще раз пробежался глазами по последним строчкам только что дописанной главы и определенно остался доволен.

— С сексом или без, а жрать хочется, как из ружья. Для меня два дня без пищи тоже, знаешь ли, рекорд, — Лёнин желудок сдавлено заскулил в подтверждение слов хозяина.

— Только у меня одно нехорошее чувство имеется, — Друзилкин будто вовсе не слышал слов друга. — Что мы как-то чересчур увлеклись, заигрались, что ли... Души, дьяволы, девки, секс опять же — за все этой чепухой мы с тобой забыли, что главный герой нашего шедевра — ничтожество Пузднецов, а не мафиози Шайморданов. Последние несколько глав отчетливо просматриваются из глаз Руслана. Надо этот крен как-то выравнивать.

— Хрен бы с этим креном! У меня тоже есть одно нехорошее чувство — голод называется. Может, слышал про такое?! — Пузырькову пришлось повысить голос, чтобы перекрыть надрывное урчание в своем животе. Его аспирантская стипендия по возвращении блудного Гешы испарилась в миг, не оставив о себе никакой памяти.

— И нечего так орать, — Друзилкин тоже страдал от недоедания, но вида ни по чем подавать не хотел. — На днях повесть допишем, отошлем в издательство или редакцию журнала какого-нибудь, получим гонорар...

— Ты ебнулся? — каменное лицо Пузырькова как нельзя лучше соответствовало грубой формулировке вопроса.

— А? Что? — глупо захлопал глазами Геша, но попытка изобразить номер «витание в облаках с последующим падением на грешную землю» ему не удалась. Скорее всего, потому,

что от земли он так и не оторвался.

— Я тебе не индийский йог, чтоб годами не жрать! А чтобы писульки твои... ладно, наши принесли хоть минимальный доход — яйца ждать поседеют! — охваченному праведным гневом Лёне русский язык стал даваться с трудом. — Я свою стипендию на бумагу и ручки тратить не собираюсь. И мамка, чтоб кормить тебе!

— Куском хлеба меня попрекаешь? — Геша хотел сверкнуть бриллиантовой слезкой, но не получилось. — Вот ты какой друг.

— Не гони, — Пузырьков был непреклонен. — Я — хороший друг, просто охуительный. Зато ты — скотина неблагодарная! Пока денег в дом не принесешь, на порог не пущу.

— Это ты так с мужем своим разговаривай, — проворчал Друзилкин, мысленно соглашаясь с правотой друга.

— А ты мне не указывай! — в запале Лёня пропустил оскорбление мимо ушей. — Меня не колышет, где возьмешь. Хоть банк ограбь, хоть почку продай — мне все равно.

— Конечно, кто бы сомневался, — саркастически ухмыльнулся Геша, натягивая пыльные ботинки. Решимость вернуться с деньгами и полным комплектом почек — чтобы утереть нос Лёне — была почти непоколебима.

— И заметь, жопой торговать я тебя не посылаю.

— Конечно-конечно, строг, но справедлив.

— Именно!

— Не прощаюсь, — через плечо с порога бросил Друзилкин. — Жди к ужину.

— И во сколько у нас будет ужин?

— Как вернусь, так и будет, — последнее слово Геша произнес уже из узкого вечного темного коридора — кишечника общаги. Ответил ли на это Лёня очередной колкостью, Геша не услышал, так как, захлопнув за собой дверь, уверенной походкой поспешил на добычу длинного рубля. Он шел на встречу своей судьбе, уверенный в себе и готовый ко всему, жадно вдыхая воздух широко раздутыми ноздрями, раскручивая планету широким шагом, как молодой бог. То-то у Пузырькова глазки округлятся, когда Геша небрежно шлепнет пухлой пачкой банкнот прямо о липкую от засохшего пива столешницу!

«Талантливый человек талантлив во всем, пусть то будет мордобой или такая банальность, как добыча денег — этих жалких бумажек, подарочных сертификатов на именинах сердца. А кто может быть талантливее культового писателя? Пожалуй, никто. Разве что тот безымянный человек, придумавший поразительный рекламный слоган «заводи то, что заводит тебя». Может быть, в душе он тоже писатель? Просто встал на кривую дорожку, погнался за чистоганом... А что? Это мысль — придумать на ходу какой-нибудь концептуальный рекламный образчик, сдать его в ближайшем департаменте и можно идти назад к Лёне, шмякать пухлой пачкой об стол. Что у нас еще не до конца пропиарено? Отечественный автопром, к примеру. Вот кому яркая ассоциативная речевка не помешает. Как там иномарочники изголяются: «превосходя ожидания» — с виду говно, зато внутри конфетка, «управляй мечтой» — легкий наркотик с контролируемым эффектом, «создан для жизни» — должно быть, автомобиль для бомжей. Не уже ли для российского производителя такой фигни нельзя придумать? Для ГАЗа «Волга — бурлаки-дураки, не впрягайся, а садись за руль и катайся». Нет, как-то длинновато. «Волга — современная упаковка добрых традиций» — то что надо. «Газель — дави на газ, догонишь ель», хотя, ель лучше заменить на цель. Как вариант — «Газель — знает городские маршруты как никто другой». Для УАЗа «бобик сдох, да здравствует батон». Нет, не актуально. Лучше «УАЗ-Патриот — мы —

Русские, ебанный в рот!», а лучше «Россия для русских — УАЗ-Патриот» коротко и просто. «УАЗ-хантер — ни пуха, ни пера» ведь Хантер — это же охотник. Для ВАЗа «Лада — ебись как хочешь». Да, за такое точно не заплатят. Могут еще и по лицу ударить. А мы вот так, патриотизмом вдарим, как уазика «Лада — русский снаружи, русский внутри». Тоже не покатит — слишком большой популярностью пока жигуль пользуется у рыночных менеджеров среднего звена. Для них специальное предложение «Лада — цена, сочная как персик» или «Лада — довезет вашу хурму, как никто другой». «Нива — есть перспектива» — непонятно, что за перспектива светит владельцу Нивы, но звучит очень позитивно. Теперь подумаем о тех, кто даже жигуля не потянет. Для инвалидов «Ока — заменяет ноги» или «Ока — лучше костылей». Для перспективной молодежи «Ока — впадает в Волгу» — можно и для рекламы Волги использовать. Для вечных младших сотрудников «Ока — триста килограмм стиля и качества» или «Ока — скажи «нет!» Безлошадности — 30 лошадей под капотом». Конечно, насчет килограмм и лошадей надо будет уточнить, но триста и тридцать звучит красиво — это ж реклама, а не техпаспорт. Еще можно...» тут Геша вспомнил, что когда-то давно читал Пелевинский роман «Поколение П», и желание придумывать рекламные слоганы и пытаться их кому-нибудь продать исчезло так же внезапно, как появилось. Остался неприятный осадок, что себялюбивый Пелевин под поколением П подразумевал ни что иное, как целое поколение, взращенное на нем, как на знаковом эпохальном писателе. Разогнав в голове обрывки только что придуманных речевек, Друзилкин обнаружил себя посередине проезжей части широкого проспекта. Слева и справа автоматными очередями свистели автомобили, спереди, лязгая и искря, надвигался рассерженного вида трамвай. «Мама!» — икнул Геша, почувствовав дрожь земли у себя под ногами. Ни светофоров, ни пешеходной зебры или подземного перехода в обозреваемом пространстве не было. Трамвай угрожающе зазвенел и прибавил скорость. Конечно, Друзилкин в свое время читал Булгакова, поэтому приблизительно знал, какой ущерб здоровью наносят столкновения с трамваями. Так же он знал, чем грозит прыжок под колеса автомобиля, пусть даже самого легкового в мире — Геша видел тело несчастного, встретившегося с несущимся транспортным средством. Вид изломанного тела с лицом, стертым от торможения об асфальт чуть не до затылка, и ботинок, улетевших вольными птицами куда-то в кювет, с пугающей отчетливостью возник перед глазами Друзилкина. Чтобы не видеть ни жуткой картинке, ни своей собственной смерти, Геша зажмурился так крепко, как будто хотел веками раздавить глазные яблоки. Глупая мысль, что если колесо трамвая отрежет его голову, глаза могут открыться и последней увиденной на этом свете вещью станет собственное обезглавленное тело, посетила Гешу в тот момент, когда он со смертью уже почти смирился и искренне полагал принять ее достойно, по-мужски. Друзилкин, не размыкая глаз, расплакался. Тело его от рыданий тряслось так, что прекращения земной тряски он не заметил. Время остановилось.

— С рельсов уйди, наркоман проклятуций! Колбасой заденет! — Геша осмелился одним глазком глянуть, что происходит и кто кричит. Оказалось, что остановилось не время, а трамвай, из кабины которого высывалась и трясла молодому писателю печеным яблочком кулачка сухонькая старушка в просторном оранжевом жилете.

— Куда уйти-то? — оторопел от неожиданного спасения Друзилкин.

— Совсем ошалел, поганец! В гроб меня вогнать удумал! — возмущенно визжала старуха. — У тебя ж остановка за спиной! Я сорок три года трамвай вожу, ни одного человека еще насмерть не переехала! А он под колеса мне бросается, наркоман безмозглый!

Нет, вы только гляньте! Посмотрите на него! Люди по делам своим важным торопятся, а он на рельсах разлегся! Самоубивец несчастный!

Из окошек трамвая выглянуло несколько голов недовольных незапланированной остановкой пассажиров, выражающих полную солидарность с мнением водителя. Старушечья брань отрезвила Гешу.

— Тыфу ты, Аннушка отыскалась, — сплюнул он на рельсину и с чувством собственного достоинства прогулочным шагом проследовал на трамвайную остановку, которая оказалась всего в десятке метров за его спиной. Увидев, что нарушитель благополучно добрался до островка безопасности, бабка, продолжая ворчать что-то нелицеприятное про нынешнюю молодежь, дала ход своей железной гусенице и, не обращая внимания на протесты пассажиров, проехала мимо остановки, не открыв дверей. Друзилкин же, сам не зная зачем, через пять минут влез в подошедший следом трамвай.

За окном проплывали вечно пыльные дома, придавленные огромными рекламными стендами, черными вениками то тут то там торчали одинокие деревья, пестря разноцветными бензиновыми разводами, бежали потоки машин. На каждой остановке люди с перекошенными лицами штурмовали амбразуры створчатых дверей трамвая, и, оказавшись внутри, особенно если удавалось найти свободное местечко, сразу успокаивались, светлея глазами и добрея намеками на готовность улыбнуться. Но Геша вполне справедливо не обращал внимания ни на происходящее за грязным окном, ни на творящееся в салоне трамвая. Не замечая неудобности врезающейся чуть выше поясницы низкой спинки сиденья, Геша думал. Он находился во вселенной, каждой звездой солнечной системы которой была большая куча денег, а всеми планетами, вокруг солнц вращающимися, — люди. Беря для примера родную солнечную систему, Друзилкин отождествлял себя скорее с Марсом, чем с Юпитером.

«Сколько световых лет мне придется тянуть ручонки, прежде чем они увязнут в живительном тепле денег? Нисколько! Главное — сорваться с орбиты и развить хорошую скорость, ну и направление движения не перепутать. Способен ли на это Марс? Какая, к черту, разница! В жопу астрофизику. Я способен». Твердый настрой, укрепленный астральным аутотренингом, Гешу бодрил, но конкретики куда пойти и что там делать, не добавлял. Из литературы и шедевров мирового кинематографа известно, как в одночасье стать миллионером. Изготовление фальшивых денег или подделку банковских чеков, так же как и вероятность получения наследства от внезапно скончавшегося дядюшки, являющегося по совместительству крупным нефтяным магнатом, Друзилкин отмел сразу. Можно организовать хитроумное ограбление банка, казино или какого-нибудь несимпатичного, но очень богатого персонажа. Этот вариант Друзилкину не подходил решительно: нет ни соответствующих навыков, ни профессиональной команды, ни требующегося высокотехнологичного оборудования. Так же можно выиграть солидный капитал в карты. Но для этого, помимо шулерского таланта, нужен капитал начальный. Кто станет ставить миллион против механических часов «Слава» и двух подушечек жевательной резинки — всего, чем в настоящий момент был богат Геша? В американских фильмах, столь не любимых Друзилкиным, но просматриваемых с достаточной частотой, неимущие герои частенько участвовали в сомнительных акциях, заманивающих посулом — «продержись три раунда против чемпиона мира по боксу в тяжелом весе, и получи сто тысяч долларов». Разумеется, Геша продержался бы и три и тридцать три раунда в бою с любым чемпионом, но только при том условии, что на прошлой неделе этому чемпиону на голову свалился

черно-белый «Рубин», выкинутый Гешей в окно. В противном случае, получался бы не бой, а избиение Друзилкина профессионалом. Иногда, волей буйной фантазии сценаристов, сумки и чемоданчики, туго набитые дензнаками, сваливаются людям под ноги с проходящих мимо поездов, обнаруживаются в багаже, случайно перепутанном в аэропорту или на вокзале, всплывают из рек и прудов. Обнаружившему заветный миллион в случайном чемоданчике, практически никогда не удается жить долго и счастливо с нежданно-негаданно полученной сумой. Его разом пытаются отправить на тот свет бандиты/ наркоторговцы, которым деньги принадлежат, продажные полицейские, которым обещан достойный процент от денег бандитов/наркоторговцев, завистливые соседи, которым не принадлежит ни копейки, и они считают такое стечение обстоятельств крайне несправедливым. Ничтожному проценту героев кое-как удается беспечным коlobком укатиться от копов, преступников и завистников, отряхнуть с ног прах, умыть с рук и денег кровь, поселиться на тропическом острове со всеми вытекающими бонусами, но суровая действительность, в отличие от голов сценаристов, свободного места под такое чудо не предусматривает. Какие еще варианты быстрого обогащения мировой опыт может предложить? Брак по расчету — с небольшим скрипом припомнил Друзилкин. Но и тут сразу же обнаружилось множество проблем. Во-первых, где найти подходящую особу и как к ней подкатиться. В амурных делах Геша опыта не имел никакого, решая проблемы, связанные с зовом плоти, мануальным путем в одиночестве отнюдь не гордом. Во-вторых, не скажет же он напрямик, сразу после удачного знакомства, так мол и так, денежки нам с другом нужны, не на праздность, а на поддержание жизненной искорки в телах бранных до момента издания шедевра. А если ждать наступления благоприятного момента, так Лёня ужина до пенсии не получит. В общем, фиктивные отношения как способ достижения материального благополучия Геша забраковал. Мысли о липовых фондах или попрошайничестве проплыли где-то в другом измерении, Гешиного сознания не затронув даже легким ветерком своих воздушных крыл.

«Алексей!» — громом среди ясного неба прозвучал низкий мужской голос, нарушив одновременно ход мысленных рассуждений Друзилкина и однородный шелест переговоров прочих пассажиров трамвая. «Алексей, я тебе говорю, не путай ты хуй с морковкой» — Геша часто заморгал, как после долгого сна, и поднял глаза — незнакомый тучный дяденька правой рукой висел на поручне над самой Гешиной головой, а указательным пальцем левой руки укоризненно тыкал в грудь паренька, тощего, в обвисшей мешковатой одежде, по всей видимости — Алексея. Алексей рассеянно кивал, признавая за собой вину, дескать, да, оплошал, перепутал — с кем не бывает. «Пойми, то, что ты на ягуаре едешь — всем похуй» — продолжал карабасить толстяк, не обращая внимания на недовольный шепоток стиснутых людскими телами старушек. — «У папика шестерки и на бугатти, и на поршах рассекают, а в отсосе однозначном до ишачьей пасхи нагнуты будут». Алексей кивками снова выразил полное согласие с говорящим. «Тебе же его удивить нужно, по-хорошему так запомниться, между гольфом и яхтой в душе его зубочисткой застрять. А ты что? Ящик дом периньона ему заказал!». «А че? Клевый шампунь, я за него...» — подал гнусавый голос Алексей. «Да насрать, сколько ты за него отвалил!» — от гневного возгласа трамвай чувствительно трянуло. — «Ты ж не трахнуть его хочешь!». Алексей отрицательно замотал головой. «Хотя, нет. Именно трахнуть мы его с тобой и хотим. По-крупному» — толстяк перешел на шепот, заглушающий запись картавого диктора, объявляющего названия остановок. — «Ты ж у нас, блядь, талант! Надежда российского хип-хопа! Пророк! Белый мессия от черной культуры! И тут такая незадача — по клубам чешешь, да музканалам после полуночи крутишься. Папик

должен прослезиться от такой несправедливости. Понравишься ему — будут тебе и Кремлевский Дворец Съездов, и Лужники, и первый канал в прайм тайм, и статьи в... А ты ему на юбилей ящик шампанского! Думаешь, мне легко было для тебя приглашение выцарапать, скот неблагодарный?». «Ну, я, типа, еще вот», — Алексей вытащил из необъятного кармана джинсов открытку с замятыми уголками. Толстяк брезгливо принял картонку двумя пальцами, раскрыл, являя взору Геши одинокую розочку, перечеркнутую размашистыми цифрами 60, вдохнул в легкие побольше воздуха и зачитал в слух, комментируя отдельные моменты: «Такие вот делишки, братцы: Года-то не бегут — летят. Да уж, бля, Алексей, открыл ты Армению. В постель ложишься — восемнадцать. Проснешься утром — шестьдесят. Это он в койку со шлюхами восемнадцатилетними ложится, а просыпается типа сам с собой? По юбиляру незаметно, Что прожил шесть десятков лет. А то! Сколько раз папик под скальпель брылья свои клал, я уж и со счета сбился. Наверное, проведаль где-то Он вечной юности секрет. Известное дело — бабло и связи. То же мне, секрет! Алексей, ты что, сука, обкурился чая зеленого, когда стишок придумывал?». Алексей смущенно потупился — «А че сразу обкурился. Я это, типа, в интернете поздравление нарыл...». «Охуительно! Просто охуительно!» — собеседник скомкал открытку и вышвырнул ее в дверь, открывшуюся на остановке. — «Надежда российского хип-хопа поздравляет папика с юбилеем словами неизвестного задрота. Да хуй с ним, что неизвестного! Тут если каждую строчку к папику примерить, так ты его коленки спускаешь. За такое поздравление тебе не то что протекции не будет, тебя в самый засранный клуб в пределах московской области на длину папиного хуй не подпустят. А если бы ты знал, кого он ебет, то понял бы, насколько это далеко. Ты что, сам не можешь что-нибудь неврот ядерное сочинить, песню какую-нибудь?». Алексей замялся с ответом. Тут из людской гущи возле самого носа толстяка вынырнул бесцветный тип, сверкнул заламинированным удостоверением и, игнорируя гласные буквы, пальнул ему в лицо фразой «вш блтк». Толстяк глянул на контролера, как на докучливую собачонку, пытающуюся пристроиться к его ноге — «Чего?». «Прш прдвть блтк» — контролер снова махнул удостоверением. «Да ты, братец, охуел» — с радостным облегчением протянул толстяк, как будто нашел ответ на давно мучавшую его загадку. — «Какой билетик? Я — Иван Миттельшниц, а он — Леха. Мы на концерт опаздываем». «Нт блтк — плтт штрф» — в руке контролера волшебным образом возникло сразу две квитанции. «Алексей, дай автограф» — толстяк выхватил у контролера квиточки и всучил Алексею, который послушно что-то на них чиркнул. «Прдмт в тдлн» — в руках бесстрастного контролера снова поблескивало удостоверение. «Что?!» — взревел мужчина, брызнув в лицо надоедливому субъекта слюной. «Н вхд» — пояснил контролер и молниеносным движением заломил Миттельшницу руку за спину. — «Бдт спртвлтс в млц сдм». Миттельшниц побагровел перезрелым томатом, громко выругался, но умолк на полуслове, подавившись словами, — видимо, контролер усилил хватку. Друзилкин сообразил, что и сам едет зайцем, поэтому почел за благо покинуть трамвай самостоятельно.

Через минуту Геша, ругающийся на чем свет стоит и потирающий запястье толстяк в компании восходящей звезды хип-хопа, стояли на остановке, глядя в след квадратному зад уходящего трамвая.

«Ты когда свой сраный ягуар из сервиса забереешь?» — сквозь зубы процедил Миттельшниц. «Да я его только сегодня отдал...» — начал было оправдываться Алексей. «Трамвайчик, блядь, пятерочка, нахуй! Романтика, ебанаврот! В следующий раз, если я

скажу, что едем на такси, поедем на такси. Понял?!» — Иван Миттельшниц злобно сощурил пороссячи глазки. Алексей привычно кивнул. «Короче, если до завтра не напишешь для уважаемого папика деньрожденную песенку, я тебя выебу, высушу и откажусь. Понял? Таковую, что он эти именины сердца до гроба запомнил. Эксклюзив нужен стопроцентный. Негра найми, чтоб он тебе за сотку помог — не ебет, но чтоб песня...» — толстяк закатил глаза — «Сам понимаешь». Не дожидаясь, пока Алексей снова кивнет, Миттельшниц махнул рукой, ослепительно сверкнув тяжелым золотым браслетом, проворно влез в тут же остановившуюся машину и исчез в том же направлении, что и трамвай. Не особо понимая, что происходит, Геша, даже мельком не вспомнив, как в школе писал сочинения за ленивых одноклассников и получал за это то жвачку, то копеечку, нюхом учуял, что это его шанс. Нужно немного побыть негром и на ужин хватит. Трясаясь от нервного напряжения, боясь не успеть, упустить рэпера, Геша разразился скороговоркой — «Эй, Алексей, йоу! Не плачь, не робей. Бей! Йоу, на все забей, давай комон-комон. Всего сто грин, и папик не злой. Да! Он хороший, он пригожий и в прихожей он протянет ладошку — тебе и ни бэ и ни мэ, давай-давай. Как бы чего ни болело, ни прошло, не вылезло да ни пришло, хей! Мигера-мигера-микерафон, слон-дилидон-дили-дали-рэпафон!».

«Слышь, чел,» — Алексей обернулся, так и не дойдя до остановившегося в нескольких шагах такси, смерил Друзилкина удивленным взглядом, — «не хочешь сотку заработать?».

22. Две звезды

Я должен буду утверждать, что по-настоящему современным является такое искусство, которое не является искусством...

Х. Ортега-и-Гассет «Искусство в настоящем и прошлом»

Побитая девятка баклажанного цвета с грустным грузином за рулем везла новых знакомых на хаус (так рэп-пророк называл свое жилище). Коротая время, Алексей рассказал Друзилкину историю своей жизни — было видно, что молодой гуру истосковался по простому человеческому общению.

Родилась восходящая звезда в одном из городков Тенькинского района Магаданской области, мнящей себя краем. Алексею родина действительно казалась самым настоящим краем — в том смысле, что забраться в более глухой угол уже не возможно. Перспективных направлений деятельности, которыми молодежь могла начать зарабатывать на кусок хлеба, на всю область было два — добыча угля и золота. В шахтеры или старатели брали легко и охотно, но серьезного минуса не скрывали — начав работать простым добытчиком, человек, как правило, этим же и заканчивал. Фильтровать своими легкими тысячи кубометров воздуха, содержащие тонны зловердной пылицы, трястись с отбойным молотком до тех пор, пока мясо с костей не отвалится, год за годом, без надежды на повышение зарплаты или карьерного роста. Такая перспектива Алексея, как и большинство его сотоварищей, не прельщала, но лишь он один сумел не махнуть рукой, не сказать «а куды деваться-то?» и не бухать по-черному, оплакивая свою мертворожденную судьбу. Вместо того, чтобы отправиться покорять Москву (такова была общепризнанная альтернатива копиям царя Соломона), Алексей затянул поясок потуже, притягивая кожу к позвоночнику — живота как такового не имелось, и устроился полотером в единственное публичное заведение городка — ресторан «У дяди Бори». Такой выбор родных Алексея не порадовал, отец,

потомственный шахтер, в глаза называл сына спиногрызом, тунеядцем и оболтусом, а мать частенько всплескивала руками, бормоча «господибоже ты мой, за что такое наказание», а после долго плакала, закрывшись на кухне. От печали жены отец зверел еще пуще — случались и побои. Алексей не выдержал и покинул родительский дом, поселившись в подвале ресторана.

«У дяди Бори» Алексея особо не привечали, так как с душевной теплотой поминали его предшественницу, тетю Клаву — бойкую бабенку, острую на язычок и мужиков жалеющую, как слабый пол. Тетя Клава могла и с посетителем парой шуток переброситься, и сплетенку каждую всегда первой знала, и выпить в компании хорошенько не чуралась, а выпивши полы драила так, что в кривых досках отражение свое можно было увидеть. Работала бы тетя Клава в ресторане до выхода на пенсию (и то, вряд ли бы так просто отпустили — любили ее люди), да не сложилось. В тот черный день случился день рождения у Нурсултана Надирбегова. Дагестанец, придя в ресторан «У дяди Бори» уже изрядно веселым, привел с собой толпу заливающихся дурным блеяньем немых цыган, тащащих на велосипедной цепи тощего облезлого медведя. Медведь гремел костлявыми ребрами, дышал, словно в приступе астмы, и упирался всеми лапами, но на него никто внимания не обращал. Кроме Бориса Карловича Иванова — хозяина ресторана. Борис Карлович вышел на встречу Надирбегову и компании, сдержанно поздравил с праздником и попросил очистить помещение, сделав акцент на том, что с животными вход в ресторан строго воспрещен. Нурсултан жестом велел цыганам играть «мохнатого шмеля на душистом хмелю» на пол тона ниже, обнял Бориса Карловича за плечи и гаркнул в самое ухо «Плачу за все!». Иванов, теребя в кармане мобильник с горячей кнопкой вызова милиции и крыши — кто раньше приедет, осторожно поинтересовался, чем именно собирается расплачиваться досточтимый юбиляр. Никто в городке (даже тетя Клава) толком не знал, чем промышляет Надирбегов. Ходили слухи, что дагестанец печатает фальшивые деньги и готовит левую водку, но при деньгах его никто ни разу не видел, поэтому причастность Нурсултана к какому либо из этих бизнесов была недоказуема. Не удивительно, что Борис Карлович сомневался в платежеспособности Нурсултана. «Вот этим!» — в ответ Иванову Надирбегов вытащил из-за пояса тряпицу, размотал ее и явил восторженным взорам публики в лице Бориса Карловича и золотозубых цыган толстую пачку новеньких хрустящих стодолларовых купюр. Эффект был достигнут — Иванов сам полез к Нурсултану обниматься, а цыгане в две гитары и десяток скрипок с сумасшедшей скоростью запилили 24-й каприс Паганини. Даже медведь перестал дохоть и упираться. Разразившись пышной поздравительной речью и схватив из тряпицы денег сколько в руку умещалось, Борис Карлович криком погнал всех официантов накрывать стол для дорогого гостя, а сам тихонечко потрусил в сторону ближайшего обменника. Сев царем во главе стола, Нурсултан принимал поздравления от все тех же цыган и звал всех присоединиться к празднеству. Посетители ресторана, покинутые официантами, приглашения не приняли, вместо этого покинув заведение не заплатив. Шота Васильевич Кругель, отвечающий за живую музыку, погрозил цыганам кулаком, взял свой синтезатор под мышку и тоже ушел. Кроме суесящихся официантов, именинника и его зловонных гостей в ресторане остались лишь повара да уборщица тетя Клава. Повара были сильно заняты заказом Надирбегова, поэтому к застолью присоединилась одна тетя Клава. Когда и как Нурсултан пронес в ресторан ящик собственной водки остается загадкой, но к моменту возвращения разъяренного Иванова из обменника (доллары оказались фальшивыми) за сдвинутыми столами находилось четырнадцать трупов: — Надирбегова,

тетя Клавья, и двенадцати цыган, один из которых медведь успел изрядно обглодать. Экспертиза показала, что выставленная юбиляром на стол водка есть ни что иное, как динатурат. Дело быстро закрыли, но тетю Клавю оплакивали всем городом.

В самом деле, Алексей ни в какое сравнение не шел с тетей Клавой — угрюмо возил шваброй по бугристому полу, опустив глаза и страстно мечтая стать невидимкой. Ни с кем не разговаривал, обязанности свои выполнял сносно, но не более того. Не приятно парню было, что смотрят на него все так, будто это он всеобщую любимицу спиртом метиловым подпоил, чтобы место ее фартовое занять. Да и платили самую копеечку, чтоб организм молодой совсем концы не отдал. Один только Шота Васильевич Кругель, старичок, помогающий своей пенсионной старости подработкой ресторанным музыкантом, относился к Алексею по-человечески. То червончиком поможет, то колбаски чуть склизлой подкинет — парень ест, а дедушка Кругель его по головке гладит, глазами добрыми, как у старой коровы смотрит, и приговаривает «жри, сучонок, все одно на выброс». Именно Шота Васильевич приобщил юного Алексея к волшебному миру музыки. Глядя, как Кругель волосатыми пальцами, испещренными старческими пигментными пятнами, гладит блестящие черные и белые клавиши синтезатора, слушая его проникновенный чуть хриплый голос, Алексей млел, забывая обо всем на свете. Его душа покидала тело и устремлялась в неведомые дали — туда, куда манили его чарующие звуки. Каждый вечер ровно в восемь Алексей бросал швабру и затихал в каком-нибудь укромном уголке, откуда можно было наблюдать за выступлением Шоты Васильевича. Несколько раз юношу ловили за этим занятием, ругали, повторяли, что если он еще хоть раз вздумает отлынивать от работы, будет немедленно выставлен на улицу, но ему было все равно — у него появилась цель в жизни. Через полгода работы в ресторане Алексей наизусть знал весь репертуар Кругеля, мог в любой момент дня и ночи от начала до конца продекламировать слова песен «Владимирский централ», «Мурка», «Голуби летят над нашей зоной», «Гоп-стоп» и многих других. Прорекламировать-то он мог, а вот петь никак не получалось. Не то что петь так же тепло и проникновенно, с такой же берущей за душу хрипотцой, как Кругель, а петь вообще. Алексей очень страдал, думал наложить на себя руки. Мыслимо ли пережить такую подлую подножку, которую ему подставила судьба, сначала уверив, что вот она — цель жизни, а потом, как бы передумав, заклеившая печатью «нет голоса, нет слуха»? Но Алексей резонно предположил, что на тот свет еще успеется, а пока можно еще покочевряжиться. Выпив для храбрости сто грамм водки, слитой из полсотни выпитых клиентами ресторана бутылок, Алексей подошел к Кругелю после очередного выступления, бухнулся старику в ножки и молил об одном — взять сироту к себе в обучение, поделиться секретами мастерства. О том, что Алексей отнюдь не сирота, Кругель знал наверняка, но преклонение со стороны молодежи, которую он недолюбливал (откровенно говоря, боялся, так как не раз был бит и ограблен пьяными школьниками), польстило самолюбию чрезвычайно. Поджав губы и напустив на себя высокомерный вид, Шота Васильевич легонько пнул коленопреклоненного Алексея носком ботинка под дых и равнодушным тоном сообщил, что это вздор, но он (Кругель) над этим еще, быть может, подумает. Боясь дать своей надежде корни, так как не понаслышке знал боль и горечь разочарования, юноша все же не удержался — вскочил на ноги, коротко крикнул «ура!», расцеловал старика в дряблые щеки и убежал. Шота Васильевич в польщенном умилении утер со щек слюну Алексея, твердо для себя решив, что непременно сделает из этого щенка маститого лабуха. Бедолага Кругель и подумать не мог, что его благому намеренью свершиться не суждено.

Следующий день оказался для Алексея судьбоносным. Время до восьми часов тянулось невероятно медленно и мучительно, как никогда раньше. Алексей успел трижды произвести влажную уборку во всем ресторане, не обойдя даже подвала, служащего ему жилищем, а часы предательски показывали всего полшестого. Грызая ногти, юноша слонялся по ресторану, получая тычки от официантов, но даже не замечал их — он ждал, когда же появится Кругель, достанет из синтетического чехла свой старенький японский инструмент и начнется волшебство. А потом, быть может, старик подзовет его и скажет, что согласен сделать попытку, но, конечно ничего обещать не может... И Алексей станет самым счастливым человеком в мире. В тот вечер не один только Алексей нервно поглядывал на часы, ожидая прихода музыканта. Борис Карлович, к которому из далекой Москвы приехал в гости родной брат Иван, всеми силами хотел показать гостю, что не только в столице умеют люди культурно отдыхать. В своем ресторане Иванов самолично обслуживал брата, поднося ему лучшие блюда и напитки. Но брат выпивал и закусывал как-то рассеяно, не отдавая должного мастерству поваров, будто заскочил перехватить кусочек в приуроченную к какому-нибудь заводу столовку. «Ну, и где твой обещанный виртуоз?» — каждые пять минут спрашивал Иван, заставляя Бориса Карловича напрягаться до дрожи в руках, держащих поднос с очередным кулинарным изыском. «С минуты на минуту, с минуты на минуту» — наскоро лепя из губ улыбку, отвечал радушный хозяин. Глубоко в душе Борис Карлович лютой ненавистью ненавидел младшего брата, и причины тому имелись. Пятнадцать лет назад Иван Иванов отправился покорять Москву, и целых четырнадцать лет о нем не было ни слуху, ни духу. Борис Карлович, решив, что брат либо погиб, либо стал привокзальным бомжем, думать о нем забыл, радуясь собственному достатку и благополучию — владелец самого шикарного ресторана в городе — это вам не хрен собачий. И все было хорошо до тех пор, пока Иван не дал о себе знать. Он написал родителям телеграмму, в которой говорил, что стал сверх актуальным музыкальным продюсером, Москва у его ног, скоро заедет в гости. Родители Ивановых умерли вскоре после отъезда Ивана, поэтому телеграмма попала в руки Бориса Карловича. Как он был зол, как вопил, как рвал на голове волосы! Все его достижения, выстраданные и заслуженные потом и кровью, в миг обесценились в свете той удачи, которую младший брат умудрился-таки ухватить за скользкий хвост. Провыв шакалом три дня к ряду, Борис Карлович утомился, решив, что Господь не посылает на долю человека таких испытаний, которых он снести не в силах. С тех пор единственной целью жизни владельца ресторана стал миг, когда он утрет братцу нос, покажет ему, кто чего в этом мире стоит. Рассчитывал ли Борис Карлович действительно удивить давнишнего гостя златоглавой своим убогим заведением, или просто тешил себя иллюзией — неизвестно. Но, в любом случае, отсутствие в положенный срок Кругеля на боевом посту старшего Иванова приводило в бешенство не меньше, чем назойливые «ну, и где твой обещанный виртуоз» Ивана. Алексей и Борис Карлович, абсолютно не вспоминая о существовании друг друга, к девяти часам вечера буквально места себе не находили, мучимые одной тревогой на двоих. Иван, поковырявшись вилкой в седле барашка, намекнул, что минут через пятнадцать будет вынужден поблагодарить и хозяина за прием и отчалить, так как билетик до Москвы уже начинает жечься. Борис Карлович так сжал зубы, что чуть не раскрошил их в пыль — этому помешало неожиданное появления в ресторане капитана милиции Лопного. Козырнув Ивану, Лопный отвел Бориса Карловича в уголок, где сообщил ему пренеприятную новость: вчера, по дороге домой, Шота Васильевич Кругель получил от неизвестного нападающего шесть ножевых ранений, в результате чего скончался на месте. Следствие прорабатывает

версию ограбления — при покойном не обнаружено ни денег, ни музыкального инструмента. Борис Карлович заплакал, подслушивавший разговор Алексей, сидящий под столом, — зарыдал, до крови впившись зубами в кулак. Неверно истолковав причину слез Иванова, капитан Лопный неуклюже обнял его за плечи, бормоча глупые фразы утешения: — «Ну, не надо так. Он совсем уж старик был. И родственника ни одного. Все, небось, наркоманы, будь они неладны. Еще и не такое видали». «Идиот!» — Иванов потерял остатки своего самообладания, жаркой струей выпустив истерику наружу. — «Кто у меня сегодня выступать будет?! Может ты, кретин безмозглый, «Полет шмеля» на свистке своем сраном исполнишь?!». С Лопным до этого еще никто так не разговаривал. Побелев лицом, капитан выпустил Бориса Карловича из своих объятий и потянулся к висящей на поясе кобуре, дабы выстрелом в извергающую слюну и брань голову Иванова защитить свою офицерскую честь. Но, подумав, что человек явно не в себе, убит горем и «все такое» (именно в такой формулировке Лопный и подумал), капитан козырнул Борису Карловичу и удалился, стараясь не слушать летящие в след оскорбления. «Кто? Кто выступит сегодня вечером?» — скулил Иванов, понимая, что его мечта устать брата умерла, не на долго пережив бедного Кругеля. «Я!» — розовоглазым призраком из-под стола вынырнул Алексей, — «Я выступлю сегодня вечером. Нужно почтить память Шоты Васильевича». В тот момент языком Алексея управлял не он, но сама судьба. Борис Карлович едва удостоил полотера взглядом и махнул рукой, мол, делай, что хочешь — теперь уж все равно.

Тем временем, Иван Карлович, устав ждать обещанного перформанса, ослабил пояс на вздувшемся после ужина брюшке, предпринял первые попытки вылезти из-за стола. Через пять минут, вылезши из-за стола ровно наполовину, младший Иванов застыл, а через минуту сила земного притяжения усадила его обратно. И виной тому был не сердечный приступ, не ревматизм или прострел — то был ЗВУК. Источник звука находился прямо напротив Ивана Карловича — на крохотной сценке по стойке смирно стоял паренек с распухшим от слез лицом, двигались лишь его губы. Все разговоры, звон бокалов и посуды в секунду стихли, остался только один голос. Паренек с первобытной жестокостью и беспощадностью выстреливал в посетителей, сидящих за столиками, словами хитов — блатных и не очень, добавляя им какой-то абсолютно нелогичный, апокалипсический ритм. Алексей то разгонял слова так, что они звучали автоматными очередями, то делал неожиданные рваные паузы или выговаривал целые предложения по букровке. Тон преисполненного отчаяньем и ненавистью голоса не менялся, варьировалась только громкость — от оглушительного крика до еле слышного шепота — для сравнения можно представить себе человека с одним барабаном, по которому он то лупит со всей силы тяжелей колотушкой, то еле дотрагивается подушечками пальцев. Музыки не было, да и песнями эти речитативы вряд ли бы кто назвал. Казалось, что злая сила через речевой аппарат юнца нашла проход в этот мир, и теперь заставляет всех слушать его, затаив дыхание. Посетители замерли — кто с не донесенной до рта вилкой или рюмкой, кто с открытым ртом, в котором покоились кусочки не пережеванной пищи. Соляными столпами застыли официанты — те, что в момент начала выступления разливали гостям напитки, наполнили бокалы сперва с горочкой, а потом и вовсе вылили все содержимое бутылок через край на скатерть, совершенно того не заметив. Даже убитый горем Борис Карлович осушил глаза, чтобы тут же взглядом прикипеть к Алексею. Весь ресторан превратился в музей восковых фигур. Но вот Алексей выплюнул последнюю строчку песни «В таверне тихо плачет скрипка» и тишина вязким студнем растеклась по ресторану, наполнив собой каждый закуток. Несколько долгих минут все

оставались в неподвижности, потом постепенно заморгали глаза, засопели носы, глотки принялись откашливаться, а головы крутиться. Люди приходили в себя как после сеанса глубокого гипноза. Раздался одинокий хлопок, через секунду второй, а еще через секунду ресторан утонул в громе овадий. «То, что надо!» — в голове Ивана Карловича разноцветными брызгами вспыхнул праздничный салют. Он без спроса схватил с соседнего столика початую бутылку водки и сделал из горлышка несколько долгих глотков, поздравляя себя с великим Открытием.

Ивану Иванову потребовалось чуть ли не облизать ботинки старшего брата, прежде чем тот, горделиво поглядывая сверху вниз, разрешил таки забрать Алексея в Москву. Не задаром, разумеется, а получив несколько пачек настоящих стодолларовых купюр в качестве компенсации. Приобретя и тут же лишившись яркого артиста, который без труда сделал бы ресторан «У дяди Бори» местом культовым не только в родном городке, но и во всем Тенькинском районе, Борис Карлович не расстраивался. Он ликовал — усть брата все же удалось! Так Алексей поступил в полное распоряжение московского продюсера Ивана Карловича Иванова, который тут же определил юное дарование как «сверх новая звезда, надежда русского хип-хопа». То, что Алексей знать не знал, что такое хип-хоп или рэп, значения не имело.

— Меня, в обще-то, и не Алексеем вовсе звать, — грустно признался Геше мессия. — Батя с мамкой меня Дмитрием нарекли. Да только Иван Крлович не согласился. Ты, говорит, звезда — единственная и неповторимая. А Дмитриев и Дим всяких у нас на эстрадном небосклоне, как говна в компостной яме. Будешь теперь, говорит, Алексеем, а сценический псевдоним у тебя будет Лёха.

— Нормальный пиар-ход, — не зная, что сказать, промямлил Друзилкин.

— Вот-вот, и Карлыч то же говорит. Типа, я по паспорту Иванов, а для бизнеса и тусовки — Миттельшниц. Кому, говорит, человек с фамилией Иванов интересен? — Лёха-Дима вздохнул. — Совсем он меня заебал, шницель сраный. Целый год меня по кабакам всяким возил, да по клубам пидерским, на хлебе и воде держал, а на заработанные деньги тачку купить заставил. Ягуар, блядь! Да нахуй он мне срался?! Я и водить-то не умею. А он, типа, имидж — это все! Я его в первый же день, ягуар этот, о столб фонарный расхуярил. А Карлыч, сука такая, теперь другую фишку придумал — всем похуй, что ты на ягуаре едешь. Да еще и в тряпье это хламидозное обряжаться заставлет — снова имидж. А завтра скажет, похуй имидж, напяливай фрак.

— Ну, да, — неопределенно хмыкнул Геша. Рассказ лже-Алексея ему в принципе понравился — хорошая жизненная история, вот только использовать ее в сюжете с Пузднецовым и Шаймордановым удастся вряд ли. Осознание этого факта Гешу расстроило.

— Я теперь должен папику жопу облизать, чтоб он меня в большой космос запустил, — продолжал жаловаться артист. — А как к нему подмажешься? Карлыч говорит, эксклюзив нужен, чтоб за душу брало. А у меня эксклюзива ноль! Я сам ни строчки в жизни не придумал. На тебя, братишка, только и надеюсь. Тебя-то, кстати, звать как?

— Георгий, — Геша протянул Алексею-Дмитрию руку, которую тот крепко пожал. Геша хотел добавить, что он молодой московский писатель и строчек за свою, пока еще недолгую, творческую жизнь напридумывал уйму, но не успел.

— Приехали, — недоверчиво поглядывая на пассажиров в зеркальце заднего вида, сообщил грузин с грустно обвисшими усами и носом. — Тысача двэсти.

— Ага, — рэпер выудил из джинсов квадратный бумажник, немного пошелестел

матерчатými отделениями. — Тебе как удобнее — визой или мастер-кардом?

— Дэнги давай, — глаза водителя стали еще грустнее, а нос отвис чуть ли не до подбородка.

— У меня наличности нет, только карточки...

— Значит, приехали, — грузин нажал кнопку, нестройным хором щелкнули чертыре замочка и двери девятки заблокировались. Сокрушенно вздохнув, водитель огромной волосатой лапой достал из бардачка сверкающий сталью мясницкий нож-тесак. Геша пытался сообразить: если машину тормозил Алексей, значит ли это, что резать будут только его, или обоих сразу.

— Шеф, похихикали и хватит, — мессия выглядел чуть бледным, да и только. — Я сейчас до банкомата сгоняю и принесу тебе нал.

— Нэ покатит, — водитель опустил солнцезащитный козырек, показывая, что из кармашка на его обратной стороне торчат шесть засушенных пальцев. Два пальца явно принадлежали женщинам — ноготь одного, толстого и короткого, был покрытым ярко-красным лаком, другого, длинного и изящного, — перламутровым. — Эсли бы я однажды нэ купилса на этот трук, их было бы сэмь.

— Не гони, пока я буду ходить, мой друг с тобой посидит, — Алексей кивнул на Гешу. «Мне хана» — с болезненной отчетливостью понял Геша.

— Нэ пойдет, — грузин подушечкой пальца проверил остроту тесака. — Эсли бы я однажды и на этот трюк нэ купила, их было бы восэмь.

— А вам сколько для коллекции не хватает? — Друзилкину так страшно не было еще ни разу в жизни. До боли в копчике вжавшись в сиденье, он чувствовал, что если ситуация не разрешится в ближайшие несколько минут, разум покинет его навсегда. «Может, разговорить этого маньяка, разжалобить? Эх, было б чем его по макушке огреть — ни секунды бы не думал».

— Молодой чэловэк, я с риском для жизни занимаюсь извозом, чтобы прокормить жэну-инвалида и троих малэньких дэтишэк, — грузин снова тяжело вздохнул. — Эсли вы нэ платитэ — вы отнимаэте дэнги у моэй сэмьи, а за это нужно платить.

— Шеф, тебя кидать никто не собирался, расслабься, — в худом лице Алексея не осталось ни кровинки. — Хочешь, мобилу возьми — все равно мне кроме Миттельщница никто не звонит.

— Иван Карлович Миттэлшниц? — глаза грузина ожили, а нос и усы чуть приподнялись. Можно было подумать, что рассказа Алексея, в котором Миттельшниц упоминался не раз, водитель не слышал.

— Он самый, — подтвердил Алексей. — Знакомы?

— Знакомьтэсь, встречайтэсь, любите, сношайтэсь на улице счастья — Голден Стит! — нить накал Гешиных нервов перегорела, и теперь он развлекался тихим бредом и разглядыванием собственных коленей.

— Я этому барану пальцы все по локоть орэжу! Я ему их скормлю, а послэ выпотрошу и заставлю съэсть еще раз, а потом снова выпотрошу и снова заставлю съэсть! — водитель завелся не на шутку — усы грозно топорщились, а нос задирался вверх, открывая заросшие черной шерстью колодцы ноздрей.

— Тоже за проезд не заплатил? — Геша истерически захихикал и понял, что остановиться не может.

— Хуже! — сказал водитель с таким видом, будто не каждый сможет себе вообразить

нечто более ужасное, чем неоплаченный проезд. — Этот шакалий сын, этот козий помет, этот маленькой собачки потрох говорил, что сдэлаэт из мэня популярного пэвца! Сказал, что буду кручэ Бубы Кикабидзе. А когда во врэмя пэрвых гатролэй на мэня и мою жэну — она была в подтанцовкэ — упал освэтитель, исчэз, как гнусный чэрвь! Он оставил мэня с умирюущэй жэной на руках, всэ дэньги за концэрт взял сэбе и сбэжал! Ни страховки, ни карьэры! Я эго убью!

— А осветитель не пострадал при падении? — Геша ржал в голос.

— Да так, лампочка только разбилась, — отмахнулся водитель, чуть не отхватив себе половину носа тесаком. Развернувшись лицом к пассажирам, он обратился к Алексею: — Ты знаэш, гдэ этого слизняка можно найти?

— Лампочку? Да в любом магазине! Вот умора! — Геша просто изнемогла от хохота.

— Вот, держи, — Алексей протянул водителю клочок бумажки, — по этому адресу он сейчас снимает комнату в коммуналке.

— Спасибо, друг! — грузин улыбнулся во весь золотозубый рот. Уронив нож на пол, он разблокировал двери. — Я эго обязательно убью! Я отрежу эму уши, вырэжу глаза, размозжу...

— Удачи, — Алексей поспешил покинуть баклажанного цвета девятку. Геша не мог пошевелиться — хохот отнял у него все силы, так что Алексею пришлось вытаскивать нанятого «негра» за руку.

Когда девятка, виляя и подпрыгивая на разбитом асфальте, скрылась за поворотом, Гешина истерика сама собой улеглась, а силы, пусть и не в полном объеме, возвратились.

— Маньяк гребаный! — Друзилкин погрозил кулаком в пустоту.

— Ты, конечно, не обижайся, но у вас здесь в Москве все люди не в себе. Да и сам город ваш — говно полное, — беззлобно заметил Алексей. — Потусовавшись здесь годик, я понял — в России колхоз везде, только в московские колхозники страшно по этому поводу комплексуют и очень боятся, как бы кто не догадался, что они колхозники, а не цивилизованные европейцы. Вот и с глужда съезжают.

— Думаешь, он бы действительно нам с тобой пальчики рубанул? — Геша мысленно согласился с колхозной теорией. Теперь, по крайней мере, становилось ясно, почему ничего по-настоящему интересного в жизни не происходит.

— Если бы не сука Карлыч, то, думаю, рубанул бы, — Алексей равнодушно пожал плечами. — Мы с этим арой — две звезды из одного созвездия. Только его Миттельшниц уже уронил, а меня только поджег. Я бы на его месте всем головы, а не пальцы рубил.

— А что, если он и впрямь твоего продюсера замочит?

— Поделом ему, нехер людям жизни ломать. Сколько еще людей стало моральными уродами, пообщавшись с Карлычем? Кто знает, сколько из них мирно сдохли в петле, и сколько шарится по улицам, ища, на ком бы за обидку потоптаться?

— А ты-то чем займешься, если продюсера того, ну...? — Геша искренне восхищался хладнокровием парня. Сила, исходящая от Алексея, заставляла Друзилкина чувствовать себя бесполезным и ничтожным комочком слизи. Подумать только, когда Геша увидел его — тощего паренька в мешковатой одежде, тупо кивающего на хамоватые реплики толстяка Миттельшница — Алексей показался ему умственно недалеким провинциалом. Сейчас же Друзилкин был готов расплакаться от собственного бессилия — так ему хотелось хоть немного походить на Алексея, пожить капельку его жизнью. И плевать, что паренек из Магаданской области в жизни ни строчки не сочинил.

— Вернусь в свой родной город. Авось, Борис Карлович меня не прогонит и позволит мне выступать по вечерам, как Кругелю, царство ему небесное, — лицо Алексея преобразилось прекрасной улыбкой, а мечты унесли его куда-то далеко-далеко, где нет никаких Миттельшницов, отрубаящих пальцы водителей, битых ягуаров и необходимости вылизывать анальные отверстия всемогущих людей, скрывающихся за смешным словом папик.

— Так, стало быть, я тебе больше не нужен? — не дожидаясь ответа, Геша развернулся и еле передвигая ноги поплелся прочь. Он не знал, ни где находится, ни как отсюда выбираться. Вечерело, а в кармане по-прежнему не было ни копейки. «Ужин откладывается на неопределенный срок» — подумал Геша, и жалобно заскулил в унисон с голодным желудком.

— Эй, Георгий, постой! Георгий! Георги! Да стой же, тебе говорят! — Геша не сразу догадался, что обращаются к нему, так как Георгием его не называли уже очень давно. Когда он обернулся, увидел, что широкими шагами, путаясь в широченных штанинах, его догоняет Алексей: — Знаешь, я тут прикинул — хрен его знает, угондошат сегодня шницеля или нет, а днюха у папика завтра по любому. Так что, уговор в силе.

— Круто! — Геша понятия не имел, как выполнить свою часть уговора, но сто грин снова оказались рядом — только протяни руку. — Слушай, только ты пожалуйста, деньги сейчас с карточкиними, а у меня и ножа-то нет, чтоб от тебя что-нибудь в счет неустойки отрезать.

Недавние знакомцы весело и беспечно рассмеялись.

23. Давай за!

Пройдут года, наступит старость!

Морщины вскочут на лице!

Желаю творческих успехов!

Чтоб хорошо учились и дальше все!

В. Драгунский «Денискины рассказы»

Сидя на драном диване в съемной квартире Алексея (или Дмитрия — Геша так и не понял, как называть своего работодателя), Друзилкин пил зеленый чай из глубокой пиалы в прикуску с конфетами «мишка на севере» и задавал уточняющие вопросы, чтобы получить исходную информацию для создания полноценного эксклюзивного творенья.

— А этот, хм... папик — он кто? Чем увлекается, какие у него интересы?

— Зовут его Иосиф Коба. А так я его сам ни разу не видел. По словам шницеля, лучше любой водки любит играть в гольф и плавать на яхте. Еще увлекается восемнадцатилетними шлюхами в промежутках между первыми двумя страстишками, — хип-хопер помолчал, припоминая еще какие-нибудь подробности. — Ну, завтра ему шестьдесят стукнет... Вот вообще и все.

— Мда... не густо, — Геша причмокнул, слизывая с губ растаявший конфетный шоколад. Алексей только развел руками.

— А если его кроме клюшек, лодок и девок ничего не интересует, с чего твой Карлыч взял, что он тебе раскрутиться по полной программе поможет? — резонно удивился Геша.

— Ну дык, он же клюшками и прочим барахлом в свободное от бизнеса время

занимается. А так он что-то типа генерального продюсера, а может и нет — я точно не знаю. Кажется, он не меценатствует, просто чутье у старика хорошее и слово его тяжелого весит — все, кого он пригревает, в миг если не Кобзонами с Пугачевыми, так Киркоровыми с Орбакайтами становятся.

— И откуда же такой волшебный старик Хоттабыч взялся?

— Со слов шницеля, до того, как стать всеобщим папиком, Коба индийскими джинсами на толкучках промышлял. Но что-то у него там не срослось — то ли пожадничал и не поделился с кем надо, то ли мусора тогда план недовыполнили и статистику подбивали — короче, замели Кобу по статье «валютные махинации». Посадили — знать, не хватило джинсовых денег. Отсидел от звонка до звонка. В каких позах проводил время в период заключения — не известно. Но сразу после выхода переменялся до неузнаваемости. Мелочевкой больше не промышлял. Первым делом организованно сравил между собой самых крупных столичных бандюганов. Воротили собственные ряды на три четверти проредили в ходе разборок. Оставшиеся без руководства синдикаты плакали как малые дети — очень боялись отправиться следом за своими топ менеджерами. С оставшейся четвертью Коба, предварительно прибрав осиротевших дойных коровок, договорился по-хорошему, войдя в долю. «Вот оно — будущее Шайморданова» — подумал Геша.

— Так этот папик, попросту говоря, мафиози?

— Сейчас, кажется, нет — сколотил капиталец и из упряжки свинтил, особенно не испачкавшись. Кроме продюсеров и артистов больше никого не доит. А тех удоев, что имеет, хватает и на гольф, и на лодки, и на шалавы. Глаз наметан, раз в плюсе всегда ходит.

— Насколько я понял, переломной точкой в жизни Кобы стало тюремное заключение, — резюмировал Геша. — Значит, и эксклюзив нужно от этой печки строить.

— Думаешь, ему приятно будет вспоминать, как он на нарах тух?

— Думаю, что как любой мафиози, путь даже бывший, папик — романтик до костного мозга. Что не убило — то сделало сильнее. А о том, что сделало сильнее и вспомнить приятно. Тем более, что жизнь Кобы после тюрьмы стала по истине райской. То есть прямое следствие: испытание и вознаграждение за успешное его преодоление. Будем давить на тюремную романтику.

— Решено, — отбросив сомнения, Алексей согласился. А что ему еще оставалось делать после убедительных доводов культового писателя?

— Теперь дай мне час времени, карандаш или ручку и какую-нибудь бумагу — блокнот, тетрадь, альбом для рисования — что угодно, — Геша безошибочно почувствовал нахлынувшую волну вдохновения и потер руки в предвкушении плодотворного творческого процесса. Алексей без разговоров исполнил все требования Гешы и исчез из его поля зрения, дабы не отвлекать.

«Так! Если уж Лёха-Дима из мурки крутой рэпак замутил, то любой мой стих он просто обязан мегахитово прочитать. Главное стилистику выдержать» — думал Геша, а рука уже сама собой выводила на чистом листе первые строчки. Ни в тюрьме, ни даже в предварительном заключении Геша никогда не находился, поэтому фантазировал вдохновенно.

Через час на коленях Друзилкина лежали три готовых варианта текста — на выбор заказчика.

Вариант номер один брал злобным напором сменяющих друг-друга картинок ассоциативного ряда, близких по тематике к тюремному романтическому фольклору. По

сути же сам текст был длинным обращением каторжника к согладатаю. Рабочее название для данного шедевра Геша придумал не слишком романтическое — «Вертухай», чтобы сыграть на контрасте, которого тут было до незаметного мало.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

*За одиночество мое лютное,
За перо в моем голенище,
За рожу твою сальную,
За смех, как у пьяной бабищи,
За зубы, раскрошенные в скрежете,
За вкус крови на разбитых губах,
За шрам на бледной щеке,
За то, что я превращаюсь в прах,
За злость, за клыки волчьи,
За проволоку в небе колючую,
За голубей на воле, за воронов,
За жизнь сучью,
За сырость карцера,
За хлеб и воду,
За ватник с номером,
За то, что ты, сука, топчешь свободу,
За вонь параши,
За наколку матери,
За решетку крепкую,
За братишку в соседней камере,
Я откинусь в срок —
Мне не надо лишнего —
А ты, гнида мелкая,
Будешь здесь пожизненно.*

Второй вариант Геша честно сочинил по мотивам слышанной давным-давно песенки «Я буду жить» единственного всплывшего в памяти российского хип-хопера по прозвищу Дельфин. Фразу «я буду жить» Друзилкин переделал в «живи» — этакое стилизованное пожелание папику в день рождения. Текст «Живи» получился немного пасмурным, но в целом оптимистичным, более лиричным и метафоричным по сравнению с «Вертухаем».

*Многие из жизни уходят, я им в след не плюю
Кто-то считает, что лучше быть гнидой, чем походить на тлю
Из двух зол я выбираю добро, я остаюсь собой
Люди вокруг пухнут, сохнут и только я горю
Воля — внутри меня, свобода — внутри меня,
Внутри меня решеток нет, пусть солнце рвет свои
Огненные бока о колючую проволоку на исходе дня
И если нет пустоты внутри
Живи*

Живи

Живи

*Пока челюсть квадратна, пока мускул тверд,
Пока на шее бьется жилка веры, я не буду мертв.
Это не сложно — быть мертвым, это легко успеть.
Сложнее, гремя кандалами, верить в судьбу и петь
Смотреть всегда вперед, не отводить взгляд,
Взять на себя вину и не идти назад,
Не думать, что впереди — рай, ад,
Жить, но никогда — во лжи,
И говорить другим*

Живи

Живи

Живи

*Мерить жизнь этапами пересыльными, метрами, десятками лет
Загляни в себя — понравится ли портрет
Кровью ли, лепестками роз за тобой тянется след
Тебе выбирать и держать ответ.
Пусть ничего не изменить,
И если жажды не утолить, если есть смелость жить*

Живи

Живи

Живи

Последний вариант с названием «День рожденья» написан добрым, певучим и мелодичным, с выдержанной рифмой и позитивным настроением и нарочитой наивностью классического кабацкого шансона. Для разнообразия Геша полностью выкинул из текстовки всю лезущую в голову тюремно-зональную лесоповальщину.

*Гуляет праздник пьяный юбилей,
А меня что-то водка не берет,
Эй, музыкант, играй брат веселей,
Пляши душа и улыбайся рот!*

*Ах, в день рожденья, день рожденья, день рожденья,
Позвольте мне — я поздравляю, поздравляю вас!*

*Наш именинник здесь — король на именинах,
Сидит и мудрым словом каждого проймет,
Цветастая рубашечка, виски его белы и лоб в морщинах,
Но даст он каждому по сто очков вперед.*

*Ах, в день рожденья, день рожденья, день рожденья,
Позвольте мне — я поздравляю, поздравляю вас!*

*Кино, вино и домино давно уже не в счет.
Наш именинник, всем чертям на зло,
Играет в гольф и плавает в яхт-спорт
И девок радует — вот так не заподло!*

*Ах, в день рожденья, день рожденья, день рожденья,
Позвольте мне — я поздравляю, поздравляю вас!*

*Поднимем рюмочку и чокнемся не раз
За именинника, Бог даст — не по последней,
И скажет каждый много теплых фраз,
Гулять и петь, плевать на все болезни.*

*Ах, в день рожденья, день рожденья, день рожденья,
Позвольте мне — я поздравляю, поздравляю вас!
Ах, в день рожденья, день рожденья, день рожденья,
Позвольте мне — я поздравляю, поздравляю вас!*

Алексей внимательно прочитал все три варианта, затем исполнил их с листа в своей уникальной манере. Друзилкин, собственными ушами услышав, как звучат его творенья в неподражаемом прочтении рэп-пророка, испытал настоящий катарсис — по его щекам потекли слезы гордости — за себя, за великий русский язык и за Родину, способную рождать таких талантов (как он и Алексей).

— Георгий, снимаю перед тобой шляпу, — Алексей с серьезным видом кивнул Геше и крепко пожал его руку. — Ты — гений.

— Так какой вариант ты завтра перед папиком исполнишь? — тщетно пытаюсь скрыть волнение спросил, Геша — гением без кривой ухмылки его еще не называл никто, тем более известные, заслуженно уважаемые им люди. Алексей задумался на несколько минут, во время которых Геша чуть не потерял сознание, не в силах противостоять бушующей внутри буре эмоций.

— Знаешь, устрою-ка я завтра для папочки Сосо концерт из трех номеров. Уверен, ему не устоять, — Алексей улыбнулся, и эта улыбка согрела Гешину душу лучше, чем это делали рюмка хорошего армянского коньяка и ласковое майское солнышко вместе взятые.

— Спасибо тебе! — Алексей протянул Геше три стодолларовых банкноты. Друзилкин почему-то отнекивался, но Алексей настоял, и деньги, сложенные в четыре раза, легли в Гешин карман. Расстались таланты по-дружески обнявшись, пожелав друг другу удачи, обменявшись телефонными номерами и взаимными обещаниями в случае чего обращаться.

Спеша по темным улицам маршрутом, подсказанным Алексеем, в общагу, где ждал ужина голодный Лёня, поглаживая денежки сквозь джинсовую ткань кармана, Геша пританцовывал на ходу и насвистывал веселый мотив. Он думал, что это самый счастливый день в его жизни. А о том, что Алексей представит все так, будто песни его собственного сочинения, и о том, что средний гонорар за такой же средний шлягер наверняка превышает сто американских денежных единиц, Геша напротив не думал вовсе. Друзилкин летел на крыльях счастья, впервые доказав самому себе и всему миру, что он не только талантлив, но и востребован, а следовательно его существование на Земле более чем оправдано.

24. Реанимационная машина

Тем не менее, объясняет она, я не должен обольщаться, воскрешение — вещь трудная.

В. Шаров «Воскрешение Лазаря»

Шайморданов открыл глаза и в размытом бледном пятне над собой узнал лицо Вали. Руслан уже был готов поверить, что видел сон, в котором ему приснился дьявол, а потом он проснулся, пришли Жене и Пузднецов... потом был какой-то бред про Валя ударила его по голове бронзовым Ганешем, и теперь снова проснулся. Но, когда взгляд наконец сфокусировался, и Валино лицо приобрело четкость, Руслана вновь стали одолевает сомнения, что из обрывочных воспоминаний было сном, а что явью. Под левым глазом Петуховой чернел сочный кровоподтек, через всю щеку тянулись четыре глубокие бороздки запекшейся крови.

— Живой! — в поле зрения Руслана, бесцеремонно потеснив Валю, влез темный овал лица Женвьевы. Благодаря смуглой коже, синяки и царапины не так сильно бросались в глаза, но все равно было видно, что марокканской француженке тоже неплохо досталось — нос и нижняя губа набухли перезрелыми сливами.

— Я ж тебе говорила — живучий кобель, его и из гранатомета фиг завалишь, — сквозь напускную ворчливость в голосе Вали пробивались нотки нежности. — Как ты, малыш?

Руслан дотронулся до макушки и нащупал под жесткими от засохшей крови волосами большую шишку. Боли практически не было. «Кому суждено сгореть — не утонет», подумал Шайморданов, а в слух сказал, — Валя, еще раз поднимешь на меня руку, клянусь, затолкаю тебе этого слоноголового выроodka в твою очаровательную попку по самый хобот. Не исключаю, что мне, в отличие от тебя, это может понравиться. Так что в следующий раз хорошенько подумай.

— С ним все в порядке, — резюмировала Валя.

— Где Пузднецов? — Шайморданов медленно принял сидячее положение — легкое головокружение, да и только. На сотрясение мозга не похоже.

— Ильюша спит как убитый. Устал бьедняжка, даже наша драчка его не разбудила. Сейчас только чьетыре чьаса утра...

— Во-во, дрыхнет твой Пузднецов в наших с тобой подушках. Храпит как бульдозер и пердит в придачу, — Валя поморщилась и тут же вскрикнула — на щеке из-под треснувшей коросточки показалась пурпурная капелька крови. Руслан прислушался и принялся — пришлось признать справедливость Валиных слов.

— Какого хрена ты эту срань в дом притащил? — продолжая возмущаться, мимику Валя старательно сдерживала. — С таким убаном якшаться — себя не уважать.

— Валья! Как ты можешь так... — Женевьева хотела выдать яростную тираду в защиту Илюши, но Руслан ее перебил. — Давай, иди, его тоже чем-нибудь тяжелым по черепу припечатай. Рука у тебя тяжелая, небось, сразу и пришибешь засранца. А подушки я новые куплю, если, конечно, до открытия магазина доживу. Когда будешь из спальни возвращаться, будь добра, пошарь кровавой ручонкой за чучелом филина — там, кажется, еще грамм десять кокаина оставалось. А я как раз проголодался. Все скушаю и сыт буду на жизнь вперед.

— Что ты несешь? — большие глаза Петуховой округлились.

— Если ты не будешь меня перебивать, я тебе объясню, что я несу, — и Руслан в третий

раз поведал свою фантастическую историю, начавшуюся возле входа на станцию Комсомольская московского метрополитена.

— Такая вот у нас с Пузднецовым незримая взаимосвязь оказалась, и пока я ему душу не верну, каждый день может стать для меня последним, — закончил повествование Руслан. В третьей редакции Шайморданов о моменте появления и роли Женевьевы умолчал.

— Знаешь, мне час назад этой же сказкой твоя мадемуазель Быстросуп по ушам ездила, — Валя хмыкнула. — Ну, я подумала, совсем девочка ку-ку. Типа, я ее по мозгам куриным сильно ушибла или она сама дури наглоталась...

— Дура, — еле слышно и совсем без акцента прошипела Жене.

— И ты заставила меня заново все рассказывать?! — Руслан болезненно отреагировал на пустую потерю драгоценного времени. Параллельно возникла и тут же исчезла мысль, что он давно не курил — даже безникотиновых вонючек.

— Во-первых, я тебя не заставляла, во-вторых, ты сам просил не перебивать, — Валя пожала плечами. — Все-таки, повредил тебя слонопотам индийский — от удара чуть Богу душу не отдал, вот она у тебя и двоятся теперь. А про кокс...

— Умница! — Шайморданов порывисто клюнул Валу поцелуем в истерзанную щеку. — Как я только сам не догадался! Когда человек умирает, душа покидает его тело. Так?

— Логично.

— В точку.

— Это же распространяется на клиническую смерть. Если человека потом реанимировать, он расскажет про полет по тоннелю, свет, зовущий голос и прочую галиматью. То есть, душа при остановке сердца отлетает, но при удачном повторном запуске возвращается.

— Допустим.

— Мое сердце остановить хотя бы на долю секунды, обе души освободятся. А потом, когда сердце снова застучит...

— Обе вернутся назад, — Валя скептически цокнула язычком.

— Блядь! — Шайморданов помрачнел и умолк на несколько секунд, после чего лицо его вновь просветлело. — Есть идея. Если сердце Пузднецова остановится одновременно с моим, но биться начнет чуть раньше — Зелибоба вернется не ко мне, а к своему законному хозяину. Потом заработает мой моторчик и — будьте любезны — проблема решена.

— И как ты себе это представляешь? — Петухова широко зевнула. — Идея может и хороша, только каким образом вас обоих сначала убить, а потом оживить, да еще и в правильном порядке? Если Пузднецов оживать не захочет, то до тебя, получается, очередь вообще не дойдет?

— Кто не рискует, тот не курит и не пьет, и девчонок не дерет. Дело рискованное, но и ставки высоки. Так что я вынужден настаивать на временном умерщвлении себя и Пузднецова.

— Я видела такое в фильме. Там человек, чтобы его душа покинула тело, залез в холодильник. А потом его подруга достала, дыхание в рот, сердце массаж... — Жене запнулась. — Правда, она еле успела.

— Даже если из нашего холодильника все полки повытаскивать, вы с Пузднецовым оба сразу в нем не поместитесь. И потом, в больницах для реанимации используют специальное оборудование, — считая происходящее горячным бредом, Валя все же серьезно подошла к

вопросу.

— Айн момент, — Шайморданов нашарил на полу трубку радиотелефона и набрал номер. — Алло. Сяпля? Доброе утро. Во сколько магазины бытовой техники открываются? Значит, к девяти часам дуй в ближайший магазин, купишь там холодильник... Цвет и марка — по херу. Размер нужен такой, чтоб человек в нем, не сильно скрючившись, стоять мог... Поясняю научно, насрать мне, сверху у него морозильная камера или снизу — хоть бы ее и вообще не было. Как купишь, сразу ко мне вези. За цену не парься, сочтемся. К десяти жду. Все, отбой.

— Чего ж ты его за импульсным дефибриллятором сразу не послал? — фыркнула Валя, поразив Руслана подкованностью во врачебной терминологии.

— Дебильятором? Это что есть? — переспросила Женевьева. — Такой штучка, который потьер одьин об другой и током в сьердце — бум! Да?

— Ага, одиночными электрическими импульсами шарашит. У меня мама докторшей на скорой помощи катается, говорит, дефибриллятором не одного синюшного с того света вытаскивали. Электрошок помогает в половине случаев, если сделать его в течение 5 минут после остановки сердца

— Купить, думаю, не проблема. Вот только пользоваться им кто-нибудь из вас умеет? — не дожидаясь ответа, Руслан продолжил. — Поэтому план действий таков: вызываем скорую помощь, мы с Ильей залезаем в холодильники и периодически постукиваем изнутри. Так вы узнаете, что мы пока еще живы. Врачи штурмует дверь, но вы их не пускаете — говорите, что заклинило, делаете вид, что пытаетесь выломать, имитируете истерику — ничего, подождут. Когда наш стук прекратится, ждете еще две минуты и впускайте реаниматоров. Убеждаете их, что в первую очередь откачать нужно Пузднецова — у него слабое сердце, в холодильнике дольше пробыл, в общем, придумаете что-нибудь — должно прокатить, сомневаюсь, что они с собой больше одного брылятора возят.

— А нас с этой курицей парижской не посадят по обвинению в покушении на ваши жизни? — сопротивляться натиску Шайморданова Валя не стала — знала, что это бесполезно.

— Не бзди, все на себя возьму, как только оклемаюсь.

— А если... — Женевьева шумно сглотнула. Ее черные глаза затуманились от внезапного приступа страха, как будто девушка только что поняла, в какую игру ей предлагают сыграть.

— На все случаи не перебинтуешься, — на щеках Руслана заходили взад-вперед бугры желваков. — Мы с Ильей напишем по предсмертной записке, если что — предъявите, кому следует.

— Божье мой! — Женевьева всплеснула руками, лицо ее из шоколадного переметнулось в землисто-серый цвет.

— Жене, все решено, — Руслан одну руку положил на плечо француженки, второй погладил по голове Валю. Петухова отвернулась, боднув воздух, но Шайморданов успел заметить бриллиантики слез, вспыхнувшие в уголках ее глаз. — Девчонки, на вас вся надежда. Не подкачайте.

— Хорошо, — прошептала Жене, Валя молча кивнула, не понимая за что судьба так к ней жестока — заставляет собственноручно сворачивать шею курице, несущей золотые яйца. Кто после смерти Руслана обеспечит ей такую сладкую жизнь? И вот ведь подлость — она

успела настолько привыкнуть к роскоши, что лишившись ее вряд ли надолго переживет Руслана.

— Шестой час, — глянув на сайгачьи черепа, сказал Шайморданов. — Валя, освобождай холодильник — сваливай все на пол, вытаскивай полки. Жене, буди Илью, объясни ему план. А я пока подготовлю предсмертную записку.

Петухова, не сдерживая больше слез, убежала на кухню, где принялась остервенело потрошить холодильник, расшвыривая продукты по углам, разбивая бутылки об пол и топчая мягкими подошвами тапочек хрусткие осколки. Вскоре ноги девушки были изрезаны в лоскуты, а растаявший на полу лед превратился в розовую от ее крови водицу, но Валя этого не замечала. Она завидовала женам шумерских монархов, которых заживо погребали вместе с почившими мужьями. Уж лучше так, думала Валя, чем стать дворовой блядью. То, что близость к великому и ужасному Шайморданову, держащему в кулаке целый район, ей не простят, Петухова знала наверняка.

Женевьева с трудом растолкала Пузднецова — Морфей никак не хотел выпускать храпящего и портящего воздух газами Илью из своих липких ладошек. Когда Пузднецов наконец пробудился, понял, кто он и где находится, Жене несколько раз повторила ему план Шайморданова. Усвоив суть, Илья не сильно удивился тому, что Руслан намерен заморозить его тепленьким — чем заканчиваются игры с Шаймордановым, Пузднецов знал не понаслышке. Все люди таскают за плечами собственную смерть, и лишь некоторые, подобные Руслану, еще сотню-другую чужих смертей. Недоумение вызывало только одно — зачем понадобились все эти экивоки с француженкой, театром и рестораном.

Под аккомпанемент бушующей на кухне грозы и монотонного занудства вопросов «А? Чё?» Ильи, Руслан пытался сосредоточиться на тексте записки, объясняющей нежелание продолжать влачить существование. «Прощай, жестокий мир. Мы с моим другом...» — написал Шайморданов, но тут же скомкал листок, посчитав, что выходит, точно они с Ильей — пара непонятых педиков. Этакие Ромео и Ждульет нашего времени. «Мы с моим другом оба влюблены в одну девушку. И он, и я любим ее одинаково страстно, она же не может определиться с выбором. Нельзя разорвать пополам живого человека, но можно прервать вражду, пока она не погубила все три жизни. Мы покидаем этот мир, желая ей только добра» — перечитав, Руслан подумал, что таким письмом ставит Валию в крайне неудобное положение. А если кто-нибудь пронюхает, что Шайморданов ушел из жизни, потому что не поделил девку, да еще не с птицей своего полета, а с известным дауном, о которого и ногти не вытирал — запачкаться не хотел? Вот уж действительно, лучше смерть, чем бесчестие. Подумав еще немного, Шайморданов вывел следующее — «Мы с моим другом — наркоманы, надежд на реабилитацию нет. Медицина бессильна нам помочь. Мы уже мертвы, но больше не можем вынести этого ада, кошмары преследуют нас во сне и наяву. Не хотим причинять боли нашим родным и близким больше, чем мы это уже сделали. Наша смерть бесконечна, и есть лишь один способ прекратить мучения. Нужно немедленно поставить точку». Не идеально, но, все же, почти правда. Признать себя наркоманом, паршивой собакой, на которую и пули жалко, покаяться и плевать на бесчестие — Вали, единственного человека, которого Руслан любил, это не коснется. А Пузднецов... В жопу Пузднецова! Действительно, на все случаи не забинтуешься. Как только Шайморданов подписался и поставил дату, к нему, не сговариваясь, подошли осунувшаяся неулыбчивая Жене, Илья, со щеками, поросшими похожей на пыльную паутину небритостью, и отсутствующим взглядом блуждающих глаз, полуживая Валя, оставляющая за собой цепочку

кровавых следов.

— Подпишись, — Шайморданов твердой не дрогнувшей рукой протянул Илье прощальную записку и ручку. Пузднецов, не читая, чиркнул свою незамысловатую завитушку. В течение часа, оставшегося до прихода Владика Сяпунов, все сидели молча — каждый мысленно прощался с той жизнью, которая больше никогда не вернется, как бы дело ни повернулось.

Ровно в десять часов утра раздался звонок, и на пороге появился Сяпля. Лихим матерком подбадривая сонных грузчиков, он организовал установку нового холодильника на кухне, бок о бок с уже имеющимся. Сам же откуда-то достал удлинитель и подключил ослепительно-белый ящик к сети электропитания. Новый холодильник довольно заурчал в такт со старым, только на пол тона ниже. Убедившись, что аппарат работает, Шайморданов сунул каждому грузчику по пятьсот рублей в нагрудный карман комбинезона, Сяпле вручил пачку растрепанный двадцатидолларовых банкнот, сдержано поблагодарив за расторопность.

— Может, еще чего? — спросил Сяпунов, косясь на углы кухни, погребенные под толстым слоем растоптанных продуктов и битого стекла, и пол, то тут, то там бурей мазками свернувшейся крови.

— Иди, Сяпля, иди, — небрежно отмахнулся Руслан, добавив в конце то, чего Владик уж никак не ожидал: — Прости, если что не так.

Недоуменно пожав плечами, Сяпля удалился вслед за грузчиками. И тут понеслось. Шайморданов затолкал вяло упирающегося Пузднецова в холодильник, три или четыре раза напомнив, что нужно стучать, пока руки слушаются. Чтобы дурень не выбрался раньше времени, Руслан подпер дверцу холодильника кухонным столом. Затем крепко поцеловал Валю в дрожащие бескровные губы, помахал Жене рукой и сам залез в соседний хладогенный ящик. Некоторое время девушки, точно в оцепенении, не позволяя себе ни вдохнуть воздуха, ни мигнуть глазом, слушали равный ритм перестукивания Руслана и Ильи. «Это безумие» — Валин шепот, нарушивший молчание, заставил Жене вздрогнуть от испуга, будто кто-то подкрался к ней сзади и гаркнул на самое ухо. Но то, что случилось дальше, испугало Женевьеву гораздо больше, чем два произнесенных слова — обессиленная Валя потеряла сознание и безвольно повалилась лицом вниз, что-то отчетливо хрустнуло в тот момент, когда ее голова достигла грязного пола. От этого звука ледяные муравьи бросились врассыпную по коже Жене. Упав на колени, девушка поспешила перевернуть Валю на спину, и чуть сама не лишилась чувств, не сумев даже закричать. Валин нос оказался рассеченным поперек хряща, нижняя половина болталась на лоскутке кожи, как откидная крышка зажигалки зиппо. Из левой глазницы, обнажив белую кость скулы, торчала стеклянная розочка — на бутылочном доньшке налипли ошметки вытекшего глаза. Женевьева выронила из рук мертвую Глову, которая, упав на пол с глухим стуком, повернулась к ней затылком. Если бы голова и плечи Вали не оплывали так стремительно растущей лужей крови, может быть Жене и удалось бы убедить себя, что все в порядке, все еще можно поправить... Тут француженка заметила, что находится в окружении звенящей тишины и больше не слышит перестука из холодильников. Как давно он прекратился? Сколько времени прошло с тех пор, когда Руслан и Илья потеряли возможность барабанить задеревеневшими костяшками по мерзлой поверхности дверец своих крохотных склепов? Жене не знала. Валина кровь, пустив по полу длинные глянцевые щупальца подтеков, добралась до ее колен, пропитав легкую ткань брючек липким теплом. Сорвавшись с места, девушка бездумной тополиной пушинкой

понеслась по опустевшей квартире, нелепо размахивая руками и взбрыкивая стройными ногами. Она схватилась за телефонную трубку, но, поняв, что понятия не имеет, ни как в этой стране вызвать помощь, ни из скольки цифр в принципе состоят московские телефонные номера, тут же ее выронила. Залетела в прихожую, попыталась открыть входную дверь, да лишь обломала ногти о непонятной системы замочки, кнопочки и цепочки — Шайморданов тщательно следил за неприступностью своего логова. Вновь прилетела на кухню, поскользнулась в остывающей крови, упала, вывернув лодыжку на девяносто градусов. Снова вскочила, даже не заметив травмы, отпихнула стол, подпирающий холодильник, в чьем желудке был законсервирован Пузднецов. Ночным мотыльком затрепетала возле вместилища Шайморданова, отчетливо представляя себе, как он, скорчившись в позе эмбриона, сидит внутри. На нем желтая майка лидера — «даже не пытайся быть Шаймордановым». Дверца ни одного, ни второго открываться не желала. Холодильники будто росли вверх, высились над девушкой белыми обелисками, своим невозмутимым видом давая понять, что добычи не выпустят, как устрицы, проглотившие песчинку, будут ждать до тех пор, пока пленники превратятся в кальциевые шарики жемчуга. Чувствуя, что теряет рассудок, Женева попыталась открыть окно, потом — выбить стекло, чтобы позвать на помощь, но четырехслойные пуленепробиваемые стеклопакеты даже не дрогнули. Они равнодушно сносили град ударов, которые она наносила им кулачками, кухонным ножом, разделочной доской, табуреткой...

Двигаясь как зомби, не чувствуя хромоты, француженка вернулась в комнату. Ее безумный взгляд наткнулся на висящий на стене двуручный прямой меч с рукоятью из кости моржового пениса. Осторожно взяв меч на руки, как грудного ребенка, Жене отнесла его в спальню, стащила с узкого лезвия ножны, швырнула их себе за спину и зафиксировала рукоять в куче подушек. Теперь меч серебряной иглой торчал вверх перпендикулярно полу. «Совсем как моржовый пенис» — безумно улыбнулась Жене, уперла острие между своих пышных грудей и медленно сползла на окрасившиеся алым подушки. Когда грудина уперлась в металлическую площадку эфеса, хрип пробитого легкого стих, кровь же изо рта лилась плавно и бесшумно, как сгущенное молоко в стакан крепко заваренного чая, впитываясь лебяжьим пухом и перьями. Знала ли Женева о том, что висящее на сцене в первом акте ружье обязано выстрелить в последнем акте, не известно. Но то, что сайгачий череп с гравировкой «X» на лбу ухмыляется, наблюдая ее тихую смерть пустыми глазницами, ей привиделось вполне отчетливо.

Когда в квартире не осталось ни одной живой души, незримому оку, продолжающему наблюдать за сложившимся натюрмортом, явился старик с молочно-белыми глазками — он проходил предметы и стены насквозь, ногами ступал по разлившейся крови и не оставлял следов, но при этом был материален. Хоть око и было незримо, а старик — незряч, слепец уставился точно на него, как в объектив скрытой камеры. И в тот же миг незримое око, высвеченное чужим взглядом, осознало само себя. Впервые оно поняло, что существует и при том автономно. Обнаружило, что у него есть собственное «я», и это «я» здесь является здесь посторонним. Ощупав себя изнутри чувственными пальчиками проснувшихся мыслей, око затрепетало от дискомфорта чувства пристыженности и страха. Его заметили, поймали за руку на непристойном деле, и теперь, возможно, даже накажут. Так себя чувствует мальчишка, наблюдающий за непонятной, но будоражащей воображение наготой взрослых, через щелочку замочной скважины. Мальчишка забывает обо всем, погружается в транс, превращается в бестелесный взор, прикипает к объекту наблюдения. Чем ближе объект

приближается к нему, сжавшемуся по ту сторону двери, тем с большей жадностью взгляд впивается в нагое тело, губкой впитывает открывшиеся детали и подробности, ранее не замеченные. И только если взрослый распахнет дверь, больно стукнув маленького шпиона по лбу, закричит на него, даст оплеуху, хрупкий момент рассыпется прахом. Мальчик снова станет самим собой, обретет тело, щеки и уши которого покраснеют, а на лбу вздуется шишка. Мальчик не сможет вспомнить, сколько времени его тело бездыханно, с остановившимся сердцем и немигающими глазами просидело на корточках возле замочной скважины, пока он сам был незримым оком.

25. Судный день

Она знала, что Леонид обязательно умрет...

Д. Липскеров «Леонид обязательно умрет».

Геши не было уже много часов, и Лёня успел утомиться бездеятельным ожиданием. Он пересмотрел по три раза любимые картинки в своей коллекции мужских журналов, которой по праву гордился. Слушал в плеере по кругу кассету немодной, но загадочно культовой джаз-панк группы «JERK the IRRESISTABLE», пока не сели батарейки. Эта музыка Лёне и слишком нравилась, так как, по его мнению, вобрала в себя худшие черты обоих смешиваемых стилей — занудство бесконечных джазовых импровизаций и грязный неряшливый звук плюс отвратительное владение музыкальными инструментами, свойственное для гаражного панка. Мешанина низкокачественных звуков «Неотразимого Мастурбанта» периодически разбавлялась вокальными партиями, исполненными нежным девичьим голосом, что было скорее плюсом. Последнее время Лёня предпочитал именно эту запись, его притягивало название профнепригодного коллектива — «Неотразимый Мастурбант» — будучи вторым, Пузырькову очень уж хотелось понять, как при этом можно быть еще и первым одновременно. Еще только из-за названия Лёня слушал немецкий электронно-альтернативный коллектив «K.M.F.D.M.», и то по неграмотности — считал официальной расшифровкой пятибуквия «Kill Mother Fucking Depeche Mode». В действительности «K.M.F.D.M.» обозначает «Kein Mehrheit Fuer Die Mitleid», то есть «никакой симпатии к большинству», и к нелюбимому Лёней депешмоду отношения не имеет. В прочем, кто знает, может быть оригинальное название пришлось бы Лёне ближе, чем скандальная утка.

Когда сели батарейки, а картинки по причине многократного тщательного изучения опостытели и вызвали лишь сдержанную зевоту, бороться с голодным бунтом в животе стало невыносимо трудно. Пузырьков вытянулся на койке и попытался уснуть. Сон подкрался к Лёне, но, испугавшись жутких завываний желудка, убежал, поджав хвост. Конечно, Пузырьков и сам мог бы о себе позаботиться — одолжить корытце рыхлой китайской лапши быстрого приготовления у сердобольной толстухи Кати, проживающей этажом выше, или снова попытать счастья с вьетнамским должником. К тому же, Лёня сильно сомневался, что Геша и впрямь сумеет раздобыть денег или чего-нибудь съестного. Но что-то заставляло Пузырькова одинокой собачонкой сидеть в четырех стенах, глотать слюну и каждую минуту поглядывать на дверь — не появится ли хозяин. Лёне даже расхотелось щелкнуть Гешу по носу, когда тот придет с виноватой улыбкой и разведет пустыми руками. Уж скорее бы он пришел — Лёня волновался за пропавшего друга, хоть

себе в этом и не признавался. Час от часу волнение росло, к сумеркам превратившись в муторную нервозность и навязчивое предчувствие чего-то нехорошего. Признаваться себе в чем то, или нет — дело хозяйское, но вот игнорировать жужжащую переспелой октябрьской мухой тревогу Лёня, почти полностью лишенный физических и моральных сил, не мог. Бледно-желтый день за окном сменился пыльным вечером, безлунным и беззвездным, как под шляпное пространство пожилого небогатого негра.

«Черт знает что! Это же просто, ну, ни в какие ворота! Пенек вам в срачку и пукало в растопырку! Оскотинились вы, господин Скотофеев, в дулю оскотинились — как другу говорю. А Прощка-то наш, слышали, что учудил? Голым обрядился и в страстную неделю к боярыне Пятижоповой, пока та на площади возле Покровов крестами себя крыла, верхом на верблюде безгорбом подъехал. Матушка, говорит, дозволю к одной пятой из святынь твоих животворящих причаститься. Боярыня за жопу схватилась и в визг, а Прощке будто того и надо — зубы скалит да елдак аршинный лярдом смазывает. Охальника, знамо дело, в острог, а Пятижопова, болезная, так по сей час и голосит — разобрало кликушество на шестом десятке. Ей-ей, господин Скотофеев, не вру я. А сами-то! Вы, господин Скотофеев, зазря урядника дегтем огорошили да паклей украсили, ей Богу, зазря. Урядник скотина знатная, но так и вы чай не приказчик — перья ему в зад петушины с разбегу пихать. Оскотинились, как есть, вам говорю...» — опереточным баском ревел Лёня, вращая выпученными глазами и поглаживая мнимую бороду. Таким образом он пытался развеять тоску, утопить ее в театрализованном бредставлении, а заодно заглушить собственным голосом кошачий концерт в животе. Но в картонную стенку общежития — канцелярская кнопка легко пробивала ее насквозь — постучался недовольный сосед — второкурсник Вахтанг Заплешивепаршивели. Вахтангу, после мучительно долгих ухаживаний (занявших пятницу, все выходные, да еще и понедельник со вторником) за Настей Булочко, наконец-то удалось затащить первокурсницу из города Химки в свою кают-компанию. И теперь, когда усталый день зарыл глаза, погрузив не зашторенные окна в интимный сумрак, а семерки на покатом брюшке портвейна троились, Лёнины экзерсисы мешали романтическому времяпрепровождению чрезвычайно. «Зачем с ритма сбываешь?!» — досадовал Вахтанг, выплевывая изо рта клочки Настиных трусиков. Юная Булочко поддерживала партнера громкой нецензурной бранью и оглушительным иканием. Недовольство одних соседей со скоростью падающих костяшек домино в ходе цепной реакции передалось другим. Не взирая на тот факт, что Лёня послушно заткнул свой фонтан, соседи слева и справа, а также снизу и сверху еще минут десять остервенело колотили в стены, пол и потолок. Когда народ все же успокоился, ругань и удары перестали сотрясать хлипкую коробку общаги, перед Пузырьковым снова встал более-менее вечный для мыслящего русского человека вопрос — что делать? Про сон можно было забыть — в соседней комнатухе Вахтанг надрывно скрипел пружинами матраса, а Настя стонала больной коровой — удивительно, что к ним в стену не стучался никто. «Наверное, все сейчас трахаются. Кроме меня. А Вахтангу просто не повезло с матрасом. И не стучат, потому что Вахтанг всем ритм задает» — угрюмо подумал Лёня.

Полежав час не сомкнув глаз, и уверившись в очередной раз, что горячего тбилисца хватит еще надолго, Пузырьков решил еще раз перечитать их совместное с Гешей детище. Так, освежить в памяти, может запятые какие поправить, ошибочки орфографические. Когда вернется Дружилкин, можно будет продвигаться дальше. Лёня взял со стола стопку исписанных листков, бережно погладил ее кончиками пальцев, и углубился в чтение.

Подслеповатый вечер уступил место непроглядной ночи, скрипы и стоны давно стихли, сменившись разнообразными храпами и посапываниями. Пузырьков скользил по строчкам, внося мелкие незначительные корректировки. Общая картина нарождающегося произведения радовала молодого человека красками и специфической атмосферой, а так же значительностью собственного вклада. Чехов устами доктора Дорна говорил «В произведении должна быть ясная, определенная мысль. Вы должны знать, для чего пишете, иначе, если пойдете по этой живописной дороге без определенной цели, то вы заблудитесь и ваш талант погубит вас». «Так то оно, конечно, так...» — параллельно неспешному чтению, думал Лёня, — «Идея проста и ясна — что лучше, быть бездушным бревном или одухотворенным злодеем. Нет, пожалуй, не так — энциклопедия мелкой жизни с детализацией ее ничтожности. Что с одной душой, что с двумя или даже без единой — один черт будешь всю жизнь крутиться как козел на привязи, только длина веревочки у всех разная. Тоже не совсем точно. Быть может, это просто комедия положений, беллетристика без глубинного смысла? Сложно определить, пока до конца не сочинили. Значит ли это, что мы с Гешей идем без цели? Вздор! Если мысль одинаково ясна всем и каждому с первого раза, ни шагу влево или вправо, значит, написал ты не литературное произведение, а азбуку или таблицу умножения. Что ж, ошибался Антон Павлович? Или, как знать, имел в виду...». Плавное течение Лёниных мыслей резко остановилось, чтобы тут же Ниагарским водопадом хлынуть с обрыва в бездну — когда в стопке оставалось не больше пяти-шести листков, он с удивлением и необъяснимым ужасом понял, что главы, которую он только что начал читать, раньше не было. Они с Гешей этим утром остановились на том моменте, когда к Шайморданову пришли Пузднецов и Беструссо. Жене разглагольствует о вере и науке, Руслан думает о душе, Пузднецов спит в подушках. Из ванной комнаты возвращается Петухова, взбрыкивает и бьет Руслана по голове бронзовой статуэткой Ганеша. Шайморданов теряет сознание. Все, точка. После этого Друзилкин отправился на добычу денег, а он, Пузырьков, целый день валял дурака, к тексту и близко не подходил, пока не решил его перечитать. Откуда тогда взялась еще целая глава? Лёня ущипнул себя, думая проснуться от странного кошмара — не страшного, но жутко пугающего. Ничего не изменилось — листки с неизвестным продолжением, как ни в чем не бывало, лежали себе под самым Лёниным носом. Мог ли Геша написать главу раньше и втихаря подсунуть ее в стопку? Пузырьков прочитал несколько абзацев и отказался от этой версии — повествование продолжалось ровно с того места, на котором оканчивалась предыдущая глава. Дыра в транс-временном континууме и несколько листов бумаги случайно оказались в прошлом? В невероятное Лёня консервативно предпочитал не верить. Но бумажки-то вот они! Хочешь, читай их, дотрагивайся руками, нюхай, изучай на просвет. Да хоть порви их — никто не узнает. По спине Лёни слизнем проползла капелька холодного пота. Повода для паники не было, но Пузырьков натурально запаниковал. Сличение почерков никакого осязательного результата не дало — его каракули походили на Гешины, как братья близнецы, да и писали они одной и той же ручкой по очереди. Почерк новоявленной главы из общей массы исписанных страниц не выделялся ничем. Бывает ли такое, что люди пишут в состоянии забытья и потом не могут вспомнить ни слова, даже самого факта написания чего-либо не помнят? Наверное, бывает. Но Лёня, к своему сожалению, сумел восстановить в памяти минувший день чуть ли не по минутам. Действительно, взять бумажки, да порвать. Нет, лучше сжечь — так надежнее. А пепел развеять — бумага все стерпит. Пузырьков припомнил, как Геша самодовольно спекулировал цитатой «рукописи не горят» и чуть не

заплакал. Все дурные предчувствия, злобными муравьями грызшие Лёнину душу, разрешились сами собой. Теперь он был уверен, что нечто ужасное не должно произойти, а уже происходит в эту самую минуту. И не с кем-то, а именно с ним. Сумасшествие? Вдруг, покажи он эти страницы кому-нибудь, тот скажет, что они девственно чисты и покрутит пальцем у виска? Какая разница! Для Лёни буквы и слагающиеся из них слова были такими же реальными, как он сам. Вот когда появится сомнение в собственной реальности, тогда и пора будет в дурку собираться. Безуспешно пытаюсь убедить себя в том, что ничего страшного по сути не случилось, Лёня взъерошил волосы дрожащей пятерней и собрал всю волю в кулак. Он решил прочитать то, что пугало его до потери пульса. В конце концов, шептал Лёня спасительную мантру, это же всего-навсего наша с Гешей повесть. Что в ней может быть опасного? В ней и в ее продолжении, написанном Бог весть кем, где и когда...

Первые четыре из пяти страниц дьявольской главы Лёню немного успокоили. Содержание, стиль и язык вполне соответствовали настроению ранее написанного. В том же ключе соавторы и сами могли сочинить продолжение, что, скорее всего и сделали бы прямо сегодня, не отлучись Дружилкин на заработки. Точнее, не обзови Лёня своего друга приживалой и не укажи ему на порог. «Эх, Геша, Геша. Где-то ты теперь?» — тоскливо вздохнул Пузырьков и продолжил чтение. Пятая страница пришлась Лёне ударом под дых и заставила вмиг забыть о беспокойстве за припозднившегося друга. Читая строчку за строчкой, Пузырьков холодел, чувствуя, как волосы дыбом встают на его голове. В результате остроумной идеи Шайморданова — с двумя холодильниками и вызовом скорой помощи, трагически и нелепо погибла Валя Петухова. Упала лицом на осколок бутылки, которую сама же и разбила. С садистским удовольствием неизвестный описал изуродованное лицо мертвой девушки. Женева в квартире Руслана оказалась как в западне, не смогла ни вызволить Шайморданова с Пузднецовым, ни позвать на помощь. Руслан и Илья замерзли, как две свиные туши в холодильнике. Жене, судя по всему, помрачилась рассудком и нанизала себя на меч, придуманный Гешей для прошлой главы.

Но ведь Геша выдумал этот сумасшедший артефакт хохмы ради! Это ведь смешно — меч с рукоятью из моржового хрена! Липкий холодный пот затек Лёне под веки, глаза невыносимо щипало. Утирая тыльной стороной ладони и пытаюсь сморгнуть проступившие слезы и пот, Пузырьков внезапно рассердился. «Как можно было так бездарно угробить двух основных и двух второстепенных персонаже! И что, на этом все? Конец? Потолкались, потерлись жопами и сыграли в ящик?! А забавная француженка марокканского происхождения, сексуальная, добрая и безотказная, чуточку глуповатая и наивная? Разве она должна была почувствовать на себе ответственность за смерть трех мало знакомых людей? Возможно ли, что персонаж с откровенно комической фамилией Беструссо поскользнется в луже теплой крови, вывернет лодыжку, сойдет с ума и бросится на какой-то херов меч?! Валя Петухова — для того ли мы придумывали тонкости их отношений с Русланом, такой типичный, но неповторимый индивидуальный характер, чтобы она, как пьяный бомж, напоролась на розочку? Нет! Нет! И еще тысячу раз нет! Нужно быть идиотом, мудаком конченным, а не писателем, чтобы такую кровавую баню — концовочку после всего устроить! Да даже если бы мне просто надоело писать, я бы лучше бросил на середине, чем так вот! Я с таким концом не согласен. И Геша никогда в жизни бы не согласился. Почему бы тогда было не убить Пузднецова сразу же, в первой главе! А Шайморданова вообще прописать мертворожденным! На Валю и Жене хуй забить, даже не упоминать их — отличная бы повесть получилась в двух предложениях» — ярость Лёни

была настолько сильной, что он почти забыл о таинственном происхождении возмущившего его текста. Страх немного ослабил хватку, пот и слезы на лице Пузырькова высохли от жара праведного гнева. Собираясь порвать кощунственную писанину, Лёня заметил, что смертью Жене глава не заканчивается — поверх белизны бумаги синее еще один абзац. Не понимая, как и почему, Лёня вновь оказался с ног до головы мокрым от ледяного пота. От злобной уверенности не осталось и следа, когти безотчетного ужаса опять сомкнулись не его горле, едва позволяя дышать.

Трясаясь как в лихорадке, Пузырьков прочитал последний абзац и сдавлено вскрикнул. Он все понял. Незримое око — это они с Гешей. Они, словно дети, спрятавшиеся за дверью или в шкафу, шпионят за своими персонажами, оставаясь незамеченными. Они, писатели, невидимые режиссеры и операторы, летают над головами людей, залезают в их спальни, проникают в ваннные комнаты. Теряя собственные тела, забывая об их существовании, достигают оргазма одновременно с парочкой описываемых партнеров, морщатся от боли, которую испытывает тот или иной поранившийся персонаж. И ужас, парализовавший Лёню, ни что иное, как удар по лбу резко открывшейся дверью, в замочную скважину которой они с Гешей с таким упоением вглядывались. А за ударом — позор, стыд и угроза расправы. Ведь, по сути дела, они не только подглядывали за частной жизнью людей, часть из которых не выдуманы, а реально существуют, живут со своими чувствами, делами и заботами. Именно Они с Гешей, скрываясь в своем наблюдательном пункте, заставляли этих людей раздеваться и позировать перед замочной скважиной. Не их шпионское любопытство возникает по причине существования обнаженной натуры за дверью, а обнаженная натура возникает за дверью из-за бесцеремонного любопытства незримого ока. Доигрались, как и пророчил Чехов, ступили на живописную дорогу, ведущую никуда. Даже хуже, чем никуда — к гибели.

Лёня, движимый животным страхом и слепым инстинктом самосохранения, рванулся с кровати, намереваясь в два прыжка покинуть комнату и избежать кары. Но порыв оказался неудачным — со всей силы гулко упечатавшись лбом о раму второго яруса кровати, он безвольно повалился обратно. Кровь из рассеченного лба потекла по лицу и вместе с ней, теряя сознание, понял Лёня, вытекает его жизнь.

Пузырьков — виделось ему размыто — лежал в гробу, и ни один венок или траурная лента не украшали его груди. По очереди к гробу подходили желающие попрощаться. Первым подошел Руслан Шайморданов, наклонился к холодному лбу покойника, точно для поцелуя, но, вместо этого, плюнул жаркой слюной. Пузднецов, сам напоминавший труп, на секунду остановился возле тела и, даже не удостоив преставившегося взглядом, пошел дальше. Валя Петухова, одетая во все черное, сжимая в руке две алые гвоздики, вставила в Лёнины ноздри по цветку, фыркнула и удалилась. Женеваева, подойдя к гробу вплотную, задрала пеструю юбочку (вместо горошин ткань украшали довольно улыбающиеся круглые черепа), повернулась задом, приспустила трусики, чуть присела и обдала оплеванное лицо зловонными газами. Следом шли Владик Сяпля, хакер Крыса, Шамиль Нафиков с ключьями пены вокруг черного провала рта, родственники Шайморданова во главе с дедушкой Рашидом, семейство Удальцовых с заштопаным шарпеем Мотей на длинном поводке. Здесь же были директор школы Валерий Петрович под ручку с физруком, сторож дядя Вася, весело позвякивающий при каждом шаге — из каждого кармана его бесформенного ватника торчало по горлышку початой водочной бутылки, одинокая пенсионерка Нина Федеровна в сопровождении десятков кошек... Очередь казалась бесконечной. Каждый подошедший

щипал мертвеца за щеки, втыкал в незрячие глаза зубочистки, произносил оскорбления и проклятья, резали бритвами щеки и подбородок, вонзали ножи под ребра и в живот. Артем Удальцов приподнял над гробом зашитого Мотю, и пес тут же излил на грудь Лёни тугую аммиачную струю. А ветхая Нина Федоровна, скаля обнаженную челюсть (щеки и губы были съедены кошками), впилась четырьмя оставшимися зубами в нос Пузырькова. Откушенный кровавый кончик бабушка заботливо сплюнула в гущу своих любимиц, которые, наплевав на правила приличия и траурный этикет, устроили безобразную драку за право скушать лакомство. Похоронную процессию замыкали два персонажа, которых мертвый Лёня, похожий на утыканную булавами куклу Вуду, слепленную из соломы и фекалий, узнал не сразу.

— Э... добрый вечер... — конфузясь и глядя себе под ноги, сказал первый. Внешне он напоминал румяного фарфорового пупса с большими прозрачными глазами голубого стекла. — Вы нас, наверное, не помните...

— Пухлячок, да чё ты с этой падалью трешь? — второй молодой человек, длинный и тощий, с бледными, изрытыми оспинами, щеками. — Эта сука нам кислород перекрыла, а ты ему «добрый вечер»!

«Пухлячок и Пачкун!» — осенило Лёню. — «Точно! Это же я отговорил Гешу от идеи написать про них цикл рассказов...»

— Ухи ему, шакалу, по самый хвост оторвать за такое, — продолжил Пачкун грубым и ломающимся, как ржавая кофемолка, голосом.

— Кажется, уже... — изумился Пухлячок. Действительно, левое ухо Лёне скрутил Владик Сяпунов.

— Дрочиться надо, когда кажется, лапоть, — Пачкун вытащил из широкой ноздри зеленую козявку и щелчком отправил в гроб. — Левое оторвали, за то правое на месте.

— Ну, знаете, это уже как-то слишком... да и запах... — Пухлячок отпрянул в сторону, спрятав руки за спиной.

— Эх ты, чумадан драный, — Пачкун крикнул и рванул за правое ухо, и оно с треском отделилось от Лёниной головы. — Во! Совсем другой компот!

— Правда? — Пухлячок улыбочиво вздулся. — Я вишневый компот люблю, с ягодками — он такой кисленький. Бр!

— Пошли отседова, — Пачкун сунул трофейное ухо в карман и увел Пухлячка от окончательно оскверненного тела Пузырькова.

«Правильно, поделом мне», — чувствуя, что начинает портиться и наливаться трупным ядом, сокрушенно думал Лёня. — «Чего меня дернуло в эту аферу впрячься? Мне по жизни писательство в сраку не уперлось, а тут поди ж ты! Страдает графоманией Геша, а я теперь давай, расхлебывай. Совсем мертвый стал, как хрен знает что... И что дальше? Так меня в гробу и бросили, земле не предав. Гнить трупом да белеть костями до скончания времен? Не такой я себе жизнь после смерти представлял... уж лучше бы ее вовсе не было, этой посмертной жизни!».

Погруженный в свои дохлые мысли, Лёня не заметил, что один из персонажей так и не появился на его похоронах. Да и стоило ли задуматься, почему дряхлый слепой старик не пришел с ним попрощаться?

26. Реки вспять

Я все понял — это неправильные пчелы и они делают неправильный мед.

Релика Винни-Пуха из м/ф «Винни-Пух»

Алексей подробно объяснил Геше, как кратчайшим путем добраться до общежития — всего-то квартала три-четыре. Но Друзилкин был настолько счастлив и беззаботен, что ни одна мысль не удерживалась в его переполненной воздушными мечтами голове. Естественно, Геша заблудился, сам того не заметив, — он просто гулял по темным улицам, пока небо из темно-синего не стало грязно-серым, а над домами забрезжили первые лучики солнца, пыльного от городского смога. Бессонная ночь никак на воодушевленном писателе не сказалась — шаг пружинил, бедра еле заметно виляли, намекая на игривость настроения своего владельца, ввысь возносилась насвистываемая мелодия. «Здравствуй, утро!» — радостно воскликнул Геша и громко рассмеялся, когда не замечать наступление этого времени суток и дальше было уже невозможно — слишком уж много угрюмы сонных людей, спешащих на работу, встречалось по пути. Они со злобной завистью смотрели на бодро вышагивающего Гешу, увидев его широченную улыбку, понимали, что настроение на весь день испорчено, и воротили носы. Один прохожий, не выпавшийся и похмельный, специально споткнулся, в результате чего основательно наступил Геше на ногу. Эта мелкая бытовая неприятность на мгновение спустила сверх нового гения с небес, но и этого хватило, чтобы Геша вспомнил о земных заботах. «О-ё-ёй» — спохватился он, — «Лёня ждал ужина, а тут уж и для завтрака поздновато будет». Оглядевшись по сторонам, Геша с облегчением обнаружил, что находится совсем недалеко от общаги. Продав заработанные доллары в ближайшем пункте обмена валют, Друзилкин опрометью бросился в ближайший продуктовый магазин. Через десять минут, держа в каждой руке по тяжелому пухлому пакету, набитому изысканными яствами и качественным алкоголем, он поднимался по узкой лестнице — транспортной артерии коробки общежития.

— А вот и я! Заждался?! — Геша ногой открыл дверь Пузырьковской кельи. — Просыпайся! Ужин проспишь, тетеря сон...

Последнее слово, ровно наполовину выйдя из Гешиного рта, застряло — ни туда, ни сюда. Улыбка сползла с лица и, сочно чавкнув, шлепнулась к ногам. Пакеты выпали из рук, вываливая из своих широких сомовых пастей содержимое — клубки нежно-розовых, как младенец, сосисок, бело-красные упаковки крабовых палочек и празднично яркие пакетики чипсов. Бутылка хорошего массандровского портвейна от негостеприимной встречи, оказанной полom, разбилась, наполнив комнату пьяно-фруктовым ароматом.

Повинен в резком изменении настроения Геши оказался Лёня — он лежал поперек кровати, ноги на полу, руки раскинуты по сторонам, глаза открыты, на лбу кровавой лилией зияет вмятина.

— Лёня Лёничка да что же это да как же ты так Лёня ну пожалуйста миленький прошу тебя все хорошо только ты пожалуйста не надо Лёничка ведь все же я не надолго а ты пожалуйста не надо как же так... — Геша бросился к телу друга, не зная, что делать, гладил его по щекам и приминал ладонью растрепавшиеся волосы, ронял слезы на еще свежую рану. — Лёня не оставляй меня я же совсем не надолго и как теперь мне пожалуйста не надо ну пожалуйста вот я и покушать принес мы с тобой сейчас ужин вот он смотри ну скажи мне хоть что-нибудь скажи хоть слово посмотри на меня Лёня-а-а-а-а-а!!!

Голова Геши соображать отказывалась напрочь, но в сердце уже появилась свинцовая

дробинка чувства вины, которой в скором времени (когда мыслительные процессы возобновятся) предстояло вырасти в полноценную пудовую гирю, тянущую вниз, на самое дно ада. Уж слишком четко на карте жизней, где переплелись судьбы Друзилкина и Пузырькова, прорисовывалась точка невозвращения — развилка, на которой Геша выбрал неверную дорогу. Ведь если бы Геша не шлялся всю ночь счастливым идиотом по улицам, а поспешил вернуться к другу, тот был бы сейчас жив. Или нет? Поздно об этом думать, но ударься Лёня головой в присутствии Геша, друг оказал бы ему первую помощь, вызвал врачей, сделал искусственное дыхание или наружный массаж сердца — да хоть что-нибудь, чтобы спасти жизнь самого близкого человека в мире. Но получилось так, что Геша рядом не оказалось, придя, он уже не мог сделать ничего. И с этим придется жить все оставшуюся жизнь, не прощая себя, не придумывая себе оправданий — их беспощадная совесть все равно не примет. Не вспомнил, не подумал, не почувствовал — виновен. Слезы искреннего горя — не искупление, самобичевание — не наказание. Живи, Геша, живи, и попытайся забыть — вдруг да получится. А если не получится, наложи на себя руки или заточи себя в темницу пожизненно — один на один с комплексом вины, умри внутри нее, продолжая по привычке передвигаться, поглощать пищу, разговаривать. В любом случае, жизнь — то, что раньше для тебя было жизнью — не вернется. Останутся только тяжесть в сердце, кошмары по ночам, покорность любым невзгодам, восприятие их как справедливой кары, постоянное прокручивание в голове черного дня — точки невозвращения. И никакого облегчения, лишь замкнутость и моральное уродство. Геша, ссутулившись, сидел на краешке кровати и смотрел в окно — утро казалось отнюдь не добрым, небо затянули тучи, моросил дождик, чертя косые полосы на грязном стекле. Норма жизни, вселенский закон сохранения энергии — уверовав, что пережил счастливейший день, готовься пережить день чернейший.

— Не-на-ви-жу! Не прикоснусь больше ни к ручке, ни к бумаге, строчки не напишу, а если напишу, то отрублю себе руку, клянусь! — дробинка, тяжелеющая с каждой секундой, уже выросла до полукилограммовой гирьки.

— Ну, смотри у меня, если наврал, — услышав слабый голос Пузырькова, Геша чуть не запрыгнул на потолок.

— Лёнячка, жив! Живой! Родной ты мой! Живой! Счастье-то какое! Голодный, да? Я сейчас все сделаю... — Пузырьков смеялся сквозь слезы, целовал лицо друга, грел его холодные ладони в своих руках и снова смеялся, смеялся, смеялся.

— Врача позови, придурок, — морщась от адской боли, раскалывающей голову на куски, шипел Лёня, тщетно пытаясь увернуться от влажных ласк.

— Я мигом, Лёнячка, только ты лежи, не двигайся, ч сейчас, мухой слетаю, не волнуйся, я быстренько... — не переставая нести что-то радостно-успокаивающее, Геша выбежал из комнаты.

— Ох уж мне эти творческие натуры, — вздохнул Лёня и закатил глаза.

Доктора Геша отыскал и привел действительно очень быстро.

— Как он, доктор? Это опасно? Состояние не очень тяжелое? Его увезут в больницу? Когда он сможет встать с постели? Как часто повязку менять? — пока врач обрабатывал рану перекисью водорода и обматывал голову Пузырькова бинтом, Друзилкин вился вокруг, как голодная оса над розеткой малинового варенья.

— Вместе живете? — как-то странно покосившись на рассыпанные по полу продукты, спросил доктор, закончив с Лёней.

— Уже несколько дней, но...

— И как, нравится вам это? — доктор нахмурился.

— Ну, да...

— Счастливого медового месяца, молодожены. Больше не ссорьтесь, — с этими словами доктор ушел, не закрыв за собой дверь. Из коридора слышалось эхо затихающих шагов и бормотанье: — Тьфу, развели петушарню...

— Ты ему что про мою травму сказал, паразит? — Лёня цедил слова сквозь зубы, сверля глазами в Геше дырку за дыркой.

— Как, что? — опешил Геша. — Что ты головой о кровать ударился.

— Слава Богу, не ляпнул, что ты меня сковородкой по лбу приголубил.

— А... — Геша густо покраснел, метнулся к двери, высунул голову в пустой коридор и крикнул: — Хам! Гомофоб сраный!

— Полегчало? — Лёня немного оттаял.

— Хватит издеваться, — после бессонной ночи, пережив в течение суток два счастливейших момента и один скорбный, Геша почувствовал тысячулетнюю усталость и решил, что право на раздраженность заслужил. — Ты мне лучше сам поведай, что с тобой приключилось. А то, знаешь, я и сам не понимаю, с чего тебе вздумалось полчерепа снести.

— Сейчас узнаешь. Не удивлюсь, если тебе после этого захочется снести себе череп целиком, — и Лёня, жадно глотая сосиски и крабовые палочки, пересказал Геше мистическую историю, приключившуюся с ним прошлой ночью. Молодой писатель слушал внимательно, не перебивая.

— ...так что удивительно, как мне удалось выжить. Но предупреждаю — висеть на кресте вместо тебя я больше не собираюсь, — закончил Лёня — сосиски тоже закончились. Геша молча подобрал с пола страницы повести и собственными глазами убедился в том, что новая глава действительно присутствует. Мог ли Пузырьков написать главу в его отсутствие и выдумать бредовую историю про ее мистическое происхождение? Геша прекрасно помнил свои чувства, когда пришел с прогулки и обнаружил, что Лёня за два часа умудрился сочинить целых три качественные главы. Есть ли нить, связующая эти два момента?

— Если ты неверишь мне сейчас — мы больше не друзья, — будто прочитав Гешины мысли, предупредил Лёня, — я сию же минуту выставлю тебя за дверь и забуду о твоём существовании, обещаю.

— Что ты, что ты, конечно же, я тебе верю, — Друзилкин испугался вновь потерять друга.

— Если веришь, то скажи мне, что думаешь по этому поводу, — Лёне требовались доказательства лояльности друга.

— Есть у меня теория по этому поводу, — Геша дал волю своей писательской фантазии и теперь породить в нем сомнение не смог бы ни один из доводов логики. — Произведение, в которое автор вкладывает слишком много себя (читай — своей жизненной энергии), становится живым, по сути, организмом. Ожившее произведение ведет себя почти как человек — у него появляется характер, настроение, чувства и желания. Наш с тобой рассказ, думаю, как раз из таких живчиков. Мы оставили его недописанным, забросили из-за того, что проголодались. Вот он и стал расти самостоятельно.

— Замечание номер один: если он так хотел вырасти, то почему в первой же написанной им же главе фактически покончил жизнь самоубийством — написал предсмертную записку и уколошил основных персонажей? Да еще с таким садистским смакованием подробностей! Это же самый настоящий суицид!

— Ой, смотрите все — подборник нравственности и морали проснулся! Думаешь, сценка с умерщвлением ни в чем не повинного шарпея Моти была не садистской? Твоего пера дело, между прочим. Кстати, и более тошнотворные описания встречаются. Так, в одной книжке прочитал, что мужика по всему периметру прибили гвоздями к стене и полу, отрезали причиндалы и заставили его жену их слопать. Каково тебе такое?

— Хватит порожняк толкать. Ты от нашего совместного кошмара не отвлекайся, пожалуйста. Зачем повести самой ставить на себе крест... или, точнее сказать, жи-и-ирную точку?

— А разве люди поступают не точно так же? Неразделенная любовь, одиночество, ревности — разве из-за этого люди не накладывают на себя руки? Для нашего детища такой причиной, думаю, стало наше эгоистическое поведение — он почувствовал дефицит внимания. Так что, попытка убить себя — это крик о помощи, способ напомнить о своем существовании.

— Допустим. Тогда замечание номер два: почему рассказ не попытался расти самостоятельно раньше? Помнится, когда мы с тобой поссорились, ты несколько дней не писал — наркоманский бред не в счет.

— Тоже объяснимо, — Геша пропустил шпильку про наркоманский бред мимо ушей, — в то время рассказ еще не был живым. Или, что скорее всего, был еще слишком мал для самостоятельного роста.

— Что, теперь хоронить нашего первенца по христианским законам?

— Зачем? — искренне удивился Геша. — Это же все-таки литературное произведение, а не человек. Мы просто последнюю страничку ампутлируем и напишем хорошее продолжение и конец. Пациент операбелен и реанимабелен.

— На мой нюх, так эксгумацией пахнет, — Лёня зябко поежился. — По правде сказать, после того, как я узнал, что мы с тобой незримое око, сочинительством заниматься не тянет.

— Тю, какие мы нежные, нам страшно, нас не тянет сочинять, — Геша передразнил Лёню. — Мы пустим реки вспять, и будет на Марсе рожь колоситься! Мы, друг мой, спасем всех! Все в наших руках. Мы продолжим повесть. И перестанем быть незримым оком.

— Кажется, кто-то клялся отрубить себе руку...

— Вздор! Руки будем после рубить, а сейчас начинай разминать свою ушибленную голову, соавтор.

27. Скрытые возможности ассоциативного мышления

— *Вы все? Я занималась любовью со всеми вами? ...Билл? Что это?*

— *Это был тттвой способ вывести ннас... Беверли, тттты не понимаешь? Это был ттттвой способ вывести нас! Мы все... но мы были...*

— *Теперь ты помнишь остальное?...*

— *Не тттточно. Но... Что я действительно вспомнил, так это, что мы ххххотели выйти. И я не уввверен... Беверли, я не уверен, что взрослые могут так делать.*

Стивен Кинг «ОНО»

— Ну-с, приступим, — выпроводив Владика вслед за грузчиками, Шайморданов в обоих

холодильниках повернул регуляторы температуры на максимальную заморозку и затолкал Пузднецова в ближайший.

— Ильюша, не забывай стучать, — Жене сложила ладошки в молитвенном жесте и прижала их к аппетитной грудке. Руслан же подпер дверцу холодильника табуреткой, чтобы Пузднецов не дезертировал.

— Ровно через десять минут вызывай медицинских братиков и сестричек, — Руслан коротко обжег Валины губы поцелуем, чмокнул Жене в щечку и скрылся в соседнем хладогенном ящике.

В гробовом молчании девушки вернулись в комнату и уселись на полу перед огромными костяными часами, прилипнув немигающим взглядом к минутной стрелке.

— Не тикают. Можьет, сломались? — забеспокоилась Жене — время то ли остановилось вовсе, то ли ползло со скоростью улитки, вознамерившейся покорить Фудзи.

— Они никогда не тикают — бесшумный механизм, — Валя беспокоилась ничуть не меньше Женевьевы, ей тоже казалось, что они уже не один час сидят напротив сайгачьих черепов. Тягостное напряжение росло, а проклятая стрелка так и не сдвинулась с места.

— Когда я со своим другом Кретьеном ходила на пляж, он устраивал длья меня солярные часы... — чтобы как-то разрядить атмосферу, Жене предалась воспоминаниям.

— Наливал в банку солярку, поджигал и засекал время, в течение которого она выгорала?

— Ньет, как это по-русски... о! Солнечные!

— А, типа, втыкаешь палку в песок, и тень от палки бежит по кругу?

— Прьинцип такой, но... мы ходили на ньюд пляж... натураль... — не знаю, как по-русски — Кретьен ложился на спину и я...

— Вот! Смотри! — закричала Валя, недослушав про солнечные часы. — Она сдвинулась на одно деление — была на трех косточках, а сейчас уже на четырех.

— Прошла только одна мьинута?! — Жене мученически закатила глаза.

— Ага, — вздохнула Валя, чувствуя, что к тому времени, когда проклятая стрелка пройдет еще девять делений, она уже будет глубокой старухой.

— Я так больше нье могу! Нужно что-то дьелать!

— И без тебя тошно! Так что сделай одолжение, заткнись, су... — договорить Валя не успела — горячие влажные губы француженки залепили ее рот, а свежий, как мятная конфетка, проворный язычок хозяйски прогуливался за щеками. Петухова, бешено вращая глазами, замычала, попыталась оттолкнуть Жене от себя, но гибкое тело парижанки оплело ее в объятьях — одна рука юрким зверьком проскользнула под халатик и ласкала тугую грудь, вторая нежно пощипывала упругие ягодицы. Язык Женевьевы в Валином рту от мягких ласк перешел к агрессивному наступлению — то сворачивался трубочкой, то завивался спиралью, вращался винтом, не упуская ни одного уголка, сжимался и разжимался, сокращаясь, словно в предсмертных судорогах. Соппротивление было сломлено. Приглашая Валу принять участие в этой игре, Жене чувствительно прикусила нижнюю губу Вали. Петухова вскрикнула от сладкой боли и тут же наградила нахапку ответным укусом. Теплые ладони француженки легко скользили по телу партнерши, волшебным образом отыскивая на нем самые чувствительные места, которые тут же отзывались на ласку — сладкая истома переполнила Валу. Она развела бедра и добивала к двум ласкающим ее рукам третью — свою собственную. Заметив, что Валя эгоистично занимается собой, Жене

рыкнула недовольной львицей и сильным толчком повалила ее на спину. Как ураган срывает листья с деревьев, Жене единым порывом избавила от одежды себя и распластавшуюся на полу Вали. Увидев над собой круглую попку и темную линию лона Жене, Валя исступленно застонала и потянулась к этим сокровищам, как младенец ручонками тянется к материнской груди. В течение нескольких мгновений француженка позволяла ей гладить свои ноги и внутреннюю сторону бедер, затем, резко отпихнув протянутые руки, уселась своей наготой прямо на Валино лицо, и тут же шаловливый язычок оказался в ней. Валя присосалась к источнику живительной, терпко пахнущей влаги, будто хотела напиться ею на жизнь вперед. Жене, вскрикивая и кусая губки, изогнулась дугой и погрузила свое лицо в трепещущую шелковистость исходящей соками Петуховой. Облизывая друг друга, кусая, тиская и сминая в руках, девушки одновременно содрогнулись в волнах космического оргазма, но даже не подумали остановиться. Второй пик наслаждения, многократно превосходящий по силе своего предшественника, не заставил себя ждать. Валя, не отрывая губ от сочащегося лона Жене, закричала в голос — такого она еще не испытывала никогда и ни с кем. Третья волна, как цунами, сокрушила все мосты, связывающие Валью с ее разумом, и заставила ее тело биться эпилептических судорогах. В полном умопомрачении Петухова запрокинула голову (может быть, сработал инстинкт самосохранения — не оторвись она от Жене-вьевы, задохнулась бы наверняка) и неожиданно обмякла. До слуха француженки до несся звук удара, приглушенный мягкой звериной шкурой, устилающей пол. Мгновенно придя в себя, Жене слезла с партнерши и, как учили в школе для герл-скаутов, положила влажные от пота пальцы на ее шею. К облегчению девушки, ровный довольно сильный пульс прощупывался безошибочно. Валя то ли потеряла сознание от эмоционального и физического переутомления, то ли слишком большая доза коктейля тестостерона и адреналина послала ее нокаут, или просто слишком резко откинулась и сильно ушиблась затылком. В любом случае, перед Жене лежало неподвижное бесчувственное тело, медленно остывающее после горячих любовных игр. Хлестанье по щекам и обливание холодной водой результатов не дало — Валя, с застывшей счастливой улыбкой на губах, возвращаться к новой подруге не спешила.

— Блядь! — Жене-вьева подняла глаза на часы — десять отмерянных минут истекли. Сохраняя самообладание, девушка поняла, что командование парадом придется взять на себя, так же как ответственность за две, а то и все три (может статься, что Вале тоже требуется медицинская помощь) человеческие жизни. Юная мадемуазель Беструссо, убедившись, что Руслан с Ильей, как упорные томминокеры, продолжают стучать в дверцы своих холодильников, быстро отыскала в квартире-юрте трубку радиотелефона. Телефона скорой помощи, так же как и любого другого московского номера она не знала. За то Жене прекрасно знала клавишу повторного вызова.

— Аллё, Руслан? — на телефоне высветился номер Шайморданова и Сяпля взял трубку после первого же гудка.

— Ньет! Он в холодильнике! И Ильюша тоже! Нужен амбуланс... как это будет?!.. срочный помощь! Валья льежит! Срочно! Скоро оныи стучьять пьерестанут! Нужно звоньить! Поньимайт?! Бистро! Скажьи мнье номьер и сам... — панике Жене-вьева не предалась, но все же нервничала сильно, поэтому говорила очень быстро, что пошло в ущерб ее русскому.

— Понятно, — Сяпля выключил телефон. Из обрывочных фраз девушки он понял только одно — в логове Шайморданова творится нечто из ряда вон выходящее. Мысли, что Руслан поделился с Жене своими волшебными таблетками или порошками, и ее истеричный

звонок вызван банальным бэд трипом, не возникло. «Возмездие» — думал Владик, вытаскивая из своего мобильного аккумулятор. Сяпунов ненавидел патрона всей душой — за его удачу, холодную расчетливость, проницательный ум, власть и силу, за то, что заставил его собственными руками лишить жизни лучшего друга — Шамиля Нафикова, за связь с первой красавицей района — Вале́й Петуховой, в которую сам был влюблен с пятого класса школы. Даже за то, что Руслан каждый день пудрил нос коксом, а он себе такого позволить не мог. Яд ненависти отравлял кровь Владика, делал ее черной и едкой как кислота, но страх был сильнее. Поэтому он добросовестно и беспрекословно исполнял все поручения Руслана, тайно надеясь, что злодеяния не сойдут злему гению с обагренных кровью рук. Когда высшие силы покарают Руслана — вот тогда-то Владик рассмеется и плюнет в бесстыжие мертвые глаза, тогда он получит все, что ему почитается — деньги и власть, станет новым драконом, только «хорошим». Этой минуты он ждал долго, очень долго, и готов ждать еще хоть сто лет — решил, что ради этого не будет ни стариться, ни умирать. Но даже сейчас, когда гром и молнии вот-вот обрушатся (если еще не обрушились) на Руслана, Владик опять струсил — гибель дракона — слишком хорошо, чтобы быть правдой. В любом случае, решил он, даже намек на мою причастность к этому делу быть не должно. Шайморданова не любил никто, но его окружение отомстит за смерть крестного папы просто так, из принципа. Так как Сяпля действительно к разыгравшейся драме отношения не имел, алиби он себе придумал безукоризненное — шмонался на районе, позвонила французская булка, шпарила что-то не по-нашенски — хер просышь, чего хотела, посадила батарею в ноль, а зарядка дома. В конце концов, Возмездие на то и Возмездие — чему быть, того не миновать.

Жене́вьева подумала, что разговор прервался из-за плохой связи, и тут же снова ткнула в кнопку повторного вызова, но вместо голоса Владика услышала механический голос «абонент не отвечает или временно недоступен». Все дальнейшие попытки дозвониться до Сяпли дали тот же результат.

— Блядь-блядь-блядь! — девушка раздраженно запустила трубкой в увешанную шкурами стену. Прислушалась — Руслан и Илья уже не стучались, а еле слышно скреблись. Жене, споткнувшись по дороге о длинную бледную ногу Петуховой, бросилась в прихожую. Жилище Шайморданова по праву могло бы считаться крепостью, не находишь оно в убогой коробке хрущевской пятиэтажки. Дверь поблескивала множеством замочков, цепочек, колесиков с рисками и вид имела весьма надменный, как бы говоря «Ну, что? Хочешь меня открыть? Пожалуйста-пожалуйста, обожаю оптимистов». Сахарные зубки Жене́евы сверкнули в злорадной улыбке — точно такая же дверь запирала вход в подвал дома, принадлежащего старому другу ее семьи, Уго фон Рапунцелю.

Барон фон Рапунцель покинул еще более-менее единую Германию в начале тридцатых годов при таинственных обстоятельствах. Жене слышала, что молодой Уго в составе группы ученых был задействован в попытках создания летающей тарелки, но проект не удался, и лишь некоторым его участникам посчастливилось покинуть трещащую по швам Европу. Слышать-то Жене слышала, но сказке не верила — возможно ли такое, чтобы ученые бились над загадкой фрисби (пусть даже очень большого), не раскрыли ее и сразу все как один получили по черной метке? Фон Рапунцель пустился в странствия, долгое время путешествовал по странам Африки и Азии. Его скачки с одного континента на другой и обратно, из страны в страну, с острова на остров казались хаотическими и лишёнными смысла. Хотя, закономерность все же имелась — фон Рапунцель посещал только колониальные территории. По слухам, которые барон распускал сам, он разыскивал тайные

мистические и религиозные общества с целью объединить их для борьбы с колониализмом. Уго, прикрываясь благородством своих намерений, общался с хасидами, суфийскими и дервишскими орденами, тибетскими и монгольскими ламами, исмаилитами, кержаками-старообрядцами и многими другими загадочными организациями. Действительной же (якобы) целью барона был сбор сведений стране Шамбала-Агарта, населенной просветленными сверх-людьми, потомками древних лемурцев и атлантов. Эти бредни Жене в серьез не воспринимала, так как не знала об увлеченности фон Рапунцеля идеями европейского масонства. Тем более она не знала о том, что Уго небезосновательно полагал масонство слабым эхом мощного гласа таинственных (и в большинстве своем мертвых) цивилизаций. Можно предположить, зачем барону понадобилось копать так глубоко — скорее всего, из тщеславия или по какой-то другой причине, он решил занять место в первом ряду масонской ложи. Для этого требовалась революция, а для революции нужны идеалы, на фоне которых текущее положение дел предстанет во всем своем упадничестве и мерзостной суете. Если принять, пусть даже с сомнением, одну десятую того, что рассказывают о Шамбале, то ее открытие разом бы сдало все козыри на руки фон Рапунцелю. Не известно, чем бы это закончилось для современного мира, как не известно, насколько близко барон подобрался к своей цели к тому моменту, когда его заметили, да не кто-то, а секретное подразделение ВЧК. Судя по всему, фон Рапунцель слишком увлекся поисками и расспросами, не утруждая себя сменой образов, выдуманных имен и прочим заметанием следов. В одном из каньонов Гималаев, где барон рассчитывал найти нечто, его подждал некто Яков Блюмкин — агент страны Советов. Яков широко улыбался, дружески хлопал Уго по плечу, свободно разговаривал на немецком (правда, с заметным баварским акцентом). Он туманными намеками сообщил барону, что обладает некоторой весьма ценной информацией, касающейся вещей необычных, подчеркнув при этом, что эти вещи для него с бароном представляют интерес общий. Затем Блюмкин пожаловался на скудность своего духовного развития, дескать он с этим знанием, что осел с брильянтовым колье. Просил об одном — чтобы фон Рапунцель стал его наставником и они вместе достигли того, чего хотели. Обещал со своей стороны обеспечить полную покорность, послушание и служение духовному наставнику. Уго, само собой разумеется, не узнал убийцу графа Майбаха, но на удочку агента не клюнул — слишком уж расплывчаты были объяснения незнакомца, умалчивающие впрочем, какими судьбами он оказался в Гималаях со своим баварским акцентом и ослиным уровнем просветления, да и больно откровенно из-под холщевой рубахи Блюмкина выпирал квадратный подбородок маузера. Не долго думая, Глядя глаза в глаза и беззаботно улыбаясь, барон протянул руку Якову, и когда тот согрел ее крепким пожатием, не долго думая, воткнул свое колено в пах агента. Мастер рукопашного боя, владеющий секретами восточных единоборств доброго десятка школ, мужественно храня молчание, повалился с ног, дав фон Рапунцелю часовую фору. После этой встречи Уго стал намного осторожнее, но ни накладные усы, ни фальшивая борода или индийское сари не помогали — советские наймиты находили его везде, где он мог подобраться поближе к разгадке тайны Шамбалы. Вскоре барона преследовали уже в открытую, не стесняясь размахивать нагаками среди бела дня. Устав от постоянных погонь, перестрелок и бессонных ночей и решив, что жизнь милее, фон Рапунцель послал всех куда подальше, а сам спрятался в Аль-Магрибе, «стране дальнего Запада», известной сейчас как Марокко. Там от барона отстали — в этой части Северной Африки интересов для русских не было, а охота за Уго самоцелью не являлась — подумавшись, важная птица — пропал с глаз, и слава Богу.

Прожив в Танжере несколько лет, работая портовым грузчиком, Уго понемногу избавился от мании преследования, даже обзавелся друзьями, среди которых оказалась чета Макеба, Мухаммед и Аватеф — с ними он сблизился особенно. Общение не прервалось и тогда, когда фон Рапунцель перебрался в столицу — город Рабат, где пристроился работать консулом во французском посольстве. Уго частенько навещал Мухаммеда и Аватеф по выходным, привозя из столицы изысканную снедь и прочие гостинцы. А еще несколько лет спустя, когда семья Макеба пополнилась дочерью Мириам, скоростижно вышел на дипломатическую пенсию и уехал в Париж. Дело было не в том, что барон соскучился по старушке Европе — жизни фон Рапунцеля снова угрожала опасность. Отца Мириам исконного бербера, чрезвычайно смутило, что малышка родилась слишком бледной для марокканки, да еще и с небесно-голубыми глазами — точь-в-точь, как у барона. Мухаммед поклялся зарезать Уго как барана, не взирая на то, что на дворе пышным цветом цвел священный месяц Рамадан. Так как фон Рапунцель удачно сбежал от опасности (уже в который раз! видимо, в этом был его талант), Мухаммед посчитал, что вина предателя доказана и немного успокоился. Аватеф отделалась легким испугом — вместо того, чтобы убить неверную супругу, муж привязал ее к кровати, заткнул рот кляпом и сделал по всему телу несчастной женщины татуировки. Он покрыл лицо, руки, плечи, грудь и живот изменницы изображениями Микки Мауса, пивных кружек, крендельков, Эйфелевой башни и статуи Свободы, логотипами Макдоналдса, Форда и Мерседеса, христианскими символами — всем тем, что в его воспаленном мозгу ассоциировалось со ставшей ненавистной культурой белых людей. На том инцидент исчерпался. Время шло. Родители Мириам подкопили денег и купили подержанный турецкий автомобиль «Албео» — ездить, скажем, на форде, чья эмблема красовалась на смуглой щеке Аватеф (или фольцваген — смотри левое предплечье), было бы неловко. Радовались сильно, но не долго — Мухаммед и Аватеф погибли в первой же поездке — не справились с управлением и на полном ходу врезались в стадо тощих коров. Мириам Макеба в свои пятнадцать лет осталась сиротой. Информация о трагедии в семье бывших друзей не ускользнула от внимания фон Рапунцеля. Он, пустив в ход свои дипломатические связи, немедленно выписал девочку в Париж, где оформил себя ее официальным опекуном. Через полгода стало очевидным, что Мириам находится в интересном положении. Только на прямой вопрос Уго она осмелилась сказать, что в Танжере у нее остался муж — швейцарец по национальности, отставной капитан Жан Жак Беструссо. Подивившись скороспелости незаконной/приемной дочери, барон организовал переезд зрелого мужа юной протеже во Францию — тот поспел как раз к рождению девочки, которую по общему согласию нарекли Женевьевой. Позже фон Рапунцель похлопотал о том, чтобы репатрианты получили на новой родине приличную работу — если бы не барон, отец Жене, в лучшем случае, стал бы шофером такси, а мать — продавщицей хот-догов. Жене помнила барона со времен собственного младенчества, хотя тот никогда не намекал на их родство, оставляя за собой право быть просто «старым, добрым другом семьи». Мириам, Жан Жак и Жене называли его просто Уго. За те двадцать лет, что Женевьева его знала, барон — седовласый худощавый старец с благородной осанкой — не изменился совершенно.

Глядя на дверь, отделяющую внешнюю часть территории Шайморданова от внутренних владений, Женевьева вспомнила Уго.

Старик, когда Жене гостила в его роскошном особняке, расположенном в Ньюи — одном из элитных районов Парижа, частенько подводил ее к сложной двери, запирающей

вход в подвал. Здесь, говорил фон Рапунцель, за этой дверью скрывается самое большое сокровище во всем мире. Это — действительная ценность на все времена, поэтому я храню ее пуще всего, что имею. Уго показал Жене, как открываются все хитроумные механизмы, сторожащие его сокровище. Когда дверь распахнулась перед затихшей в предвкушении великого чуда девочкой, ее взору предстало большое — не меньше сотни квадратных метров — пустое помещение. «Украли?!» — чуть не плача воскликнула Женестьева, в ужасе прижимая ладошки к побледневшим щекам. «Не волнуйся», — рассмеялся Уго. — «Оно на месте. Посмотри-ка повнимательней. Что ты видишь?». «Ничего?», — Жене растерянно хлопала темными, как у ее бабки Аватеф, глазами. «Смотри лучше». «Но здесь же пусто!». «Именно!», — обрадовался Уго. — «Пустота! Вот самое большое сокровище цивилизованного мира и живой природы. Ни жизнь, ни человеческий разум не приемлет пустоты. Жизнь стремится наполнить любое пространство собой, а человек, как соль жизни, добывает ускользнувшие из внимания природы кусочки первозданного Ничто. На земле почти не осталось пустых объем — все чем-то занято, подо что-то отведено, пристроено, оприходовано или попросту захлавлено. Заполненное пространство мертво — с ним уже ничего не сделаешь. Зато пустота — это больше, чем жизнь — это самый древний предвестник жизни, своей волей решающий, быть ей или не быть. Лишь в космосе да в женском теле, созданном по образу и подобию космоса, есть пустоты, но и те и другие — временны — они всегда отдают свой голос за жизнь. И лишь пустота, принадлежащая мне, более-менее постоянна, пусть это будет всего лишь на моем веку». «Не понимаю...», — Жене разочарованно смотрела внутрь пустого помещения — зацепиться взгляду было не за что. «Просто поверь мне, девочка, иметь триста кубических метров замкнутой пустоты в элитном районе Парижа — это большая роскошь», — старик усмехнулся и погладил непризнанную внучку по жестким иссиня-черным волосам.

Фон Рапунцель, конечно же, свихнулся окончательно — в этом Жене убедилась позже, узнав стоимость одного квадратного метра подвальной площади в Ньюи. Но один урок из того давнишнего случая девушка усвоила на отлично. Ее пальцы шелестящими стрекозами летали над замочками, цепочками и кнопками механизма, превращая дверь в странный музыкальный инструмент, издающий разнообразные пощелкивания и поскрипывания. Всего через несколько секунд непреступная стальная дверь, заказанная Русланом в конторе, гарантирующей эксклюзивную неповторимость каждого замка, распахнулась перед Женестьевой. Коктейль из запахов, смешанный на основе густого сигаретного дыма с вкраплениями аромата марихуаны, кислой вони мочи, разлитого пива, горелого масла и жареного лука, ударил в нос. Лестничные клетки в домах центра Парижа пахли точно так же, разве что запах травки был сильнее табачного. Благополучие Руслана, Ильи и, быть может, Вали, по прежнему зависело от Жене, но теперь, после победы, одержанной над механическим монстром, она не сомневалась — судьба вверила эти жизни в надежные руки.

28. Ребята с нашего двора

*К нему подбежали с холодной водой,
Стараясь привести его в чувства,
Но доктор сказал, покачав головой:
— Бессильно здесь наше искусство...
Из песни «Раскинулось море широко...»*

Женевьева канарейкой выпорхнула раскрывшейся дверцы. Она по очереди нажимала кнопки всех звонков, что попадались ей на глаза и, чтобы не терять драгоценного времени, бежала дальше, не дожидаясь, соблаговолит ли обитатели высунуть мордочки из своих норок. Когда за спиной девушки наконец послышался скрип плохо смазанных петель, она уже поднялась на следующий этаж. В три прыжка Жене вернулась к источнику вожделенного звука — как раз вовремя, чтобы успеть сунуть руку в створ закрывающейся перед ее носом двери.

— Блядь! — пальцы Жене прищемило чувствительно, но не более того.

— Ой, простите... — скрип петель повторился.

— Блядь!!! — теперь торец хлипкой фанерной двери пристукнул Жене по лбу.

— Ой, извините... — на пороге стоял молодой человек в белье майке, трусах-боксерах и домашних тапочках.

— Все окей, только перестаньте кальчить меня, и можете не извиняться, — француженка потеряла ушибленный лоб прищемленной ладонью. Несмотря на срочность вопроса, моральную и физическую усталость, она отметила про себя, что молодой человек прекрасно сложен — майка плотно облегла широкие плечи, крепкие бицепсы и мощную грудь.

— Да-да, конечно, — молодой человек спрятал руки за спиной, как будто боялся, что они могут своевольно решиться на пакость и еще раз исподтишка прихлопнуть девушку дверью. — Могу вам чем-то помочь?

— Да. Звоните срочный помощ! Руслан и Ильяша в холодильнике, Валья на полу! — лицо вызвавшегося помочь Жене тоже понравилось. Ей показалось, что он даже немного напоминает ее любимого актера Венсана Касселя — такой же мужественный и светловолосый.

— А-э-э... — молодой человек повернулся, чтобы пропустить Жене внутрь квартиры, но опустил глаза с лица девушки и застыл в пол оборота.

— Что ты зстрял, идиот?! — хоть парень ей и понравился, проволочки начали выводить парижанку из себя.

— Нет-нет, ничего, — молодой человек шумно сглотнул слюну и посторонился. Как только Жене вошла, он устремился за ней. Выслушав сбивчивый рассказ, ужатый девушкой до трех предложений, набрал номер скорой помощи и назвал адрес Шайморданова.

— Теперь пойдем назад — ждать медицины, — Женевьева немного расслабилась — события снова шли по плану. Ну, почти по плану.

— Меня Георгием зовут, — почему-то краснея, представился парень, запирая свою квартиру. — Для друзей — просто Геша.

— Очень приятно, Геша, — Жене наградила Георгия теплой улыбкой. — А я — Женевьева, или просто Жене.

— Геш, привет! — со стороны лестничного пролета показалась голова.

— А, Лёня, — растерянно проговорил Геша, заслоня своей спиной Жене. — Привет.

— У нас в общежитии электричество обрубил, дня на два, говорят, как минимум. Вот я и подумал — нельзя ли мне у тебя пока перекантоваться?

— Можно, только...

— Мы с Гешей сейчас очень заняты, — Жене отодвинула с пути Георгия и решительно направилась к логову Шайморданова.

— О! А чего это она... — Лёня вытаращился на девушку.

— Это — Женестьева, — перебил обесточенного Лёню Георгий. — Жене, знакомься — Леонид, мой лучший друг.

— Рада знакомству, — Леонид Жене тоже понравился — он был выше и тоньше Геси, но так же строен. Длинными каштановыми волосами и профилем напомнил ей Орlando Блума в роли Леголаса.

— Ну, у тебя и подруженьки, — шепнул Лёня на ухо Геше и тихонечко присвистнул. — Только почему она совсем...

— Заткнись, — сквозь зубы прошипел Георгий. — Серьезное дело — у Шайморданова какая-то беда, сейчас неотложка придет.

— Только не говори мне, что этого антихриста удар хватил, — не поверил своим ушам Леонид.

— Потом наговорьтесь, кукушки, — строго прикрикнула на друзей Жене. — А сейчас мне нужна ваша помощь.

Квартира Руслана выглядела как маленький театрик военных действий или чум состоятельного оленевода, запустившего внутрь бешеного оленя. Как Женестьева и думала, за пять минут ее отсутствия Пузднецов и Шайморданов перестали скрестись, замерзнув в строгом соответствии с планом. Пока Лёня и Геша главели на обнаженную Валу, которая продолжала лежать на полу, раскинув шикарные ноги и улыбаясь, французенка проверила, не заклинило ли дверцы холодильников, чтобы не опоздать с реанимацией. Дверцы обоих вместилищ легко приоткрылись с первой же попытки. Стараясь не впустить внутрь слишком много живительного тепла, Жене поспешила захлопнуть крышки импровизированных гробов.

— Чё пялитесь, скоты?! — Валя пришла в себя под обжигающим душем голодных мужских взглядов, поняла Жене и лукаво улыбнулась себе под нос. Геша и Лёня не нашли что ответить, а Валя не успела расписать им картину расправы, которую учинит им Руслан, когда узнает, какие вольности те себе позволяют — в дверь позвонили.

— Срочный помощь! — подпрыгнула Женестьева.

— Нужно продержатъ их еще... — моментально сориентировавшись, Валя глянула не часы, — три минуты. Слышите, уроды? А ну быстро пошли медиков обрабатывать!

Леонид с Георгием переглянулись, но спорить не посмели.

— Ты мне хоть намекни, что здесь происходит, — открывая перед врачом незапертую дверь, попросил Лёня.

— А мне по чем знать! Раз я писатель, то должен мысли читать и сквозь стенки видеть? — огрызнулся Геша.

— Ты меня в это впутал ты доктора и развлекай, — отомстил за резкость Лёня.

— Беру огонь на себя. Следи за временем, — Геша стиснул зубы.

— Это у вас здесь человеку плохо? — низенький человек в измятом грязно-белом халате посмотрел на двух молодых людей поверх очков и широко зевнул.

— Время сейчас такое — всем и везде плохо, — со злостью ответил Геша, преградив доктору путь своей широкой грудью.

— Так вы скорую вызывали или нет? — доктор снова зевнул.

— Да, — рубанул Геша. — И не единожды. Только вас фиг дождешь.

— Я имею в виду сейчас, — терпеливо пояснил доктор.

— Нет, сейчас я стою и разговариваю с вами.

— Две минуты, — где-то за Гешиной спиной прошептал Лёня.

— Так это вам, голубчик, помощь нужна?

— Все люди братья, должны помогать друг другу. Помощь нужна всем, а кто откажется ее оказывать — тот не имеет права носить гордое имя Человек!

— Ага. Вы, извините, драться не будете? — доктор поставил саквояж на кафельный пол, достал из кармана халата пачку папирос и закурил.

— За человечество я готов умереть!

— Очень хорошо, — доктор выдохнул струю сизого дыма Геше в живот. — Мне, похоже, понадобится подкрепление. Подождете, пока я до машины схожу?

— Нет! С меня довольно! Я и так ждал слишком долго.

— Ой, — доктор поморщился так, что очки чуть не свалились с его длинного горбатого носа, — зачем же так нервничать.

— Вы правы, доктор. Центральная нервная система невосполнима.

— Именно. Так давайте пройдем внутрь, я сделаю вам успокаивающий укольчик...

— На иглу меня посадить вздумали?!

— Не хотите укольчик? Так и Бог с вами, — доктор пожал плечами.

— Вот вы как заговорили?! Руки умываете? На Бога все валите! Стыдитесь, вы же давали клятву Гиппократу.

— Одна минута.

— Если вам от меня уже таки ничего не надо, то я пойду. Тут по всему району, знаете ли, люди умирают.

— Уходите, и моя кровь будет на ваших руках. На Страшном Суде вы перед Гиппократом за все ответите.

— Ну-с, всех благ, голубчик, — доктор снова взял в руку саквояж.

— Постойте, доктор! — Геша сделал плаксивое лицо и ухватил человека за полу халата. — Мне так плохо, так одиноко и холодно...

— Вот вам мой совет, любезный, — примите горячую ванну, потом завернитесь в шерстяной плед, выпейте рюмочку водки...

— Доктор, меня никто не любит и не понимает... кроме вас. Будьте моим... другом!

— Ну, знаете... — невозмутимый доктор на секунду задумался, опустив грустные, как у бассета, глаза на тлеющий бумажный фильтр папиросы. — Договорились.

— Тридцать секунд.

— Георгий, для друзей — Геша, — Геша через порог протянул руку доктору.

— Самуил Липович, — доктор бросил бычок через плечо, но руки не подал, прокомментировав: — через порог не здороваются.

— Да-да, конечно. А знаете, Самуил Липович, откуда пошла такая традиция?

— Насколько я помню, Геша, это пошло с тех времен, когда под порогом жилищ закапывали тела умерших родственников. С учетом того, что сейчас чуть ли не каждый первый дом в Москве на костях стоит...

— Запускай! — просипел Лёня.

— Да, Самуил Липович, я слышал ту же версию. Поэтому проходите скорее внутрь, пожмем руки и обнимемся, как это полагается друзьям, — Геша отстранился, пропуская доктора. Как только Самуил Липович, оказавшийся на удивление мягким и теплым, очутился в Гешиных объятьях, в прихожей возникла взволнованная Женевьева.

— Доктор! Наконьец-то! — она буквально вырвала человека у Геси и поволокла его,

вяло упирающегося, на кухню. Там все было уже подготовлено к получению первой медицинской помощи — обмороженные Руслан и Илья выпали из холодильников на заботливо подстеленный Валею плед тогда же, когда Геша снял оборону.

Чуда, которого так ждал Шайморданов, не произошло — Самуил Липович вернул обоих отморозков к жизни без всяких реанимаций и дефибрилляторов. Доктор лишь дал понюхать Руслану и Илье пузырек нашатырного спирта, который выудил из своего саквояжа, да слегка похлестал их по щекам. Шайморданов с Пузднецовым закашлялись, порозовели, прослезились и пришли в себя. Руслан, увидев, как Илья стучит костяшками по полу, точно так же, как делал это внутри холодильника, понял, что план с треском провалился, и горестно взвыл, закатив глаза под веки с покрытыми инеем ресницами.

— Им что, тоже холодно и одиноко? Их никто не любит и не понимает? — Самуил Липович покачал головой. — Эх, молодость, молодость, страсть к завышению...

— Доктор, почему мы не умерли?! — хрипел Руслан, сдерживаясь, чтобы в сердцах не встряхнуть Самуила Липовича за воротник халата.

— Молодой человек, извините меня, я таки дам вам один совет — хотите действовать наверняка — прыгните с десятого этажа, а вместо парашюта возьмите зонтик. А здесь, — доктор постучал ухоженным ногтем по холодильнику, — вы только с голоду преставитесь. Наивно, как засунуть голову в аквариум и ждать, пока рыбки перегрызут вам горло.

— Но там же холодно! — возмутилась Жене. — Они должны были мерзнуть!

— Это я, милочка, на вас смотрю и мерзну. Боже ж мой, не май, вы уж меня извините, месяц, — в подтверждение своих слов Самуил Липович зябко поежился.

— Почьему это... — тут до Женевьевы дошло, что после любовных игр с Петуховой она так и не оделась — не было времени даже подумать об этом. И никто даже не намекнул! Жене бросила взгляд на Валью — та, потупившись, тербила поясок халата, который набросила сразу же, как пришла в себя.

Не задавая больше вопросов, доктор убрал нашатырь обратно в саквояж, обменялся с новым другом Гешей номерами телефонов, пригласил его в гости, сообщив при этом заговорщическим шепотом, что его жена Сима готовит карпа — пальчики проглотишь, попрощался со всеми и ушел.

29. Таланты и поклонники

Сегодня важна не степень таланта, а кто поддерживает художника. Нет в современной России меценатов, настоящих покровителей искусства. Есть отдельные богачи, покровительствующие отдельным симпатичным им творцам.

Илья Глазунов

Руслан, Илья, Жене (прикрывшаяся подобранным с пола пледом), Валя, Геша и Лёня тесным кружком стояли посреди разграбленной кухни и думали каждый о своем.

Валя испытывала посторгазмическую слабость, граничащую с недомоганием. Так же ее сосала густая, как манный биточек, депрессия. Девушка представляла себе, что восхитительные ощущения, пережитые ею во время близости с французенкой, впредь не повторятся, и готова была наложить на себя руки. Мысленно обзывала себя лесбиянкой, и становилось совсем тошно. С ужасом думала, что будет, если Руслан узнает об их с Жене проказах, и снова возвращалась к мыслям о самоубийстве — лучше уж самой выбрать себе

смерть, чем предоставить это право Шайморданову. Узнай кто-нибудь, что его официальная девушка изменила (!) ему (!! с другой девушкой (!!!) — ой, что тогда начнется...

Жене про себя констатировала, что утратила интерес к Руслану (носится со своими душами, как курица с яйцами — зануда, и другим развлекаться мешает), Илье (в постели ничего, но... скучный какой-то), а заодно и к Вале (надо бы ей по-дружески намекнуть, что двадцать лет — это не навсегда, на бедрах уже целлюлитик проглядывает, да и животиком надо заняться, пока он из чуть дряблого, но соблазнительного, не превратился в отвисший). Глотая слюнки, юная парижанка то поглядывала на мускулистые плечи Георгия, то любовалась уточенными чертами лица Леонида. Она никак не могла решить, кто из друзей ей нравится больше. Проблема выбора Женевьеву не смущала — сеансы одновременного секса с двумя молодыми людьми были для нее экзотикой, но не новинкой.

Илья дрожал, растирал ладонями замерзшие плечи, но никак не мог согреться. Мечты о вожделенном тепле и врожденная неспособность думать за раз более одной мысли спасали его от неприятных размышлений. Зачем Шайморданов пытался его заморозить? В наказание за то, что он трахнул Жомапель, а жениться на ней не захотел? Тогда почему Руслан сам полез в холодильник? А потом вылез и его (Пузднецова) вытащил? Значит ли это, что Илья прощен, или нужно готовиться к следующей пытке? Попытайся Пузднецов найти ответы на эти вопросы, голова его неминуемо лопнула перезревшей тыквой.

Лёня озорным взглядом раздевал обеих и так не слишком одетых девушек. Конечно, он слышал, чем грозит неосторожное внимание к девушкам Руслана, особенно, когда рядом собственной персоной. Молодые люди, не умеющие скрыть заинтересованности или (не дай Бог) возбуждения при виде Петуховой, как правило, оказывались в больнице с увечьями и телесными повреждениями разной степени тяжести. Леонид Шайморданова не боялся, но и предпочитал не нарываться, точно так же, как всякий разумный человек вряд ли станет класть палец в пасть бешеной собаке — результат предсказуем. Но сейчас Лёня наплевал на осторожность, так как все происходящее казалось нереальным — пленники холодильников (Руслан и Илья), голая девушка с очаровательным акцентом и темной кожей (подруга Геши!), доктор, советующий сигануть с крыши... Все действие настолько далеко ушло за рамки привычной действительности, что и реальной опасности здесь места не осталось. Лёне казалось, что в такой ситуации скорее прилетят марсиане, сожрут всех женщин и изнасилуют всех мужчин, чем Шайморданов начнет очередную образцово-показательную акцию под кодовым названием «ты на кого горошины выкатил, плесень подзалупная?».

Геша, занимавшийся на досуге писательством, прокручивал в голове удивительные события последних пятнадцати минут и думал, что это может стать началом для неплохого рассказика. Осталось только придумать логическое развитие, ударную кульминацию и сногшибательный финал — неожиданный, посылающий читателя в глубокий нокаут. Геша задумался, в какой бы журнал направить готовое детище — десяток глянцевого издания и еще столько же тематических альманахов регулярно печатали его рассказы, обеспечивая вольного писателя средствами на карманные расходы. Но Геше хотелось большего — блистать сверх новой звездой, и при этом сохранить независимость от всяких литературных агентов, издателей и прочих сапрофитов. Не зная, возможно ли решить эту проблему, Геша снова вернулся к нарождающемуся рассказу — неплохо бы побольше узнать о том, что здесь все-таки происходит.

Руслан чувствовал себя обессиленным и опустошенным. Способов достигнуть состояния клинической смерти, наверняка, было очень много, но сомнений в том, что этот путь ведет в

никуда, не осталось. На точные расчеты и выверку времени не осталось, а, действуя наобум, как пить дать — либо покалечишься, либо убьешься, или кур насмешишь, как в случае с холодильником. Принципиально новые решения проблемы в голову не приходили. Хотелось придушить Пузднецова насмерть — его тупая бездушная физиономия раздражала и бесила Руслана невыносимо — и будь что будет. И этих двух клоунов до кучи пригадить — нечего свое рыло буратинье в чужую крошку совать. Как их бишь... Леша и Гена, что ли?

На самом деле, Шайморданов знал, кто такие Лёня и Геша, так как эти друзья занимали в молодежном социуме, возглавляемом Русланом, завидное нейтральное положение. Георгий появился в поле зрения Шайморданов сравнительно недавно. Он переехал жить сюда из центра города, когда его старенькая бабушка, занимавшая квартирку этажом выше Руслана, присоединилась к большинству. Молодой писатель, таким образом, оказывался в большом плюсе — до института ближе, а от докучливой опеки родителей — дальше. Единственным минусом оказалась непосредственная близость Шайморданова, а точнее, его быковатого окружения. В гости, так сказать, на новоселье к Геше заявился Шамиль Нафиков. Строя из себя тертого бандюгана и небрежно козыряя, он намекнул Геше, что бабушка не спроста сменила московскую прописку на клочок кладбищенской земли в Подмосковье. Суть наезда была проста — не хочешь отправиться за ней следом, плати. Шамиля понять можно — Валя Петухова выдаивала его досуха, да еще и добавки просила. Но Геша оказался не тем человеком, которого можно было бы так просто развести. Подъяснившись у Шамиля, на себя ли он вымогательством пачкает или под кем шестеренкой зубастится, Георгий впервые услышал страшное слово «Шайморданов». Взяв сроку месяц, намекая, что при этом заплатит авансом за три вперед, студент задумался. Денег почти не было, а с теми, что были, расставаться не хотелось. Зная свою силу, Геша не сомневался, что в честном поединке от Шамиля мокрого места не останется. Но рассчитывать на честный бой с людьми, отправляющими на тот свет старушек без всякого зазрения совести, как минимум наивно. Не придумав ничего лучше, Геша решил отправиться прямо к Шайморданову и выяснить раз и навсегда, какие к нему претензии, а уж дальше смотреть по обстоятельствам. Руслан визиту незваного гостя удивился, но сразу травить его своими головорезами не стал — знать, в хорошем расположении духа находился. Смелость студента, его манера держаться, говорить прямо и в глаза, вызвала у Шайморданова противоречивые чувства. С одной — симпатию и уважение, с другой — ревность. Руслан чувствовал, что если не приспустить этого выскочку сейчас, то скоро он может пойти далеко и начать поднимать головку, а двум петухам на одной курице не утопаться. Рассудив, что для нанесения точного и изящного удара (мордобоем Шайморданов наказывал только своих вассалов, при общении же с людьми посторонними следует работать на имидж), нужно знать слабые стороны противника, Руслан пригласил Гешу за стол, где под полупустую водочку разговорил в полчаса. После седьмой рюмки разговоры за жизнь сделались порывистыми и искренними. Студент предложил тост «за искусство», опрокинул стопочку и, стуча кулаком по столу, заявил, что вырос из Гоголевской шинели и не нужна она ему теперь и даром. Что ни Пушкин, ни Лермонтов, ни все три Толстых вместе взятые сейчас не нужны решительно никому, кроме тех, кто до сих пор на их истлевших трупах делает деньги — всякие паразиты, от искусствоведов до учителей литературы. Шайморданов такого поворота событий не ожидал, но все же поинтересовался, чем классики умудрились насолить Геше. Студент объяснял долго и путано, что так писать, как они, большого ума не надо, за то читать всю эту камерность и масштабное пережевывание пустопорожней слизи — скука смертная. Говорил,

что настоящий писатель должен своего читателя либо развлекать, как шут гороховый, либо бить кирпичом по голове до сотрясения мозга, до выпадения глаз и вываливания языка, до размозжения черепа. Веселить или уничтожать — третьего литературе двадцать первого века не дано. А про меня, понизив голос, закончил монолог Геша, написал один говно-критик «после Чехова таких дружилкиных читать не потянет». Поняв, что Геша — писатель, Руслан хохотал до слез — так его развеселил мысль, что он мог почуять угрозу со стороны бумагомарателя. Писакам власть даром не нужна — они не знают что с ней делать. Лучшее счастье, чтоб их оставили в покое, дали всласть пожить в придуманных ими мирах, не напоминали о том большом мире, частью которого они являются — о реальности писателю знать без надобности, так как вернуть в нее красное словцо или емкую метафору если и удастся, то зачастую не безнаказанно. Подобрев, Шайморданов раскрыл Геше, что Нафиков врет (старушку Всевышний призвал по собственному разумению) и своевольничает, но это ничего — сегодня вечером его урезонят раз и навсегда. Так же крестный папа пообещал Геше неприкосновенность, особенно подчеркнув, что обещание действует только до тех пор, пока Геша остается писателем и в прочие слои общественной жизни не влезает. Геша с достоинством ответил, что в покровителях не нуждается, но от добрых отношений носа не воротит. После этих посиделок Руслан и Геша почти не разговаривали — так, обменивались при встрече приветами, да один раз писатель помог Шайморданову, когда тот поругался с Вале́й. По просьбе Руслан Геша сочинил проникновенное стихотворение:

*Нелепа жизнь, как курица без клюва
Мне не понять, чем червяка клюет она
И как не сдохла, чем пока жива
Но есть куда Валя Петухова,
Что так божественна, желанна и нежна
Я буду благодарным сыном той несущки
Слепым уродливым цепленком-идиотом
И все, что есть — последнего червя
Отдам я Вале, моей милой хохотушке
Порву любого я бесклювым ротом
Залезу в гриль, себя ей целиком даря*

Этот шедевр Руслан преподнес Петуховой как плод мучений собственной души, в результате чего был незамедлительно прощен. Леонид, живший в студенческом общежитии на другом конце города, слыл знатным ловеласом, но, заблаговременно предупрежденный другом о местных нравах, во владениях Шайморданова не охотился. На глаза Руслану Лёня попадался только вместе с Гешей, или же направляясь к Геше — этого было достаточно, чтобы Шайморданов велел своей шайке не обижать друга писателя.

— Что скажешь, писатель? — слова Шайморданова всколыхнули гладь тишины, затопившей кухню и всех людей, на ней находящихся. — Если под солнцем нет решения моей проблеме, может быть, оно отыщется под несуществующими звездами твоих вымышленных миров?

— Ого! — Лёня ткнул Гешу локтем под ребра. — Ты смотри, как излагает. Признавайся, твоя школа?

— А в чем, собственно, проблема? — проигнорировав реплику Лёни, серьезным тоном

спросил Геша. И Руслан, глубоко вздохнув, предложил всем пройти в комнату и устроиться поудобнее, а затем в четвертый раз рассказал свою историю.

— Обалдеть! — воскликнул Лёня, разбудив задремавших Жене, Валю и Пузднецова. — Гешка, мотай на ус — сюжетец не кислый.

— Есть идея, — у Геши рассказ Руслана никаких эмоций не вызвал, а если и вызвал, то он их не показал. — В одной из моих повестей главным героем был Джон Скарлет — экстремальный путешественник, воин и авантюрист, ученый и охотник за приключениями...

— Фильмов про Индиану Джонса мальчик в детстве пересмотрел, — с усмешкой прокомментировал Лёня. Жене хихикнула, протянула руку и погладила его по длинным каштановым волосам.

— В 1945 году, во время войны с Японией, при высадке на Окинаву американские войска потеряли свыше 18 тысяч человек. Правительство Соединенных Штатов, обеспокоено (и это мягко сказано) такими масштабами потерь в ходе одной единственной операции. Запоздало начинается работа над засекреченным проектом СуС, суть которого состоит в создании супер солдата. По имеющимся сведениям, в индейском племени Мохаве нередко случаи рождения людей, обладающих двумя душами. Американские ученые полагают, что воин, имеющий запасную душу, неуязвим, или, по крайней мере, в два раза живучей, о чем докладывают президенту. Президент, в свою очередь, поручает исследование феномена под кодовым названием TS (two spirit) Джону Скарлету. В резервации индейцев Мохаве Джон узнает, что действительно существуют люди с двумя душами, обитающими в одном теле. Двудушные, как правило, физически хорошо развиты, обладают завидным здоровьем, но никакой сверхъестественной или мистической силы не имеют. В среднем, срок их жизни даже меньше, чем у других членов племени. Причем люди TS умирают от ран, полученных в бою, на охоте, или ядов, но никогда от старости или болезни. Ожидания ученых не оправдались — на роль неуязвимой боевой машины люди с двумя душами явно не тянут. Скарлет собирается покинуть резервацию, чтобы сообщить президенту о провале. Но вспыхнувшее в нем чувство к дочери вождя, юной красавице Уатуа, оказывается взаимным и заставляет Джона изменить планы. Часть сюжетной линии, наполненную тонким чувственным эротизмом, я опушу — повесть целиком вы можете прочитать в майском выпуске Плэйбоя. Скажу только, что Джон задерживается в резервации, игнорируя настойчивые запросы правительства. Когда Уатуа понимает, что носит под сердцем ребенка Скарлета, она открывает ему все тайны Мохаве, в которые посвящают только членов племени. Среди прочего, дочь вождя рассказывает Джону, что во время военных экспедиций двудушные исполняют роль своеобразных полевых лекарей. Если кто-то из воинов получает смертельное ранение и его душа отлетает, к телу, пока оно не остыло, приводят двух человек — шамана и обладателя двух душ. Шаман запекает ритуальную песнь, и следующий путем обладающих двумя душами впадает в состояние мистического транса. При этом одна из душ покидает его тело и оживляет поверженного воина. Джон Скарлет понимает, что если эта тайна станет известна правительству, дни Мохаве сочтены — половина из них погибнет за Дядю Сэма, станет пушечным мясом на далеких полях сражений, вторая — окончит свои дни в клиниках и испытательных лабораториях, где превратятся в подопытных крыс — ученые будут пытаться постичь механизм феномена TS и повторить его в искусственных условиях. Полюбивший вместе с очаровательной Уатуа все небольшое миролюбивое племя Мохаве, Джон замалчивает свое открытие и, как собирался сделать это ранее, рапортует о провале проекта. Правительство в бешенстве — пребывание Скарлета в резервации влетело в

копеечку (прикрываясь нуждами расследования, Джон запрашивал внушительные суммы, которые тратил на постройку школ, спортивных комплексов и библиотек для детей Мохаве), но делать нечего. Проект СуС закрывают и американцы, не умея принять поражения, идут другим путем. «Толстяк» и «Мальш» падают с небес на Хиросиму и Нагасаки. Янки ликуют. Уатуа умирает при родах ребенка, который, как догадывается Скарлет, появляется на свет наделенным двумя душами. Джон, оплакав возлюбленную, берет с собой новорожденного сына и отправляется в самое сердце Центральной Африки, где...

— Замечательная история, — Руслан с нескрываемым презрением посмотрел на Валю, утирающую искреннюю слезу — так ей жалко было безвременно ушедшей красавицы Уатуа. — Я только одного не понял — что ты мне предлагаешь? Отправиться в резервацию Мохаве, чтобы шаман ввел меня в трас и вытряс Зелибобу?

— Ой, чуваки, ну вы комики! — Лёня, пока Георгий пересказывал сюжет своего рассказа, окончательно сдружился с Жене и теперь ее откровенно лапал. — У Геши в одном рассказе, к примеру, есть говорящий кочан брюссельской капусты, который считал себя реинкарнацией Эркюля Пуаро и требовал от торговли овощами, чтобы та втирала в него гель для роста волос — хотел отрастить такие же усики, как у персонажа Агаты Кристи.

— Это тут причем? — Шайморданов скрипнул зубами — в носоглотке и гортани появилось знакомое жжение, будто он только что принял дозу порошка. Хотелось курить, но не было даже безникотиновых вонючек.

— Абсолютно не причем, — Лёня ущипнул Женевьву за попу, и девушка игриво укусила его за нос. — Так же как поведанная Гешей история про индейцев. Мало ли чего может явить свету воспаленная фантазия писателя, только вот действительности от этого ни жарко, ни холодно.

— Ошибаешься, — Георгий говорил спокойно и веско. — Действительность куда как разнообразнее, удивительнее и невероятнее любого самого смелого вымысла. К тому же, существование племени Мохаве и людей с двумя душами — невымышленный факт.

— Ну и?! — Руслан ощутил резкий приступ водобоязни — первый признак того, что кокаин начал действовать.

— Индейские шаманы нам не нужны. Достаточно песни, которая введет тебя в транс, а дальше инстинкт TS сам запустит механизм отдачи, — Геша говорил так, будто через день наблюдал подобные опыты.

— Я знаю одну песню, — удивленные взгляды обратились на Пузднецова — никто не ожидал, что он заговорит — даже те, кто знал, что Илья умеет разговаривать. В воцарившемся молчании Пузднецов запел, старательно не попадая ни в одну ноту, — Не-е-е сма-а-атри, не смотри ты по сторонам, оставайся такой как е-е-есть! Целый мир освещают твои глаза, если в сердце живет любо-о-овь!

— С такой песней только тампаксы из четырнадцатилетних девочек повьлетают, а не души из...

— На самом деле, текст абсолютно не важен, — Геша не дал Лёне договорить. — Тут все дело в исполнении. Можно спеть хоть «Эй-би-си-ди-и-эф-джи нау ай ноу май Эйбиси», главное сделать это так, чтобы при звуке живого человеческого голоса TS погрузился в транс.

— Кто-нибудь из присутствующих людей, мыслящих слизней и безглазых чудовищ, что прячутся в слезных каналах игольчатых губок, петь умеет? — Руслан еле успел пригнуться, чтобы избежать удара шипастым хоботом, в который превратился нос Пузднецова. «Ну,

началось», вздохнул Руслан про себя.

— Я ньемножко балуюсь, — Женестьева откашлялась, набрала побольше воздуха в легкие, открыла рот и комната наполнилась нежными переливами волшебных звуков. Голос был настолько чист, мелодия — берущей за душу, а пенье ангельским, что Руслан решил, что это слуховая галлюцинация, вызванная действием наркотика.

— Ты — Женестьева?! — когда песня закончилась, Леонид уставился на Жене так, будто только сейчас заметил ее присутствие.

— Коньечно, — Жене как будто бы даже смутилась.

— Я же вас знакомил, — укоризненно проговорил Геша.

— Она голая была. Тут разве до имени? — отмахнулся Лёня и снова перевел восторженный взгляд на Жене. — Так ты правда та самая Женестьева Беструссо?

— Я, — кротко кивнула французенка.

— Обалдеть! — Леонид просиял. — Дашь автограф?

— Да что, черт возьми, происходит?! — взорвался Георгий. — Объяснит мне кто-нибудь или нет!

— Ты что, не знаешь кто такая Женестьева Беструссо, лапоть? — Лёня искренне удивился серости друга. — Это же голос Неотразимого Мастурбанта!

— Что? — хором переспросили Геша, Валя, Руслан и Жене.

— Ну как же! «JERK the IRRESISTABLE»!

— Я и нье знала, что мою группу слушают в такой... — Жене была явно польщена.

— Жопе, — довольно грубо перебил ее Геша. — Руслан, есть эффект от сакрального пенья?

— Есть эффект, — Шайморданов отмахнулся от стайки зеленых ангелочков, показывающих ему непристойные жесты. — У меня член встал.

— Кажется, я знаю, кто нам поможет! — Георгий улыбнулся счастливой мысли. — Собирайтесь, мы идем в гости.

— Идите, идите, а мы с Женестьевой об искусстве пообщаемся, — не отрывая влюбленных глаз от французенки, пропел Лёня.

— Я тоже останусь — голова раскаляется... — соврала Валя — девушка в душе надеялась, что когда Руслан уйдет, то она сможет еще разок полакомиться сладким нектаром любви Жене. Леонида Петухова не замечала.

— Я бы тоже... — Пузднецов был уверен, что его снова будут убивать, поэтому сделал слабую попытку отмазаться. Но одного сурового взгляда Шайморданова хватило, чтобы Илья заткнулся и поплелся в прихожую искать свою обувь.

— Не хотите познакомиться с величайшим гением современности, надеждой России, взошедшей супер звездой, миссией и пророком? — Геша хмыкнул. — Ну, воля ваша, придурки.

— Я уже познакомился с величайшим гением, — Лёня поцеловал Жене в изгиб нежной шеи. Валя сделала тоже самое, только мысленно.

— Хватит трепаться! Еще несколько отравленных стрел, и у меня отнимутся ноги, — Руслан вытолкал копошащегося в прихожей Илью на лестничную клетку — одна кеда на ноге, вторая в руках. Геша не разувался, поэтому проследовал за ними без задержек.

— Далеко? — обреченно спросил Илья, потешно прыгая на одной ножке.

— Не близко, — кивнул Геша. — Но гений того стоит.

— Надеюсь, — Шайморданов зловеще улыбнулся. — Иначе ваши рога и копыта пойдут

на варку клея, в котором я с удовольствием вас утоплю, взяв в заложники свою прелестную селезенку. Правда, крошка? Ведь мы им покажем? Никто не выйдет отсюда живым!

Георгий попытался переглянуться с Пузднецовым, но номер не удался — в лице Ильи было ровно столько же понимания, как в картофельном клубне. Геша пожал плечами и пошел дальше.

30. Возвращение

И вот шоу начинается! Под рев обезумевших фанатов Слэйд объявляет себя Антихристом и исполняет Гимн земного зла. Когда, спустя некоторое время, Крэйвен выходит на сцену с окровавленными руками, никто из зрителей не догадывается, что кровь — настоящая.

Из описания х/ф «Турбулентность-3. Тяжелый металл»

— Стоп, — Шайморданов внезапно остановился как вкопанный, и Илья на полном ходу впечатался в его спину. — Сейчас вызову транспорт.

Телефон Сяпли не отвечал. Руслан, подумав, сообразил, что часы уже пробили полночь, и Бэха превратилась в тыкву, а мобильник Владика — в вибромассажор. «Ничего не поделаешь», вздохнул Шайморданов, поднял руку и загрузился вместе с Гешей и Ильей, прикинувшимся толковым словарем, в желтый танк с черными шашечками на борту. Геша нашептал в шлем танкиста адрес, и танк, расшвыривая из-под гусениц ошметки асфальта, рванулся с места.

— Будь проще, мой тебе совет, — Руслан дружески положил руку на кожаный корешок Ильи, украшенный золотым тиснением. — Книжка-раскраска, ежедневник, альбом для марок — все бы куда ни шло. Но толковый словарь — это нонсенс. Пузднецов послушно перекинулся в дамский роман — потрепанную книжицу в мягкой обложке.

— Приехали? — крикнул танкист.

— Еще немного. Вот здесь во двор и налево, — вглядываясь в смотровую щель, гаркнул Геша, перекрикивая шум двигателя. Возле нужного подъезда танк замер, гул тысячелощадного дизеля стих.

— Приехали, — танкист ладонью отер пот со лба, залихвацки сдвинув шлем на затылок. На черном от мазута и гари лице сверкнула белозубая улыбка. — Так и до Берлина докатим! В подтверждение слов танкиста, танк гордо задрал башню, поднял ствол и победно вострубил. Руслан зачерпнул из кармана мятых пятисоток сколько влезало в руку, отдал улыбчивому воину и со словами благодарности покинул желудок бронированного чудовища. Через секунду снова сунулся в люк, обмолвившись, что забыл свою книжку, и опять вышел — теперь уже окончательно.

Георгий наблюдал, как Шайморданов покидает такси через окно, пытаясь при этом удержать под мышкой вялого Илью. Из рук и карманов Руслана сыпались деньги. Стоит ли таких людей приводить к гению современности? Не подставит ли такая выходка под удар дружеские отношения между писателем и артистом? Но время для сомнений прошло, жребий брошен. Скрепя сердце, Геша махнул рукой Руслану и Илье, как отважный командир, ведущий бойцов в атаку.

— Какой сюрприз! Георгий! — молодой атлет, оказавшийся по ту сторону огромной стальной двери, обшитой дубовыми панелями, прямо с порога сгреб Гешу в крепкие объятья.

— Алексей. Дружище. Не. Помешал. Надеюсь, — легкие Гешы стиснулись настолько, что воздуха больше чем на одно слово не хватало.

— Георгий! Моя дверь для тебя открыта всегда!

— Я с друзьями. Знакомься — Руслан, Илья, — Алексей выпустил Гешу и крепко пожал руки Шайморданову и Пузднецову. — Друзья Георгия — мои друзья.

Все расположились на огромном кожаном диване в просторной гостиной Алексея, и Геша вкратце рассказал, за чем они пожаловали: — Леха, нужен твой талант. Когда я слышу твоё пенье... нет, не пенье — голос, ритм, интонации — я чувствую, что душа уже где-то далеко. И когда ты умолкаешь, требуется время, чтобы душа вернулась.

— Скажешь тоже, — отмахнулся Алексей. — Это все твои магические тексты. Знаете, мужики, какие Георгий хиты рубит? Для меня лучше никто и никогда не сочинял. Кстати, Георгий, не хочешь стать моим штатным администратором? А то я тут свой продюсерский центр замутил — верные люди как воздух нужны. Делать особенно ничего не надо, только текстик подкидывай. Когда вдохновение будет, разумеется. Ну, что скажешь?

— Растешь, брат! — Геша обвел взглядом гостиную — стильность интерьера и богатство убранства поражало. Когда он был здесь в последний раз, квартира походила на большую, но все же коробку, захламленную безвкусным старьем. — Свой продюсерский центр — это круто. Согласен следовать за тобой, хоть на Голгофу, мой миссия.

— Не твори себе кумира, брат, — Алексей посерьезнел. — Ты знаешь, чем больше я варюсь в этом говне, тем меньше меня во мне остается. Вся эта показуха, тусовки бесконечные, лизание жопы папика... Ради живых выступлений только и держусь бусиной на этой нитке.

— Может, не стоило тогда с продюсерством заморачиваться?

— Не стоило, Георгий. Сам знаю, что не стоило. Но это вопрос свободы. Мой прежний продюсер, Иван Миттельшниц, от дел отошел — с поезда прыгнул или его прыгнули — не суть. Я, конечно, мог просто плюнуть на все и домой уехать, но... для меня сцена как наркотик стала. Неделя без выступлений и все, ломка страшная начинается, жить дальше не хочется, потому что смысл всякий теряется. Был еще вариант — продолжать пахать, но в упряжке другого продюсера. В Москве этих друзей хватает — за мной, как Миттельшниц сдулся, очередь выстроилась, делили уже между собой, компрометировали друг друга, должки припоминали. И у каждого на меня уже слюна вожжей течет, глазки блядские горят, да лопатник колом стоит. Идей для моего имиджа — вагон и нехилая телега: сменить стиль (записать альбом рок-баллад, выступить с Лондонским Симфоническим Оркестром), сексуальную ориентацию (так, понарошку, для создания скандального образа), занять второе место на типа престижном международном конкурсе Евровидение, участвовать в церемониях вручения каких-то там говнонаград и так далее. Посмотрел я не эту пиздобратию и подумал, нет, ребята, я уж сам как-нибудь. С папиком перетер, за преемственность вписался и стал наследником покойного Миттельшница — думал ему альбом посвятить. Потом вспомнил, что эта сука с людьми творила, как судьбы калечила, и решил — светлая ему память, конечно, но альбом — хуй. Так что теперь сражаюсь один — сам за себя, за искусство, за свободу и за таких простых парней и девчонок, талантов от Бога, каким я сам был и остаюсь. У меня на примете уже есть парочка самородков, с которыми я собираюсь контракттировать. Паренек из Новосибирска — руками поет — такие колебания воздуха создает, что от человеческого голоса не отличишь, только диапазон в шесть октав. И еще одна группка московская, «Свин на Луне» называется — слушаешь, и крыша реально

слазит, наяву начинаешь за подкладку Вселенной проваливаться. С моего лэйбла все прокакаются! Георгий, тебе обязательно надо это послушать.

— Алесей, брат, обязательно послушаю, только давай сначала друзьям моим поможем, — Геша с грустью вспомнил о судьбах тех, кому удавалось убить дракона. Жажда свободы, бунт против системы, желание изменить мир — то, что делает победителя новым драконом, еще более голодным, свирепым и беспощадным, чем был до него. Чем выше цель, тем из большего числа жертв складывается лесенка, ведущая к ней.

— Прости, друг, давно тебя не видел, а больше по душам и поговорить не с кем, вот и заболтался, как бабка на завалинке. Ну что, парни, начнем? — Алексей обратился к Пузднецову и Шайморданову, но они этого не заметили. Илья, запрокинув голову и еле слышно булькая, спал сидя на диване, а Руслан самозабвенно разглядывал собственные ладони, сгибая поочередно пальцы и щелчками отгоняя невидимых монстров.

— Начнем, — принял решение Геша. — Давай, Леха, дай жару!

— Какие предпочтения? Чего задвинуть, дружище?

— Алексей, дружище, давай про ушаночку — пусть уж проберет так проберет.

— Окэ, хотя я бы лучше что-нибудь твое исполнил, — Алексей прикрыл глаза, несколько мгновений сосредоточенно молчал. Георгий ощутил, как воздух в гостиной наэлектризовался — волосы на голове встали дыбом, по одежде запрыгали вспышки крошечных синих молний, пробивающийся в окно луч солнечного света увяз в студне повисших пространстве пылинок. Алексей заговорил в своей неподражаемой манере. Геша впал в привычное оцепенение и не мог видеть перемен, которые творились с Ильей и Русланом — все его сознание писателя заполнилось голосом мастера новой волны хип-хопа. Шайморданов рывком выпрямился на диване, позабыв про свои руки. Глаза вспыхнули, медленно угасли и закатились. Тело содрогнулось в спазме, но тут же расслабилось, и каждый мускул обмяк, голова упала на плечо, а нижняя челюсть безвольно отвисла. С каждым выдохом Руслан усыхал, уменьшался в размерах, таял на глазах. Илья продолжал спать, но бульканье в его горле стихло. Лицо пошло розовыми пятнами, как от хлестких пощечин. Дыхание участилось, узкие плечи расправились, а грудь и живот стали раздуваться, округляться воздушными шарами. Казалось, что Шайморданова и Пузднецова соединили невидимым шлангом, по которому энергия, выходящая из одного, наполняла второго. Руслан стравливал воздух, как пробитое колесо, Илья же наоборот поднимался тестом в кадучке. Когда от Шайморданова остался лишь обтянутый серой кожей скелет, высохшая обескровленная мумия, а побагровевший Пузднецов распух настолько, что казалось, вот-вот лопнет, Алексей дочитал последнюю строчку и замолчал. Пока Геша стряхивал с себя остатки гипноза, Руслан и Илья приняли свои обычные формы. Оглядывая Шайморданова и Пузднецова, пытаясь найти в них признаки изменений, Геша увидел лишь, что один чуть бледнее обычного, а лицо второго розово и блестит от капелек пота, как после парной.

— Спасибо, Алексей. Это было супер. Честно. А что попытка не удалась, так тут... — Георгий замялся, подбирая, на какой из множества факторов можно свалить провал. Он начал говорить что-то про тонкость материи, в которую они попытались влезть своими ментально недоразвитыми руками, про отсутствие аналогов в мировой практике, про недостаточную изученность феномена, но его слова утонули в шквале диких звуков. Шайморданова и Пузднецова, до того сидящих тихо и не проронивших ни звука, прорвало — они плакали и хохотали одновременно, кричали и размахивали руками.

— Жомапелюшка! Радость моя, солнышко, ласточка, рыбонька моя! Люблю я тебя! Понимаете?! Я ее люблю! Как же я без тебя?! Убью всех! Себя убью! Нежная, сладкая моя, единственная. Где ты?! Жомапель! Люблю! Слышите?! ЛЮБЛЮ!!! Пустите меня к ней! Пусти-те!!!

— Я не под кайфом! Я не боюсь! Желтая майка лидера — Жене подарила. Помню! Никто не Шай — только я! Илья! Илюшенька! Зелибоба! Я отымел Зелибобу! Вот так я его. Вот так! Я не сторчусь! Я, Шай, единственный и неповторимый! Только я! Ха-ха! Отсосите все!!!

— Георгий, друг, так что ты говорил про попытку? — Алексей довольно улыбался.

— Брат, ты круче Иисуса, — ошарашенный Геша не верил своим глазам.

— Но-но, не богохульствуй. А то в администраторы не возьму.

31. Эпилог

Что день грядущий мне готовит?

Его мой взор напрасно ловит,

В глубокой мгле таится он.

Нет нужды; прав судьбы закон.

А. Пушкин «Евгений Онегин»

После удачного перемещения душ время перемирия истекло. Шайморданов, справедливо считая, что условия договора с Пузднецовым выполнил, распрощался с обретшим душу Ильей сухо, не подав руки. Так же Руслан намекнул Илье, чтобы тот по возможности на глаза ему не попадался, а уж если и попадался, то не дай Бог не вздумал здороваться или иным образом показывать, что между ними что-то было. Отношения Шайморданова с писателем Гешей и его другом Леонидом никак не изменились. Руслан вернулся к своим делам, благо, его империя нескольких дней безвластия не заметила. И только Владик Сяпунов, осмелившийся вернуть сим-карту в свой мобильник, услышал голос патрона, расстроился, напился до невменяемости и в таком виде, на скорости 210 километров в час расшиб себя и шаймордановскую Бэху об столб. Он умер в полной уверенности, что ни Бога, ни справедливости не существует. Попал ли Сяпля в рай, ад или почил в забвении — не известно.

Женевьева Беструссо, как и собиралась, провела несколько незабываемых бессонных ночей в компании Георгия и Леонида, после чего, не сказав никому ни слова, покинула Россию. Своим неожиданным отъездом она разбила сразу три сердца — Лёни, Ильи и Вали, которая до последнего момента продолжала верить в чудо. С собой Жене прихватила приглянувшийся ей меч с рукоятью из моржового пениса. Возникли ли у нее проблемы с его перевозом через границу — не известно.

Валя Петухова долго горевала по безвременно ее покинувшей сладкой парижанке, но при Руслане старалась вести себя как обычно. Только подарки стала требовать в два раза чаще и во столько же дороже — чтобы хоть чем-то компенсировать сердечную боль и душевные страдания. Со временем тоска прошла, но аппетита по части подарков Валя так и не уняла. Узнал ли Руслан о скоротечной связи своей избранницы с французской

нимфоманкой — не известно.

Леонид нашел в Интернете адрес электронной почты Женевьевы и стал с ней активно переписываться. По просьбе Лёни, Жене переслала ему все альбомы «JERK the IRRESISTABLE», поставив свой автограф на обложке каждого. Лёня, полюбивший эту группу еще больше, организовал ее российский клон, который обозвал «ДжейБи» — в честь Жене. В скором времени «ДжейБи» записал на студии гениального альтернативщика Алексея, с которым его познакомил Геша, альбом «Ключья стонов». Альбом взорвал все хит-парады и сформировал целую армию почитателей, а «ДжейБи» и Леня, выколачивающий в ее составе пластины вибрафона, получили культовый статус. Объяснила ли Женевьева Лёне, почему ее группа называется «Неотразимый Мастурбант» — не известно.

Георгий принял предложение Алексея и стал его помощником и верным соратником в борьбе за живое искусство. Дело артиста/продюсера Алексея росло и процветало день ото дня. Деньги, которые Геша зарабатывал в качестве администратора, плюс гонорары за тексты обеспечили ему вожацкую независимость. Геша издал во Всемирной Паутине множество бесплатных книг, из которых особенно читателям понравился цикл рассказов про двух незамысловатых пареньков — Пузeglazика и Пачкуна. Респектабельные издания окрестили этих персонажей Дживсом и Вустером нашего времени. Хотя общего в произведениях Георгия и Вудхауза не было вовсе, бесплатные издания скачивались на ура, распечатывались на принтерах и ходили по рукам. В списке самых ожидаемых литературных новинок произведения Георгия прочно застряли в первой пятерке. Издатели буквально ползали перед Гешей на коленях, умоляя согласиться на издание книг в бумажном формате и предлагая авторские гонорары с немислимым числом нулей. Геша соглашался, но ставил одно условие — книги должны распространяться бесплатно. Сокрушенные издатели крутили пальцем у виска и уходили ни с чем. Действительно ли Геша сошел с ума, или просто был альтруистом, верящим в человечество и искусство вне коммерции — не известно.

Илья Пузднецов, обрета душу и потеряв Женевьеву (которую он упорно называл Жомапель), впервые ощутил на собственной шкуре, что такое душевные страдания. Никто бы не подумал, что душа у Ильи окажется такой чувствительной и ранимой — он в горе попытался покончить с собой и вскрыл вены. Только неосведомленность Ильи в вопросе, а именно о том, что вены режут вдоль а не поперек, спасла его от бесславной гибели. Может быть, он предпринял бы вторую попытку — наглотался бы снотворного под завязочку, выпрыгнул из окна или банально удавился, но верные друзья, Леша Огузкин и Петя Бодыльев, не позволили Илье поставить преждевременную точку. Они окружили Пузднецова заботой и вниманием, рассказали, как им самим было тяжело, после того случая, когда Шайморданов объявил их неприкасаемыми. Леша тоже пытался свести счеты с жизнью. Только любовь Пети спасла его, признался Огузкин. Узнав, что его лучшие и единственные друзья гомосексуалисты, Илья не удивился и не испытал душевного отвращения. Прислушавшись к себе, он понял, что тоже всю свою сознательную жизнь любил их обоих, только не понимал этого. Так Леша, Петя и Илья из друзей стали любовниками. Искренними и страстными, уважающими себя и своих партнеров, вместе стойко переносящими все невзгоды, что щедро преподносила судьба. Они поддерживали друг друга и стояли один за всех и все за одного и были по-настоящему счастливы. Стал ли

новоиспеченный гей Пузднецов, обогатившись Зелибобой, умней и сообразительней, или так и остался тихим недалеким идиотом — не известно.

∞+1. Игрушки Белоглазого Чу

Уф, ну вот и все. Справились. На мой взгляд, совсем неплохо получилось — стопроцентная посредственность. Шедевром гения и не пахнет. Молодцы ребята. Теперь можно и отдохнуть немного. Или чуть побольше. Ведь мое время, как вода из крана — то бьет струей, то сочится по капельке, а иногда и вовсе не течет. Наливай стакан, пей до дна. Давайте, ребята, на боковую. Я аккуратно стаскиваю куклы-варежки по очереди с левой и правой руки, пальцем глажу их круглые головки-мячики — светленькую и темненькую. Тяну за ручку и выдвигаю из внутренней стороны письменного стола необъятный ящик, набитый всевозможными куклами и марионетками — людей, животных, насекомых и непонятных тварей, которых на Земле никто и никогда не видел. Такого количества игрушек нет ни у одного ребенка в мире. Да что там, у ребенка — во всех магазинах игрушек вместе взятых и малой части моего богатства не наберется. Бережно кладу пару кукол-варежек в ящик и медленно задвигаю его обратно в темные недра стола. Там внутри ночь, время для сна и сновидений. Тут снаружи, над столом, за которым я сижу — вечный день. Незаходящие солнца миллионов галактик служат мне настольной лампой. Может быть, каким-нибудь из моих игрушек удастся еще разок-другой погреться в свете этих солнц, очнуться ото сна непроглядной ночи внутри стола, оказаться здесь, на моих руках. Тяжеловато писать двумя руками одновременно — все равно как кататься на велосипеде, давя на одну педаль правой ступней, а на другую — левой ладонью. Это возможно, но следить за тем, куда этот велосипед едет — вот настоящее искусство. Суставы моих пальцев громко хрустят — кому-то этот звук неприятен. Мне же выбирать не из чего, не с чем сравнить. Разве что с шелестом бумаги, с поскрипыванием пера. Передо мной лежит ворох исписанной бумаги. Я могу протянуть к нему руку, дотронуться до рукописи, взять ее, почувствовать шероховатость бумажных волокон, вдохнуть запах подсыхающих чернил. Но это пустое самолюбование — птенец вырос, оперился и покинул гнездо. К чему его неволить? Держать перед глазами лишь с той целью, чтобы вспомнить себя высиживающим то яйцо, из которого птенец вылупился? Его и так ждет вечная ночь — для рукописей в моем столе предусмотрен отдельный ящик. Опустив локти на стол, я улыбаюсь своему темному отражению в лакированной дубовой столешнице — седые волосы кажутся золотыми. В свете галактик, выстроившихся бесконечной матрицей над моей головой, молочно-белые глаза и бескровные десны отражения влажно блестят. Письменный стол широк — он простирается во все стороны, насколько хватает воображения. Я представляю его такой бесконечной плоскостью, делящей вселенную на две части — та, что сверху (там, где моя голова) — уже придумана, другую же, подстольную часть, мне еще предстоит сформулировать. В таком случае, плоскость оказывается хирургическим столом, акушерским креслом, порталом между существованием и небытием. Ведь именно здесь нечто рождается из ничего. Хотя, за мной, там, где кончается спинка стула, тоже ничего нет. Я никогда не оборачивался, даже не подглядывал через плечо. Я ничего там не видел. Так может ли там быть хоть что-то кроме ничего? Пустота тихонько обтекает меня сзади и вот она уже лижет своим бесплотным язычком верхнюю часть вселенной. Получается, что я со своим старым столом и стулом без подлокотников, нахожусь в пустоте. Что ж, пусть так. Но куда же попадают создания,

родившиеся на этой тонкой мембране между двумя слоями пустоты? Ответ один — в ящик.

Больше книг на сайте - Knigolub.net